
ВЕСТНИК

Казанского юридического института МВД России

№ 3 (25)

2016

Научно-теоретический журнал

Учредитель и издатель –

Казанский юридический институт

Министерства внутренних дел Российской Федерации

Редакционный совет

- д.ю.н., профессор Гилинский Я.И. (СПб., РГПУ им. Герцена)
д.ю.н., доцент Готчина Л.В. (СПб., Санкт-Петербургский университет МВД России)
к.философ.н. Позднякова М.Е. (Москва, Институт социологии РАН)
д.с.н., профессор Егорышев С.В. (Уфа, ВЭГУ)
д.с.н., профессор Невирко Д.Д. (Красноярск, СЮИ ФСКН России)
д.ю.н., профессор Нигматуллин Р.В. (Уфа, УЮИ МВД России)
д.с.н., профессор Коробов В.Б. (Москва, Академия управления МВД России)
д.ю.н., профессор Дубровин С.В. (Москва, Московский университет МВД России)
д.ю.н., профессор, заслуженный деятель науки РФ и ТАССР Малков В.П. (Казань, КЮИ МВД России)
д.техн.н., профессор Минниханов Р.Н. (Казань, Управление ГИБДД МВД по РТ)
д.пед.н., профессор Габдулхаков В.Ф. (К(П)ФУ)
д.ю.н., профессор Безверхов А.Г. (Самара, СГАУ им. С.П. Королева)
д.с.н., профессор Балахонский В.В. (СПб., Санкт-Петербургский университет МВД России)
д.ю.н., профессор Варыгин А.Н. (Саратов, СГЮА)

Редакционная коллегия

Председатель – доктор педагогических наук, доцент Зиннуров Ф.К., начальник Казанского юридического института МВД России

Заместитель председателя – кандидат исторических наук, доцент Миронов С.Н., заместитель начальника КЮИ МВД России по научной работе

Члены редакционной коллегии:

- д.пед.н., к.ю.н., профессор Казанцев С.Я., профессор кафедры криминалистики
д.ю.н. Алиуллов Р.Р., начальник кафедры адм. права, адм. деятельности и управления ОВД
д.с.н., профессор Комлев Ю.Ю., профессор кафедры философии, политологии, социологии и психологии
д.э.н., профессор Хадиуллина Г.Н., профессор кафедры экономики, финансового права и информационных технологий в деятельности ОВД
д.пед.н., профессор Чанышева Г.Г., профессор кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права
д.ю.н., доцент Андреев М.В., профессор кафедры государственно-правовых дисциплин
к.ю.н., доцент Гарафутдинов М.Р., начальник кафедры уголовного права
к.филос.н., доцент Фаткуллин Ф.Ф., начальник кафедры государственно-правовых дисциплин
к.ю.н., доцент Шалагин А.Е., начальник кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права
к.пед.н., доцент Хрусталева О.Н., начальник редакционно-издательского отделения

Выходит с 2010 года ежеквартально

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС 77-50418 от 29 июня 2012 г.

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

Журнал включен в систему Российского индекса научного цитирования

Журнал распространяется только по подписке

Наш индекс в журнале «Газеты. Журналы» ОАО «Агентство Роспечать» - 84683

Главный редактор Ф.К. Зиннуров

Корректоры О.Н. Хрусталева, Н.А. Климанова Дизайн, верстка Г.А. Гиниятуллина Перевод Г.Г. Тазеев

© Казанский юридический институт МВД России. Редакционно-издательское отделение

420059, г. Казань, ул. Оренбургский тракт, 128 (vestnikkui@mail.ru)

Номер отпечатан в типографии КЮИ МВД России: 420108, г. Казань, ул. Магистральная, 35

Подписано в печать 07.09.2016 г. Формат 60x84 1/8 Усл.печ.л.13,85 Гарнитура Таймс. Печать офсетная. Тираж 200 экз.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>CONTENTS</i>	4
<u>СОЦИОЛОГИЯ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ</u>	
Невирко Д. Д. Особенности влияния социальных практик на развитие наркоситуации в российском обществе	6
Шинкевич В. Е. Молодежный экстремизм как фактор возникновения террористических угроз в обществе: социально-философский аспект	12
<u>ГОСУДАРСТВЕННОЕ, ГРАЖДАНСКОЕ, АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО</u>	
Иглин А. В. Налоговое право Евросоюза	16
Кашкаров А. А., Заброда Д. Г. Локальное нормотворчество как средство формирования и обеспечения реализации корпоративной антикоррупционной политики	22
Микерин А. А. Специфика исторического развития России в концепции культурной истории П. Н. Миллюкова	30
Салтыков К. Г. Особенности использования термина «договор» в юридическом языке и тексте	33
Селецкая С. Б., Яковлева Е. А. О некоторых особенностях правового статуса супругов и его межотраслевой природе....	37
<u>УГОЛОВНОЕ ПРАВО и КРИМИНОЛОГИЯ</u>	
Артюшина О. В., Усманова Н. М. Объект незаконного оборота новых потенциально опасных психоактивных веществ	41
Крылова Е. С. Перспективы применения наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью с учетом рекомендаций Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22.12.2015 № 58.....	46
Курсаев А. В., Терехов А. Ю. Уголовно-правовая оценка цензуры	52
Тимофеева Е. А., Яворский М. А. Проблемы противодействия экстремизму и религиозному радикализму в пенитенциарных учреждениях зарубежных стран	57
Шайдуллина Э. Д. Личность преступника, осуществляющего производство и оборот немаркированных товаров и продукции	63
Шалагин А. Е. Преступность как объект криминологических исследований	66
Демидова-Петрова Е. В. Криминологическое значение информационных факторов в поведении несовершеннолетних	72
Шевко Н. Р., Читая З. И. Проблемы определения объективной стороны преступлений, совершаемых с использованием современных информационных технологий	75

Шикула И. Р.	
Теоретические и практические проблемы определения понятия «беспомощное состояние» в уголовном праве России	78
<u>УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС, ОРД и КРИМИНАЛИСТИКА</u>	
Борков В. Н.	
Разграничение коррупционных проступков и коррупционных преступлений, совершаемых сотрудниками органов внутренних дел	83
Стельмах В. Ю.	
Понятие, признаки и основания приостановления производства предварительного расследования	87
Юнусов А. А., Мазина Н. Н.	
Виды решений суда апелляционной инстанции как элемент процесса эффективной апелляционной защиты	93
Музеев А. И.	
О мерах по совершенствованию аналитического обеспечения оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел по борьбе с организованной преступностью.....	99
Хайдаров А. А.	
Соединение уголовных дел: актуальные проблемы теории и практики	102
<u>ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ</u>	
Коноплева А. А.	
Актуальные проблемы кросс-культурных взаимодействий в контексте осуществления правоохранительной деятельности	105
<u>Трибуна Молодым</u>	
Бегишев И. Р.	
Некоторые вопросы противодействия мошенничеству в сфере компьютерной информации	112
Марина Е. А.	
Тактические приемы опроса, применяемые в уголовном процессе США на стадии досудебного производства	118
Тагиров З. И.	
Европейская модель сетевой правоприменительной деятельности: перспективы применения в России	121
Ураков Д. И.	
О проблемах оптимальной правовой организации расследования криминального мошенничества в сфере экономической деятельности	124
Хакимов Н. Н.	
Формы и методы воспитательной деятельности в образовательных организациях МВД РФ: сравнительный анализ основных подходов	128
Эргашева З. Э.	
К вопросу о декриминализации побоев	132
<u>ABSTRACTS AND KEY WORDS</u>	136
<u>К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ</u>	140

CONTENTS

<u>CONTENTS</u>	4
<u>SOCIOLOGY OF DEVIANT BEHAVIOR</u>	
Nevirko D. D. Features of influence of social practice on development of the drug situation in the Russian society	6
Shinkevich V. Y. Youth's extremism as a factor of development of terrorist threats in the society: social and philosophic aspect	12
<u>STATE, CIVIL, ADMINISTRATIVE LAW</u>	
Iglin A. V. Tax law of the European union	16
Kashkarov A. A., Zabroda D. G. Local law-making as a means of formation and enforcement of corporate anti-corruption policy	22
Mikerin A. A. Specific of the historical development of Russia in the concept of cultural history of Milyukov P.N.	30
Saltykov K. G. Especially the use of the term «contract» in legal language and text	33
Seletskaja S. B., Yakovleva E. A. Features of legal status of married couples and their interdisciplinary nature	37
<u>CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY</u>	
Artyushina O. V., Usmanova N. M. The object of illicit trafficking of new potentially dangerous substance	41
Krylova E. S. Possibility of application of punishment in the form of deprivation of the right to occupy certain positions or engage in certain activities taking into account the recommendations of the Resolution of Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation from 22.12.2015 No. 58	46
Kursaev A. V., Terehov A. Y. Legal assessment of the censorship	52
Timofeeva E. A., Yavorsky M. A. Analysis of research activity in the sphere of combating extremism and religious radicalism in penal institutions of foreign countries	57
Shaydullina E. D. The personality of a criminal, engaged in production and trafficking of unmarked goods and products	63
Shalagin A. E. Crime as an object criminological research	66
Demidova-Petrova E. V. Criminological importance of information factors in the behavior of minors	72
Shevko N. R., Chitaya Z. I. Problems of definition of the objective side of crimes committed using information technology...	75

Skikula I. R. Theoretical and practical problems of the definition of «helpless state» in the criminal law of Russia	78
<u>A CRIMINAL TRIAL, INVESTIGATIVE ACTIVITIES AND CRIMINALISTICS</u>	
Borkov V. N. Differentiation of corruption offenses and corruption crimes committed by members of the Interior	83
Stelmach V. Y. The concept, features, and grounds for suspension of the preliminary investigation	87
Yunusov A. A., Mazina N. N. Types of judgments of appellate instance as an element of an effective appeal process protection	93
Mouzeev A. I. Some measures to improve analytical support operational and investigative police activities for the control of organized crime	99
Haidarov A. A. Connection cases: actual problems of theory and practice	102
<u>HUMANITIES</u>	
Konoplyova A. A. Actual problems of cross-cultural interaction in the context of law enforcement activity implementation	105
<u>TRIBUNE for the YOUNG</u>	
Begishev I. R. Some questions of counteraction to fraud in the sphere of computer information	112
Marina E. A. The tactics of the survey used in the criminal procedure of the usa in the pretrial stage	118
Tahirov Z. I. European model of law enforcement: prospects of application in Russia	121
Urakov D. I. About the problems of the optimal legal organization of investigation of criminal fraud in the sphere of economic activity	124
Khakimov N. N. Formes and methods of educational activity in educational establishments of Ministry of Interior of the Russian Federation: comparative analyzes of basic trends	128
Ergasheva Z. E. On the issue of battery decriminalization	132
<u>ABSTRACTS AND KEY WORDS</u>	136
<u>NOTICE TO AUTHORS</u>	140

УДК 316

Д. Д. Невирко

ОСОБЕННОСТИ ВЛИЯНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ПРАКТИК НА РАЗВИТИЕ НАРКОСИТУАЦИИ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Статья посвящена анализу социальных практик, которые в зависимости от содержания и направленности имеют как позитивные, так и негативные последствия для общества. Автором предложены основные направления ослабления социальных практик, направленных на незаконное производство и оборот наркотиков, и усиление тех, которые направлены на профилактику немедицинского потребления наркотиков и пропаганду здорового образа жизни.

Ключевые слова: социальная практика, мониторинг наркоситуации, наркотизация общества, наркотические средства, психотропные вещества, незаконный оборот наркотиков, профилактика наркопотребления.

Непосредственный анализ влияния социальных практик на изменение уровня наркоситуации в российском обществе, на наш взгляд, необходимо начать с рассмотрения категорий «наркоситуация» и «уровень наркоситуации».

В науке существуют значительное количество подходов к определению наркоситуации, которая рассматривается через призму конфликтологической, психологической, криминологической характеристик. В связи с этим важно системно подойти к характеристике данного явления. На этом основании наиболее конструктивным видится социологический подход, согласно которому наркоситуация – это социальное явление, заключающееся в обращении наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов, состоянии профилактики немедицинского потребления наркотиков и противодействия их незаконному обороту, социальной реабилитации наркозависимых лиц, а также пропаганде здорового образа жизни в обществе, то есть совокупность социальных практик, реализованных в обществе в определенное время.

Анализ наркоситуации в Российской Федерации и динамики ее развития показывает, что незаконный оборот и потребление наркотических средств и психотропных веществ продолжают расти [4, с.92]. Несмотря на предпринимаемые усилия общества и государств, наблюдается формирование устойчивых очагов поражения наркотической зависимостью, обусловленное региональными, со-

циально-экономическими, культурными, идеологическими и географическими особенностями.

Прежде чем анализировать основные тенденции и закономерности развития наркоситуации в российском обществе, необходимо отметить наличие пессимистических перспектив в данной сфере, не позволяющих успокоить общественные и государственные силы, осознающие пагубность распространения наркоэпидемии. Доходы от незаконного оборота наркотиков в Российской Федерации, по оценкам специалистов, сегодня составляют порядка 5 млрд долларов [5, с. 11-13], 7,3 млн лиц – 5% населения страны – с разной степенью регулярности употребляют наркотики [6]. Для России в большей степени характерно употребление каннабиноидных и опиоидных наркотиков, а также героина, в меньшей – амфетаминовых наркотиков и кокаина. В течение последних двух лет четко обозначилась негативная тенденция, связанная с употреблением синтетических наркотиков.

В среднем каждый год количество больных наркоманией увеличивается на 30 тыс. человек. В настоящее время Россия занимает лидирующее положение в мире по количеству лиц с героиновой зависимостью на 100 тыс. населения (320 человек), в целом – порядка 500 тыс. граждан. В Западной и Центральной Европе данный коэффициент находится на отметке 150 человек. Высокая степень наркопотребления в России объясняется разными факторами, и в том числе значительным

Невирко Дмитрий Дмитриевич, доктор социологических наук, профессор Сибирского федерального университета (г. Красноярск), e-mail: NDD-krasnoyarsk@mail.ru. Тел. (391) 222-41-13

© Невирко Д.Д., 2016

Статья получена 14.06.2016

объемом наркотиков, находящихся в незаконном обороте. Например, в 2015 году из незаконного оборота изъято более 36 тонн различных наркотических средств [6].

Исследуя наркоситуацию в целом и факторы, ее обуславливающие, в динамике, мы можем определить возникающие новые наркоугрозы, уровень их опасности и выработать действенные механизмы их минимизации как на международном, так и на национальном уровнях.

Шведский исследователь наркоситуации Нильс Бейерут выделил факторы, от которых зависит экспозиционное давление наркосреды, и ранжировал их следующим образом [2]:

- 1) друзья, потребляющие наркотики;
- 2) доступность наркотиков;
- 3) отношение средств массовой информации и рядовых граждан;
- 4) действующее законодательство;
- 5) политика государства в этой сфере;
- 6) социальные условия;
- 7) знания о последствиях потребления.

Эти факторы оказывают существенное влияние на формирование конкретных социальных практик и их реализации в социально-культурной жизни общества.

Общество, подверженное различным влияниям, в том числе и наркомании, формирует соответствующую социальную практику, представляемую нами как совокупность социальных действий акторов, которые используют некоторые общественные институты, организации и учреждения, воздействуя на систему общественных отношений, изменяют общество и развиваются сами. Данные социальные практики в зависимости от содержания и направленности имеют как позитивные, так и негативные последствия для общества.

В современных условиях в российском обществе можно выделить несколько базовых социальных практик в сфере наркотизации общества. Это практика нелегального производства, оборота и немедицинского потребления наркотиков, которая носит деструктивную (негативную) направленность, и социальная практика пропаганды здорового образа жизни, являющаяся конструктивной (положительной).

Следствием социальных практик, связанных с незаконным производством, оборотом и потреблением наркотиков, является ухудшение наркоситуации в обществе. Социальные практики, связанные с профилактикой немедицинского потребления наркотиков и пропаганды здорового образа жизни, способствуют улучшению наркоситуации. Поэтому одной из основных задач противодействия наркотизации общества, улучшения наркоситуации

является укрепление социальных практик, направленных на пропаганду здорового образа жизни, и ослабление социальных практик, направленных на незаконное производство, оборот и потребление наркотиков.

Важным моментом в реализации данной задачи является реальная оценка наркоситуации, складывающейся в российском обществе.

Согласно методике и порядку осуществления мониторинга, а также критериям оценки наркоситуации в Российской Федерации и её субъектах определяется по 4 параметрам:

– масштабы незаконного оборота наркотиков (включает пять показателей оценки наркоситуации: распространенность противоправных деяний в сфере незаконного оборота наркотиков; криминальная пораженность; удельный вес наркопреступлений в общем количестве зарегистрированных преступных деяний; удельный вес лиц, осужденных за совершение наркопреступлений, в общем числе осужденных лиц; удельный вес молодежи в общем числе лиц, осужденных за совершение наркопреступлений);

– масштабы немедицинского потребления наркотиков (включает только один показатель: распространенность немедицинского потребления наркотиков с учетом латентности);

– обращаемость за наркологической медицинской помощью (включает три показателя: общая заболеваемость наркоманией и обращаемость лиц, употребляющих наркотики с вредными последствиями; первичная заболеваемость наркоманией; первичная обращаемость лиц, употребляющих наркотики с вредными последствиями);

– смертность от употребления наркотиков (один показатель: смертность, связанная с острым отравлением наркотиками, по данным судебно-медицинской экспертизы).

На основании анализа различных сочетаний количественных характеристик наркоситуации определяются пять её уровней: удовлетворительный, напряженный, тяжелый, предкризисный, кризисный.

Наркоситуация в России, рассчитанная на основе вышеуказанных параметров, представляется как тяжелая.

Однако такой подход позволяет только приблизительно оценить уровень состояния наркоситуации в обществе. Это связано с тем, что в качестве параметров оценки наркоситуации используются показатели, характеризующие результаты деятельности правоохранительных органов и медицинских учреждений. Такой статистический подход, основанный только на количественной оценке результатов деятельности субъектов антинаркотического процесса, не позволяет точно оценить

наркоситуацию в обществе. Поэтому назрела необходимость разработки более эффективной методики оценки наркоситуации, основанной на использовании социологического подхода к анализу данного социального явления.

Суть новой методики заключается в том, что в качестве оценки наркоситуации за основу берутся социальные индикаторы, отражающие изменения социальных практик в четко определенных пространствах и времени.

Эффективность методики оценки наркоситуации, основанной на анализе социальных практик противодействия наркоугрозе, позволяет системно и более качественно определить уровень развития наркоситуации в обществе.

Анализ результативности влияния социальных практик на наркоситуацию также позволяет определить тенденции развития данного явления и разработать конкретные механизмы укрепления положительных и ослабления негативных социальных практик в современном российском обществе.

Выделим некоторые тенденции социальных практик, формирующих наркоситуацию в современном российском обществе.

Укрепление социальной практики вовлечения населения в процесс потребления наркотиков, связанной с героиновым давлением из Афганистана. С 2001 года производство опиатов в Афганистане, по данным ООН, выросло более чем в 40 раз. При этом в непосредственной близости от России, на севере Афганистана, а также на территории государств Средней Азии продолжают концентрироваться гигантские запасы опиатов. По данным ООН, их величина в настоящее время достигает 12 тыс. тонн. Этого объема наркотиков хватило бы для ежедневного употребления на протяжении 100 лет количеству наркоманов, равному по численности сегодняшнему населению России. По доле населения, вовлеченного в злоупотребление опиатами, Россия опережает государства Евросоюза в среднем в 5-8 раз, а, например, Германию – в 20 раз. Этот скачок произошел менее чем за двадцать лет [7]. Каждые сутки в России от героиновой наркомании умирают 82 человека призывного возраста, то есть каждый год – 30 тыс. человек [1].

Почти 90% наркоманов зависят от афганских опиатов, которые попадают в Россию через Таджикистан и Южный Кавказ (примерно 65%), а также Кыргызстан, Узбекистан и Казахстан, – ежедневно до 200 кг. Поэтому производство и поставку героина из Афганистана необходимо рассматривать как вызов России и фактически полномасштабную против нее героиновую наркоагрессию, а также угрозу международному миру и безопасности [1].

Активизация социальной практики вовлече-

ния в девиантную среду граждан, характеризующихся приемлемыми социальными показателями: высоким образовательным уровнем, наличием значительных доходов, отсутствием жилищных проблем, проживанием в благополучных семьях и т.п., связана с ухудшением нравственного облика населения, ослаблением социального иммунитета перед угрозой наркотического заражения, на фоне которых социальная среда становится менее защищенной от наркотического синдрома.

Расширение географии социальной практики наркотизма. В современной России практически все регионы охвачены этим явлением. Более того, наркотизм поражает не только городскую, но и сельскую местность. Данная тенденция опровергает существующие криминологические представления о том, что распространение наркомании связано с миграционными процессами. Во-первых, географическая эскалация наркотрафика уже не отражает вектор «движения» наркотиков с юга страны на север. Во-вторых, в наркотрафике активное участие принимает местное население, поскольку сегодня причины широкого распространения наркотиков связаны с социально-экономическими факторами: сохранением бедности и социальной дифференциации, падением жизненного уровня, безработицей. Также это обусловлено распространением бездуховности из центра на окраины страны и активной экспансией субкультуры наркопотребления.

Укрепление социальной практики увеличения количества видов наркотиков, включая их синтетические варианты, разнообразные «дизайнерские наркотики» как синтетические заменители натурального вещества, полностью воспроизводящие наркотические свойства последнего, курительные смеси («спайсы»), а также относительно дешевые лекарственные препараты, используемые для приготовления наркотических веществ. Этот процесс осложняется отсутствием эффективных методик определения наркотических свойств того или иного нового вещества либо препарата.

Укрепление социальной практики вовлечения в наркопотребление несовершеннолетних и женщин. Ухудшается демографическая картина наркозависимости, поскольку среди потребителей все больший удельный вес занимают несовершеннолетние и женщины. Так, средний возраст наркоманов-подростков составляет 13-14 лет, а в целом около 2 млн потребителей всех наркотиков – молодежь до 24 лет. Среди общего количества лиц, стабильно употребляющих наркотики, уже около 85 тыс. женщин, что составляет 17% [3, с. 2].

Резкую озабоченность общества вызывает социальная практика сращивания наркоиндустрии с организованной преступностью. Более того, это

происходит на фоне значительной коррумпированности правоохранительных органов, структур погранично-таможенного контроля и государственного аппарата. К сожалению, остается практика использования служебного положения в сфере обеспечения наркотрафика, прикрытия незаконного производства наркотических средств и психотропных веществ. Причем эти преступления высоколатентны.

Как показывают наблюдения последних лет, социальная практика распространения наркотиков приобретает все более ярко выраженный этнический характер. Это, прежде всего, таджикские и афганские группировки, действующие в Москве и других крупных городах, китайские и корейские группировки на Дальнем Востоке и в отдельных регионах Сибири, азербайджанские и цыганские – на западе страны и в Сибирском федеральном округе.

Очевидно, что все усилия субъектов антинаркотического процесса в России должны быть направлены на ослабление вышеуказанных социальных практик, связанных с наркотизацией общества.

Основные направления ослабления социальных практик, направленных на незаконное производство, оборот и потребление наркотиков, можно свести к некоторым основным мерам комплексно воздействия.

В информационно-идеологическом поле:

- ограничение опубликования в средствах массовой информации материалов, связанных с тематикой наркотизации, увеличение количества изданий и передач, освещающих позитивные социальные перспективы, пропагандирующих ценности здоровья и здорового образа жизни, с целью перевода активности подростков и молодежи из деструктивного в конструктивное русло. Использование информационных возможностей художественной литературы, кино, периодической печати для формирования общественного мнения о правоохранительных органах и позитивного отношения к ним граждан. Обеспечение эффективности соответствующего направления антинаркотической деятельности за счет государственного заказа средствам массовой информации;

- реализация интегрированной информационной стратегии в целях достижения эффективности просветительской работы в профессиональных образовательных организациях. Профилактические мероприятия должны способствовать формированию у обучаемых общечеловеческих ценностей, навыков активной психологической самозащиты, представлений о высокой социальной ценности будущей профессии, развитие мотивации на успешность в жизни, в бизнесе, в коллективе. В учебные дисциплины необходимо ввести разделы,

показывающие значимость сохранения и укрепления здоровья;

- разработка системы профилактики наркопотребления в образовательных организациях, включая мониторинг образовательной среды, создание межведомственных комиссий по антинаркотической работе, внедрение унифицированных профилактических программ обучения руководителей и исполнителей;

- развитие антинаркотического направления волонтерского движения.

В области медико-реабилитационного воздействия на лиц, имеющих наркотическую зависимость:

- разработка правовой базы для выявления подростков и молодых людей, эпизодически употребляющих психоактивные вещества, для проведения с ними профилактической работы. Использование в рамках ежегодного медицинского осмотра аппаратного скринингового тестирования обучаемых образовательных учреждений;

- установление эффективного механизма организации профилактического наблюдения за лицами, признанными больными наркоманией и совершившими преступления;

- законодательное закрепление прохождения лицом, отбывающим наказание, антинаркотических медико-социальных реабилитационных программ, максимально учитывающих личностные особенности осужденного, в том числе с использованием приемлемого опыта работы исправительных учреждений зарубежных стран.

В сфере организационно-правового обеспечения:

- активизация работы правоохранительных органов, направленной на склонение лица к добровольному отказу от совершения планируемых или подготавливаемых преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов, явке с повинной в правоохранительные органы либо к деятельному раскаянию;

- дальнейшее совершенствование уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность за незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов. В этом направлении целесообразно:

- установление уголовной ответственности за немедицинское потребление наркотических средств и психотропных веществ лицом после привлечения его к административной ответственности за ранее допущенное потребление наркотиков без назначения врача;

- увеличение количества составов наркопреступлений, за совершение которых возможно применение отсрочки отбывания наказания больным

наркоманией в соответствии со статьей 82.1 УК РФ. Это связано с тем, что, во-первых, около 75% лиц, привлеченных к уголовной ответственности в 2015 году за преступления в сфере незаконного оборота наркотиков, как правило, наркоманы, и, во-вторых, это позволит «разгрузить пенитенциарную систему, дать надежду наркоману и его родителям» [6];

– установление обязательности применения принудительных мер медицинского характера в отношении всех признанных больными наркоманией лиц, совершивших преступления;

– активизация деятельности по выявлению в обороте новых синтетических психоактивных веществ, не относящихся к подконтрольным, для проведения своевременного экспериментального токсикологического исследования наличия и величины их психоактивного действия;

– расширение на законодательном уровне спектра негативных последствий правового характера, наступающих для лица, имеющего наркотическую зависимость, при его привлечении к административной ответственности за совершение правонарушений, связанных с незаконным употреблением наркотических средств и психотропных веществ, для эффективной профилактики повторного правонарушения в связи с недостаточностью правоограничительного ресурса административных наказаний (лишение права управления транспортными средствами, осуществления отдельных видов деятельности и т.д.);

– разработка и принятие Федерального закона «О запрете пропаганды и демонстрации немедицинского употребления наркотических средств и психотропных веществ», направленного на недопущение информирования населения о формах и способах изготовления и потребления наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов.

В области криминологического воздействия:

– продолжение исследования наркоситуации в России и ее регионах с учетом особенностей соци-

ально-экономического, культурно-нравственного развития и географического расположения регионов, зарубежного опыта борьбы с наркопреступностью с целью выработки научных рекомендаций по профилактике наркотизма, противодействию наркопреступности, а также гармонизации российского уголовного права;

– проведение дальнейших исследований по вопросам соразмерности и эффективности уголовной и административной ответственности и механизмов правового воздействия на лиц, совершивших преступления и административные правонарушения, связанные с незаконным оборотом наркотиков, для приведения системы мер такого воздействия в соответствие с современными потребностями борьбы с наркопреступностью.

В экономической сфере:

– активное противодействие криминальному наркобизнесу и подрыв его экономической основы путем поощрения общественно полезных форм экономического поведения и вытеснение «теневой» экономики из хозяйственной сферы;

– изменение существующей наркоситуации путем снижения спроса на наркотики посредством побуждения наркопотребителя к лечению, обеспечения доступности услуг по реабилитации и ресоциализации наркозависимых, что должно быть экономически выгодно как для государства, так и самого наркозависимого;

– контроль за ценовым спросом на наркотики с целью регулирования государственной ценовой политики на ингредиенты, используемые при изготовлении наркотических средств и психотропных веществ и свободно распространяемые через аптечную и иную контролируемую сеть.

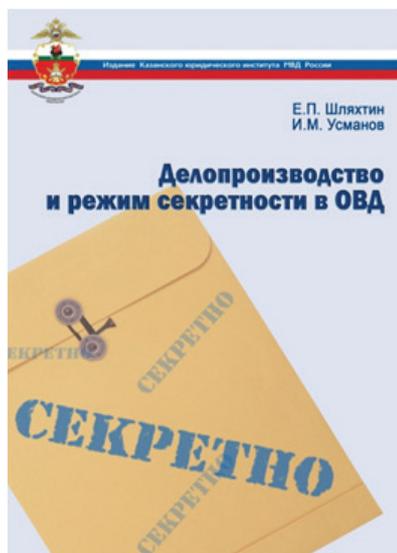
Таким образом, учитывая особенности влияния социальных практик на наркоситуацию, можно определить не только её уровень, но и выработать эффективные механизмы противодействия наркоугрозе российскому обществу.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Выступление председателя Государственного антинаркотического комитета, директора Федеральной службы Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков В.П. Иванова на Парламентских слушаниях в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации 19 февраля 2009 года. URL: http://www.fskn.gov.ru/includes/periodics/speeches_fskn/2009/0219/18014993/detail.shtml (дата обращения: 15.01.2016).
2. Зазулин Г.В. Философия борьбы с наркоугрозой: от наркотизма к наркоконфликту, необходимость смена политической парадигмы, подготовка наркоординаторов // Тезисы выступления на семинаре всероссийского научно-практического форума «Дни петербургской философии – 2007» / ЕСАД – Европейские города против наркотиков. URL: <http://www.ecad.ru/f4/sem28-05.html> (дата обращения: 15.01.2016).
3. Мохначев С. Героиновая наркомания у женщин // Пока не поздно. 2007. № 7.
4. Наркоситуация в зоне действия Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) (2009 – 2013 гг.) : аналитические материалы / под редакцией Д.Д. Невирко. Красноярск : СибЮИ ФСКН России, 2014. 104 с.

5. Овчинский В.С. О развитии наркоситуации в России: как обезвредить мины на российском наркополе // Наркоконтроль. 2011. № 1.
6. Рабочая встреча Президента Российской Федерации В.В. Путина с директором Федеральной службы Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков В.П. Ивановым 13 января 2016 года. Глава ФСКН России информировал Президента Российской Федерации о результатах работы ведомства в 2015 году. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/51164> (дата обращения: 15.01.2016).
7. Paoli L. The development of an illegal market. Drug consumption and trade in post-Soviet Russia // British Journal of Criminology. 2012. Vol. 42. P. 21–39.

ИЗДАНИЯ КАЗАНСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА МВД РОССИИ

Шляхтин Е.П., Усманов И.М.

Делопроизводство и режим секретности в ОВД: учебное пособие. – 2-е изд., перераб. и доп. – Казань: КЮИ МВД России, 2016. – 204 с.

В учебном пособии «Делопроизводство и режим секретности» рассматриваются основные понятия и определения, относящиеся к делопроизводству в органах внутренних дел, организации и соблюдения режима секретности в органах и организация системы МВД России, а также вопросы допуска граждан и должностных лиц ОВД к государственной тайне.

Предназначено для курсантов и слушателей всех форм обучения и направлений подготовки в образовательных организациях МВД России при изучении учебных дисциплин «Делопроизводство и режим секретности» и «Режим секретности в органах внутренних дел», а также для иных лиц, интересующихся данной темой.

УДК 316

В. Е. Шинкевич

МОЛОДЕЖНЫЙ ЭКСТРЕМИЗМ КАК ФАКТОР ВОЗНИКНОВЕНИЯ ТЕРРОРИСТИЧЕСКИХ УГРОЗ В ОБЩЕСТВЕ: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ

Статья посвящена социально-философскому осмыслению проблемы молодежного экстремизма. Автор обращает внимание на то, что экстремизм представляет большую угрозу не только для России, но и для мирового сообщества в целом, что экстремистская практика наносит непоправимый вред устоявшимся общественным ценностям человечества, оказывает существенное негативное влияние на «чувство защищенности» человека, подрывает безопасность общества и государства. Также в статье предлагаются некоторые меры по противодействию молодежному экстремизму как фактору проявления террористических угроз.

Ключевые слова: экстремизм, молодежный экстремизм, терроризм, виды экстремизма, факторы экстремизма, противодействие экстремизму в молодежной среде.

Глобальные изменения, происходящие в мире в начале XXI века и приведшие к кардинальной перестановке сил на международной арене, способствовали коррекции концептуальных подходов мирового сообщества, отдельных государств к проблеме национальной безопасности [1].

Социально-философский взгляд на феномен безопасности предполагает широкий пласт собственно философской проблематики – обоснование эмпирического подхода к проблеме истины, понимание функционирования явления, сопоставление объективного и субъективного, определение вектора направленности, а также динамики его развития.

Экстремизм как социально-политическое явление, непосредственно влияющее на состояние безопасности и стабильности общества, включает систему организаций, идеологических положений и установок, а также практических действий общественных групп, политических партий и движений, отдельных граждан, направленных на использование насилия или угрозы его применения по отношению к органам государственной власти, политическим институтам, обществу в целом, международным и национальным организациям с целью изменения существующего государственного строя, разжигания национальной и социальной вражды, гарантирования привилегий, вседозволенности и закрепления «правоты» в решениях только

за некоторыми социальными сообществами, проповедующими «исключительность» определенных идеологий [2, с. 548–553]. Немаловажен тот факт, что деятельность экстремистских групп и организаций существенно снижает престиж государства и авторитет его компетентных органов, а экстремистские течения, по мнению исследователей, как правило, стремятся к диктатуре [3], отличаются деятельной активностью, зачастую финансируются теневым бизнесом.

Присущее нашему времени интенсивное перемещение через границы людей, товаров, информации способствует росту организованной преступности, расширению террористической и экстремистской деятельности во всех направлениях [4].

В самом широком смысле под экстремизмом понимают приверженность субъектов социального действия к крайним радикальным взглядам на общественно-политическую ситуацию и использование в противостоянии с «оппонентом» преимущественно средств насилия, провоцирование беспорядков, проведение террористических акций, расширение практики гражданского неповиновения и пр.

Росту экстремистских настроений чаще всего способствуют разрушение духовных основ нации, социально-экономические кризисы, ярко выраженная системная коррупция. Ее опасность состоит в том, что «она ... поражая государственные струк-

Шинкевич Владимир Ефимович, доктор социологических наук, доцент, профессор Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск), e-mail: vlashink@yandex.ru

© Шинкевич В.Е. 2016

Статья получена 13.05.2016

туры, ... подрывает доверие к ним как отдельных граждан, так и всего населения. Тем самым системная коррупция ставит под угрозу социальный мир» [5]. На идеи противодействия системной коррупции были основаны практически все «цветные революции» конца XX - начала XXI века.

Анализируя многочисленные факты проявлений экстремизма в современном мире, очень сложно говорить о том, что обществом в полном объеме осознана общественная опасность данного социального явления. Несмотря на принимаемые меры по профилактике его в социуме, данная проблема остается для современных обществ актуальной. Нередки факты, когда экстремистские настроения подогреваются извне для «расшатывания» государства - политического оппонента, дискредитации государственных органов в лице мировой общественности и собственного народа.

Как показывают наблюдения, у экстремизма есть социальные корни, в силу чего он чаще всего имеет последователей среди молодежи. Кризисные явления конца XX-XXI вв. «неблагоприятным образом сказались на повседневной жизни, прежде всего молодых людей, внесли в нее элементы непредсказуемости и нестабильности, ощущения риска, фрустрации, депривации в процессе социальной адаптации» [2, с. 45].

Идеология экстремизма, разрабатываемая как самими активистами экстремистских группировок, так и близкими к ним кругами, нашла постоянное место в литературе и искусстве, которые часто «упаковывают» информационные коды экстремизма в занимательную и внешне безобидную оболочку того или иного жанра. Упрощенно и понятнейно доступно вплетая элементы политики в сюжет повествования, авторы доносят до широких масс ключевые моменты идеологии экстремизма, насилия и бунтарства [6], формируют образ мнимого врага в сознании целевых групп.

Однако, представляя собой опасное и нежелательное явление для любого общества, экстремизм оказывается его необходимым компонентом. В этом заключается парадоксальность феномена экстремизма – с ним необходимо бороться любой властью, которая хочет продлить свое существование, и вместе с тем экстремизм может быть востребован на случай социальной катастрофы как тот фактор, который восстановит общество на новой основе. В этом видится философский взгляд на феномен экстремизма, который совмещает понимание его неприемлемости для локальной регулярности и его необходимости для более широкой социальной среды.

Молодость – важный и ответственный период в жизни человека, время формирования социаль-

ной зрелости. Однако молодое поколение России на рубеже двух тысячелетий оказалось во многом лишено надежных социальных ориентиров. В результате в молодежной среде проявляются негативные тенденции, обусловленные отставанием уровня образования по сравнению с наиболее развитыми странами и падением его престижа, «поточным производством» специалистов без учета реальной потребности в них и т.д. Как следствие молодежная среда становится опасной криминогенной зоной, преступность омолаживается, усиливается ее групповой организованный характер. В таких условиях больше всего подвержена крушению идеалов, апатии именно молодежь, т.к. система ценностей этой группы общества наиболее подвижна, мировоззрение не устоялось. Если сюда добавить новомодный нигилизм, то получим близкий к оригиналу портрет некоторых «интеллектуалов», встречающихся среди нашей молодежи, переданный Н.К. Доризо в стихотворении «Стихи о голом короле».

Юноша стареющий,
Демон начинающий,
Ни во что не верующий,
Все на свете знающий [7, с.107].

Вместе с тем молодежь всегда рассматривается как ресурс развития общества, который активно (иногда экстремально) используется им в решении жизненно важных проблем, программ, планов (примером тому является распространенная в советский период практика организации властью комсомольских ударныхстроек, строек коммунизма, движений новаторов и рационализаторов, лучших по профессиям и пр.). Задача социальной философии, социологии в данном случае – исследовать потенциальные возможности самореализации молодежи.

Среди множества проявлений молодежного экстремизма свое место занимает протест против господства общего (официального, общественно одобряемого). Однако многие причины, порождающие молодежный экстремизм, имеют внутреннюю природу. К таковым в различных современных обществах необходимо отнести: обострение политической борьбы между многочисленными политическими партиями и общественными движениями; острое противостояние между сторонниками существующего в стране политического режима и оппозицией; межнациональные конфликты; этнический и религиозный сепаратизм; национализм и всех мастей фанатизм; забастовочное движение и т.д. Влияние молодежного экстремизма на общество обусловлено теми обстоятельствами, что данное явление: «... а) затрагивает широкие круги социума; б) вызывает са-

мые сильные эмоции у большинства его членов; в) характеризуется повторяемостью. Социальная динамика феномена связана с уровнем конфликтности в обществе (накоплением неудовлетворенности существующим положением дел, возрастанием притязаний, изменением самосознания и социального самочувствия индивидов и социальных групп)» [8, с. 203-209; 6]. И это все при том, что, как правило, молодому человеку очень сложно объективно оценить существующие реалии. Он далеко не всегда способен безоговорочно воспринимать предлагаемые ему обществом правила поведения, ценности, нормы и условия существования, а иногда и становится инструментом нагнетания общественной напряженности в руках тех или иных политических сил, реализующих свои политические установки, в том числе посредством насилия.

Российскую специфику экстремистских образований в молодежной среде определяют три основных фактора:

а) низкая социальная защищенность молодежи в условиях социальной, профессиональной и экономической неустойчивости российского общества;

б) специфика социальной мобильности в российском обществе (неработающий «социальный лифт»), усиливающая социокультурное расслоение, ограничивающая доступ к социальным ресурсам молодых людей из разных сред;

в) аномия в обществе, проявляющаяся в утере нормативно-ценностных оснований поддержания социальной солидарности и обеспечения социальной идентичности, в сложности достижения молодыми людьми высокого статуса и получения престижных материальных благ.

Результаты ряда социологических исследований показывают, что значительная часть молодежи тяготеет к сильной власти и четкому порядку. По наблюдению ряда исследователей, «в демократии найти виновного сложнее. Здесь надо начинать спрашивать с самого себя. Может быть, именно это нам и не нравится?» [9].

В стабильном обществе молодые люди стремятся интегрироваться в ту социальную группу, в которой обретается желаемая статусная позиция. По мере осознания своего статуса у них возрастает потребность в его повышении. В современном российском обществе на всех уровнях социального взаимодействия возникают трения по поводу запросов и ожиданий, прав и обязанностей, интересов и возможностей их реализации. Вероятность социальной неопределенности и риск обострения этих противоречий порождают экстремистские настроения, прежде всего в молодежной среде. Возникает иллюзия того, что

можно достичь всего и сразу, по крайней мере, быстро, в относительно короткий промежуток времени. В результате молодежь является относительно легкой «добычей» различного рода деструктивных сил (в диапазоне от уголовщины, до политического экстремизма). Отсутствие мотивов и ресурсов массового политического участия молодежи в русле официальных политических институтов, преобладание неорганизованного досуга и свободного времяпрепровождения, разочарование результатами реформирования системы, а с другой стороны, агрессивность и радикализм сознания, выливающиеся в озлобленность и цинизм в молодежной среде, приводят часть молодых людей в лагерь экстремистов.

Сопряженным фактором роста молодежного экстремизма, который с большей или меньшей степенью можно отнести к России в целом, выступает активность мусульманских экстремистов, имеющиеся факты вовлечения их в террористические организации, действующие как на территории России, так и в других регионах мира. Важную роль играют также личностные факторы, такие как деформация системы ценностей, «нездоровая» среда общения, преобладание досуговых ориентаций над социально значимыми, неадекватное восприятие педагогических воздействий, отсутствие жизненных планов [10]. Дополнительно можно выделить несколько групп факторов агрессивного поведения молодежи: биологические, индивидуально-психологические особенности личности, специфика воспитания, роль средств массовой информации и т.д. Важно видеть причины, порождающие эти угрозы: рост экономического неравенства людей, социальные и национальные противоречия, недостаточная социальная защищенность или неэффективность системы социальной защиты, несовершенство законов, слабость правоохранительной системы, низкая эффективность противодействия коррупции, разрушение прежних ценностей и неопределенность новых.

Влияние молодежного экстремизма на общество обусловлено теми обстоятельствами, что рассматриваемый феномен: а) затрагивает широкие круги социума, его наиболее активной части; б) вызывает самые сильные эмоции у большинства его членов; в) характеризуется повторяемостью. Социальная динамика феномена связана с уровнем конфликтности в обществе (накоплением неудовлетворенности существующим положением дел, возрастанием притязаний, изменением самосознания и социального самочувствия индивидов и социальных групп).

Очевидна необходимость новых взглядов на

молодежный экстремизм – более глубоких, более точных, органично связанных с историей явления, более приближенных к истине. И там, где не срабатывают нормальные регуляторы эволюционного развития, поиски решения смещаются в область экстремального.

Молодежь в большей степени подвержена радикальным настроениям. Даже в спокойные в политическом и экономическом плане времена количество радикально настроенных людей среди молодежи всегда выше, чем среди остального населения. Эти процессы приобретают особое значение в контексте проблем социальной безопасности российского общества, вызванных действиями экстремистов [11,5], ведущих к физической и духовной деградации, разрушению личности, этноса, общества, государства. Поэтому социально значимый и опасный экстремизм молодежи должен глубоко и всесторонне изучаться как феномен, требующий политико-правового, административно-управленческого и социокультурного противодействия [12].

Экстремизм молодежи является атрибутивной чертой любого общества, его полное искоренение (репрессивно правовыми, экономическими

или социально-культурными) методами невозможно. Однако вполне реально его ограничение, удержание в рамках приемлемого в результате реализации динамичного комплекса мер международного, государственного и регионального уровней, направленных на согласование устремлений молодежи с тенденциями развития российского общества. Переход от краткосрочных и локальных решений к стратегически выстроенным среднесрочным программам в области молодежной политики (прежде всего, включая задачи профилактики и противодействия молодежному экстремизму, организация и проведение ежегодного мониторинга данного негативного социального явления, оптимизации усилий по обеспечению социальной защищенности молодежи, расширения возможности трудоустройства по получаемым профессиям) повысит интегральный потенциал этой важной социально-демографической группы, обеспечит своевременность принятия государственными и общественными институтами согласованных управленческих решений, направленных на профилактику молодежного экстремизма и экстремистских действий, придаст новый импульс развитию страны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Беляков Б.Л. и др. Наркотизация общества как угроза российской государственности (философско-политологический анализ) : монография. М.: МосАП, 2014.
2. Чупров В.И. Сущность и проявления молодежного экстремизма. URL: <http://www.socyouthran.ru/bookview.php?file=19>.
3. Уиланд А. «Негражданское общество» в России // Цена ненависти. Национализм в России и противодействие расистским преступлениям. М.: Статут, 2011.
4. Медетбеков А. Угрозы терроризма и религиозного экстремизма в Центральной Азии. URL: <http://www.kgcentr.info/?pid=4&cid=9&nid=2398>
5. Подольный Н.А., Подольная Н.Н. Системная коррупция - системная угроза взаимодействию между обществом и государством. URL: <http://cj.isea.ru/reader/article.asp?id=19500>
6. Бааль Н.Б. Политический экстремизм российской молодежи и технологии его преодоления : дис. ... докт. полит. наук. Н. Новгород, 2012.
7. Доризо Н.К. Избранные стихи. М.: Худ. лит-ра, 1970.
8. Беляков Б.Л., Шинкевич В.Е. Проявление экстремизма в молодежной среде как социальное политическое явление, отражение проблем современного социума // Современные системы безопасности – Антитеррор: материалы конгрессной части X специализированного форума (28-29 мая 2014 г.) / отв. ред. А.В. Букарин. Красноярск; СибЮИ ФСКН России, 2014. С.203-209.
9. Маслодудова Н.В. К вопросу о наилучшей форме правления: историко-политологический анализ и современное видение проблемы // Вестник СибЮИ ФСКН России. 2010. №4. С.112-117.
10. Шинкевич В.Е. Экстремизм как отражение эмоциональной неустойчивости и нереализованных ожиданий в условиях современного общества // Современные системы безопасности – Антитеррор: материалы конгрессной части 6-го специализированного форума (26-28 мая 2010 г.) / отв. ред. А.В. Букарин. Красноярск: СибЮИ МВД России, 2010.
11. Мониторинг наркоситуации и профилактика наркопотребления в молодежной среде Красноярского края: отчет о НИР (заключ.): № государственной регистрации 012012511736. Инв. № 02201262934 / СибЮИ ФСКН России ; научн. рук. д.с.н., профессор Д.Д. Невирко. Красноярск, 2012.
12. Социология / под общ. ред. проф. Б.Л. Белякова. Серпухов: ВА РВСН, 2013.

УДК 341.17

А. В. Иглин

НАЛОГОВОЕ ПРАВО ЕВРОСОЮЗА

В статье обосновывается мнение, что в европейском налоговом праве сегодня сложился комплекс норм, направленных на обеспечение реализации единой налоговой политики стран Евросоюза. Автор показывает, что нормы налогового права ЕС уделяют внимание отношениям в сфере налогообложения, сближения налоговых ставок, гармонизации и унификации налоговых конструкций в целях создания единого для ЕС рынка товаров, услуг, капитала и рабочей силы. Сделан вывод, что налоговое право ЕС - отрасль международного права, которую составляет совокупность правовых норм, имеющих международное происхождение и регулирующих общественные отношения по поводу использования налоговой гармонизации.

Ключевые слова: Евросоюз, налоги, европейское право, налоговая гармонизация.

Одним из важнейших факторов, позволяющих говорить о становлении действительно единой Европы, является гармонизация налоговых систем стран-членов Европейского союза (ЕС). Этому процессу уделяется особое внимание, поскольку только при его успешной реализации можно говорить о создании единого рынка товаров, услуг, капитала и рабочей силы. Основными целями политики налоговой гармонизации, проводимой в настоящее время в ЕС, является сближение налоговых ставок на одни и те же товары в странах-членах, а также недопущение прямой или косвенной дискриминации во внутреннем налогообложении. Отменяются налоги и сборы между государствами-членами, имеющие равнозначный эффект. Однако это не означает полной стандартизации порядка взимания налогов в ЕС – самобытность национальных налоговых систем сохраняется.

Для реализации принципа гармонизации используют два основных метода: позитивной и негативной интеграции. **Позитивная интеграция** – принятие институтами Евросоюза нормативных правовых актов, которые направлены на гармонизацию национального налогового законодательства. *Негативная интеграция* – установление запретов на некоторые действия, что противоречит политике Евросоюза. Осуществляется путем запретительных норм в договорах и актах институтов ЕС и запретительных решений Европейского Суда. Оба этих метода использу-

ются таким образом: если позитивная интеграция не приводит к необходимым результатам, то вопросы, не решенные на уровне ЕС, решаются странами-членами в рамках их компетентности, учитывая ограничения, установленные запретами ЕС (негативная интеграция) на те действия, которые противоречат налоговой политике ЕС.

Представляется, что гармонизация – эффективный инструмент для налоговой политики ЕС, позволяющий выработать единый подход к налогообложению и сформировать единую налоговую конструкцию для всех член ЕС.

Налоговое право Евросоюза представляет собой совокупность налоговых положений, содержащихся в учредительных договорах и нормативно-правовых актах, принятых институтами Евросоюза, общих принципов европейского права, которые применяются к налоговым отношениям, а также решений Суда ЕС по вопросам налогов. **Источниками налогового права Евросоюза служат** учредительные договоры, которые выполняют функцию конституционных актов Евросоюза. В первую очередь, это Договор о ЕС, закрепляющий Нормативные акты вторичного права, включающие регламенты, директивы, решения, решения Суда ЕС. Налоговая система ЕС представляет собой совокупность обязательных платежей налогового характера, взимаемых в бюджет Сообщества. Субъектами налоговых отношений являются *налоговый кредитор* - страна, которая обладает правом требо-

Иглин Алексей Владимирович, кандидат юридических наук, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Ульяновского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, e-mail: iglin-av@list.ru

© Иглин А.В., 2016

Статья получена 18.11.2015

вать уплаты налога, и *налоговый должник* – лицо, обязанное уплатить налог. Относительно акцизов – это лицо, введшее товар в торговый оборот, поскольку, согласно общим правилам, обязательства по уплате акциза возникают при передаче товаров в сферу потребления. Обычно налоговым должником выступает производитель либо импортер товара. Директивой предусмотрены налоговые льготы в виде освобождения от акцизов товаров, которые предназначены для международных организаций, консульских и дипломатических учреждений и вооруженных сил НАТО.

Мы можем выделить следующие виды налогов в Европейском Союзе: сельскохозяйственные налоги; таможенные пошлины; налог на добавленную стоимость; подоходный налог; акцизы; экологические налоги и др.

Сельскохозяйственные налоги в основном устанавливаются на аграрную продукцию, которая импортируется либо экспортируется. Рассматриваются как механизм проведения единой сельскохозяйственной политики и собственных источников бюджета Сообществ.

На наш взгляд, особенностью таких налогов является то, что область их применения и ставки определяются исходя из единой аграрной политики, а порядок исчисления и уплаты регулирует Таможенный кодекс ЕС. По сути – это таможенные пошлины на продовольствие. Используются также для ограничений производства некоторых видов продукции. *Таможенные пошлины* зачастую выполняют протекционистскую функцию и в основном устанавливаются как антидемпинговые и компенсационные пошлины. Устанавливаются на границах Евросоюза для импортируемых и экспортируемых товаров и определяются для товаров с учетом их тарификации, происхождения, количества, таможенной стоимости, тарифной ставки.

Налог на добавочную стоимость (НДС (VAT)) считается наиболее перспективным для финансирования деятельности Евросоюза. Наличие налога на добавленную стоимость в налоговой системе страны – одно из обязательных условий ее присоединения к Союзу, поскольку финансовые поступления от НДС составляют один из самых важных источников формирования общеевропейского бюджета. Данный налог учреждается в странах ЕС, которые сами определяют размер его ставки в тех пределах, которые предписаны законодательством Евросоюза. НДС взимается в стране - потребителе товара, а не в стране его производства. Именно поэтому предусмотрена нулевая налоговая ставка при экспорте товаров. В бюджет ЕС доходы от НДС поступают в виде установленной решением Совета ЕС единой над-

бавки к ставке НДС в странах-участницах. НДС должен взиматься по единой ставке не ниже 15%, с минимальным перечнем товаров, облагаемых по ставке не ниже 5%. *Подоходный налог с физических лиц* взимается по прогрессивной шкале (5-45%) и поступает в доходную часть бюджета ЕС.

В ЕС действует ряд налогов, направленных на защиту окружающей среды. Экологический налог взимается с каждой используемой физической единицы вещества, в отношении которого доказано, что оно оказывает конкретное негативное воздействие на окружающую среду. Доход с таких налогов составляет около 3 % от общеевропейского ВВП и около 7 % от общей суммы, получаемой за счет налогов. «Зеленые налоги» не предполагают быстрого эффекта, но они воспринимаются как инвестиции в будущее, когда в результате сегодняшних усилий появятся более экологичные виды топлива. В апреле 2011 г. представители Европейского Союза объявили о решении ввести налоги на высокоэнергетическое топливо, такое, как дизель, что, с одной стороны, должно привести к повышению цен, но с другой - будет способствовать предупреждению глобального потепления. Предполагается, что дизельное топливо сравняется по цене с бензином, и в будущем это позволит осуществить плавный переход на экологически более чистые виды топлива.

Граждане стран, входящих в состав Европейского союза, при наследовании собственности, находящейся в другом государстве-члене Евросоюза, часто сталкиваются с необходимостью уплаты налога более чем в одном государстве. Для урегулирования данной проблемы Комиссия приняла 15 декабря 2011 г. всесторонний акт, регулирующий налогообложение на наследство. В частности, это решение Комиссии COM/2011/864 и Рекомендации C/2011/8819. Они призваны урегулировать порядок избежания двойного налогообложения при уплате налога на наследство[1].

Специальные принципы налогообложения установлены для лиц, являющихся гражданами одной страны, работающих в другой стране Евросоюза, во избежание дискриминации. Данная категория налогоплательщиков уплачивает налог в равной степени с гражданами данной страны.

Обсуждается также возможность введения налога на финансовые операции в рамках Евросоюза. На спасение банковского сектора за время кризиса было потрачено приблизительно 4,6 триллиона евро[2]. Благодаря введению налога на финансовые операции можно будет реанимировать государственные финансы в странах Евросоюза. Согласно подсчетам Еврокомиссии этот налог будет приносить ежегодно 57 миллиардов евро, что позволит увеличить на 40 про-

центом доходы еврозоны. Регулятор объясняет свои действия следующим образом: положение финансового сектора по сравнению с другими областями более выгодное, так как он пользуется господдержкой и не платит НДС. В Еврокомиссии считают, что поскольку деньги, полученные от налогообложения, будут потрачены на общественные интересы, то в выигрыше окажутся все – и предприятия, и граждане. Введение налога поддерживает 65 процентов граждан Европы. Новым налогом будут облагаться банки, страховые, инвестиционные, брокерские компании, хедж-фонды и пенсионные фонды. Операции с облигациями и акциями будут облагаться сбором в 0,1 процента, а производные инструменты сбором в 0,01 процента. Что касается граждан, то планируется вывести их из-под налогообложения. К примеру, при покупке акций на 10 тысяч евро банк имеет право брать не более 10 евро.

Акциз является индивидуальным налогом на отдельные виды и группы товаров, взимаемым с налогоплательщиков, производящих и реализующих подакцизную продукцию (фактически же его уплата перекладывается на покупателя). Акцизы в той или иной мере применяются всеми странами ЕС. Как правило, они взимаются в дополнение к НДС, которым облагаются соответствующие товары или услуги[3].

В британской литературе отсутствует четкая грань между понятиями «акцизная пошлина» и «акциз», и, как правило, наибольшее распространение имеет первое понятие («excise duty»)[4], которое и используется в документах Евросоюза, издаваемых на английском языке.

Акцизы в Евросоюзе установлены на алкогольные напитки; промышленную табачную продукцию; энергию (бензин, газولين, электричество, природный газ, уголь, кокс). Все государства-члены Европейского союза применяют акцизные ставки на данные категории продукции. Доходы от акцизных ставок полностью переходят в собственность государства. Гармонизация акцизов в Евросоюзе сопряжена с рядом трудностей. Акцизами облагаются товары широкого потребления, и, таким образом, их гармонизация затрагивает интересы практически всех слоев населения. В некоторых странах ЕС акцизы являются частью государственной монополии на торговлю некоторыми товарами (например, на торговлю вином и табачными изделиями во Франции). Сближение акцизов приходится увязывать с правилами единой политики в области сельского хозяйства (вино, сахар, табак), энергетики и транспорта (нефтепродукты), с условиями соглашений ЕС с отдельными группами

развивающихся стран (чай, кофе) и т.д. Нельзя не учитывать также различия в действующих стандартах, требованиях по защите интересов потребителей, национальных традициях и вкусах.

Общие меры по регулированию налогообложения подакцизных товаров были сформулированы в Директиве Совета 92/12/ЕЕС от 25 февраля 1992 г. Также действуют и специальные нормы, касающиеся каждого из перечисленных видов товаров[3].

Отметим, что директива Совета 92/12/ЕЕС определяет общие правила взимания акцизного сбора в странах ЕС. В частности, устанавливается, в каком государстве-члене при пересечении товарами границы должен быть произведен акцизный сбор:

- продукты, выпущенные для потребления в одном государстве-члене и хранимые в коммерческих целях в другом государстве-члене, подвергаются акцизному сбору в государстве-члене, в котором они хранятся;

- продукты, приобретенные частными лицами для использования в личных целях, облагаются налогом в государстве-члене, в котором они приобретены (установлены различные критерии для доказательства, что покупки были сделаны для личного пользования);

- продукты, купленные третьими лицами, такими, как владелец/управляющий складом (лицо, задача которого состоит в хранении товаров на складе во временном владении), лицо, зарегистрированное или не зарегистрированное в качестве торговца, и транспортированные прямо или косвенно продавцу или от его имени, подвергаются акцизному сбору в государстве-члене назначения.

Мы считаем, что каждое государство вправе самостоятельно определять правила относительно производства, обработки и хранения подакцизных товаров, согласно положениям данной Директивы. Подакцизные товары могут подвергаться и другим косвенным налогам, налагаемым в странах ЕС в определенных целях: государства-члены сохраняют право ввести иные косвенные налоги при условии, что они не породят затруднений при пересечении товарами границы. В отношении товаров, которые часто или регулярно переправляются через границу, государства-члены могут установить упрощенную процедуру взимания акцизного сбора. Вооруженные силы и международные организации уполномочены получать товары без уплаты акциза (при условии, что свидетельство об освобождении от налога прилагается к сопроводительному документу). Маленькие винные производители могут быть освобождены от определенных требований по уплате акцизного сбора.

Таким образом, в целях сближения налоговых ставок и структуры акцизного сбора в Евросо-

юзе действуют специальные нормы, посвященные каждому из перечисленных видов товаров.

В свою очередь, Консульская Директива 92/83/ЕЕС [1] определяет структуру акцизов на алкоголь и алкогольные напитки. В целях налогообложения выделяются следующие категории напитков: вино; пиво; напитки, получаемые в результате брожения, за исключением пива и вина (например, сидр), полуфабрикаты, этиловый алкоголь. Акцизный сбор определяется исходя из гектолитра готового изделия в отношении пива и в отношении других алкогольных напитков. Льготные ставки могут устанавливаться для слабоалкогольных напитков, а также в случае если производителями продукции являются небольшие пивоваренные заводы. Обложению акцизами подлежит вся алкогольная продукция, произведенная в странах-членах, а также ввезенная в Сообщество из третьих стран. Алкоголь освобождается от акцизного сбора, если он денатурирован в соответствии с требованиями любого государства-члена; денатурирован и используется для изготовления продуктов, не предназначенных для потребления человеком; используется для производства уксуса, лекарств или в качестве ароматизатора для продуктов питания [5].

Директивой 92/84/ЕЕС установлены минимальные размеры ставок для пива, вина, чистого алкоголя и промежуточных продуктов.

В отношении табака и табачных изделий в ЕС приняты Директивы Совета 95/59/ЕС от 27 ноября 1995 г., 92/79/ЕЕС и 92/80/ЕЕС от 19 октября 1992 г, и 2011/64/ЕС от 21 June 2011. К товарам, на которые распространяется действие данного законодательства, относятся следующие виды переработанного табака: сигареты; сигары и сигариллы, трубочный и другой курительный табак [1].

Директива Совета 95/59/ЕС устанавливает, что гармонизация налогообложения по акцизам на табачную продукцию должна осуществляться в две стадии. На заключительном этапе гармонизации диапазон розничных отпускных цен должен отразить различие в стоимости доставки товара изготовителями табачной продукции. Также определены условия относительно сигарет: сигареты, произведенные в Сообществе или импортированные из третьих стран, подлежат пропорциональному акцизному сбору, вычисленному исходя из максимальной розничной отпускной цены, и также определенному (специальному) акцизному сбору, вычисленному из стоимости единицы продукта; ставка пропорционального акцизного сбора и специального акциза должна быть единой для всех сигарет.

Сам акциз, на наш взгляд, должен состоять

из двух компонентов: специфического, выраженного в национальной валюте за единицу продукции и адвалорного, фиксируемого в процентах к розничной цене наиболее популярной в ценовом отношении категории сигарет (включая все налоги). Это относится как к сигаретам, произведенным в Сообществе, так и ввезенным из-за его пределов. Директивой предусмотрено освобождение от уплаты налога или его возврат для определенных типов переработанного табака. Государства-члены самостоятельно определяют условия и процедуру, в соответствии с которыми эти льготы применяются. Директивы Совета 92/79/ЕЕС и 92/80/ЕЕС устанавливают порядок исчисления и минимальные размеры по акцизам на табачную продукцию [6].

В отношении энергии в ЕС принята Директива Совета 2003/96/ЕС от 27 октября 2003г.[1], которая заменила собой ранее действовавшее законодательство. Ее положения распространяются не только на нефтепродукты (как это было ранее), но и на природный газ, уголь и электроэнергию. Однако акцизному сбору не подлежат данные продукты, если они используются в качестве сырья или в электролитических и металлургических процессах.

Директива 2003/96/ЕС устанавливает минимальные уровни налогообложения по различным видам топлива, углю, природному газу и электричеству, а также предусматривает условия применения льготных ставок налогообложения к данным продуктам. Минимальные ставки установлены с учетом требований политики ЕС в области энергетики и охраны окружающей среды. В соответствии с целями Сообщества и Киотским Протоколом в ЕС поощряется более эффективное использование энергии, которое способствует уменьшению эмиссии парникового газа и зависимости от импортированных продуктов энергии. Также в интересах защиты окружающей среды государства-члены вправе предоставлять налоговые преимущества для фирм, которые принимают определенные меры и вкладывают свой капитал в модернизацию использования энергии.

Проводя сравнение с другими интеграционными объединениями государств, следует отметить опыт Евразийского экономического союза (ЕАЭС). В рамках Таможенного союза ЕАЭС регулирование взимания НДС осуществляется на основе Соглашения о принципах взимания косвенных налогов при экспорте и импорте товаров, выполнении работ, оказании услуг в Таможенном союзе от 25 января 2008 г. и трех Протоколов: «О порядке взимания косвенных налогов и механизме контроля за их уплатой при экспорте и импорте товаров в Таможенном союзе», «О по-

рядке взимания косвенных налогов при выполнении работ, оказании услуг в Таможенном союзе», «Об обмене информацией между налоговыми органами сторон, включающем также перечень сведений, необходимых для обеспечения полноты сбора косвенных налогов», подписанных 11 декабря 2010 г. Четыре эти документа вступили в силу с 1 июля 2010 г. одновременно с вступлением в силу Таможенного кодекса ТС. Это международные документы, на основании которых РФ строит свои особенности налогообложения косвенными налогами в рамках ТС. При этом указанные документы не отменяют наличие национальных особенностей налогообложения каждого из трех государств с учетом тех норм, которые действуют на территории этих государств. У нас это Налоговый кодекс РФ и приказы об утверждении форм налоговых деклараций и порядков их заполнения, изданные Минфином России, пока у него были полномочия утверждать указанные декларации. Начиная с 2011 г., формы деклараций и порядки их заполнения утверждаются ФНС России, поэтому все последующие изменения налоговых деклараций, включая установление новых форм, являются прерогативой ФНС[7].

При продаже товаров между государствами – членами ЕАЭС нет таможенного контроля, не взимаются таможенные пошлины и сборы. Порядок уплаты косвенных налогов (НДС и акцизов) при поставке товаров (выполнении работ, оказании услуг) между государствами – членами Евразийского экономического союза регулируется Приложением 18 к Договору о Евразийском экономическом союзе, подписанному в г. Астане 29.05.2014.

Нормы указанных международных соглашений имеют приоритет перед Налоговым кодексом Российской Федерации (ст. 7 НК РФ).

В экономическом объединении БРИКС (Бразилии, РФ, Индии, КНР, ЮАР) с 2015 года придерживаются следующих форм сотрудничества налогового администрирования:

- оказание содействия развитию стандартов международного налогообложения и трансфертного ценообразования, принимая во внимание интерес развивающихся стран в целом и стран БРИКС в частности;
- усиление мер по борьбе с несоблюдением налогового законодательства и уделение большего внимания международному сотрудничеству;
- осуществление обмена передовыми практиками и повышение компетентности сотрудников налоговых администраций;
- осуществление обмена практиками по борьбе с уклонением от уплаты налогов и несоблюдением налогового законодательства, в том числе в

случаях злоупотребления налоговыми льготами и сокрытия прибыли через сложные схемы;

- развитие эффективного обмена налоговой информацией;

- взаимодействие по любым другим вопросам, представляющим общий интерес, и проблемам, затрагивающим соответствующие области налогообложения.

Кроме того, предполагается постоянный обмен мнением между специалистами администраций по вопросам международного налогообложения, трансфертного ценообразования, налогового администрирования, противодействия уклонению от налогов, обмена информацией. В рамках этой работы предлагается формировать общий подход к налоговым вопросам для подготовки таких встреч, как встреча Большой Двдцатки (G20), Глобальный форум по обмену информацией для целей налогообложения, мероприятий ОЭСР, в том числе в рамках проекта по борьбе с переносом прибыли в низконалоговые юрисдикции (BEPS), мероприятий в рамках ООН.

В качестве первого шага индийской стороной было выдвинуто предложение создать первые рабочие группы по двум направлениям:

- разрешению споров в сфере международного налогообложения и трансфертного ценообразования;
- использованию ИТ в налоговом администрировании[8].

В целом экономические объединения с участием России уделяют налоговым конструкциям большое внимание, в рамках СНГ даже предлагалось принять Модельный налоговый кодекс. Тем не менее, ряд вопросов унифицировать не удалось, например, налоговый контроль и тесное сотрудничество в связи с этим налоговых служб стран-участников. В ЕС гармонизация налоговых правоотношений должна стать примером для нашей страны и ее партнеров.

Таким образом, основными тенденциями развития налогового права Европейского союза являются: возможность введения новых налогов – налога на финансовые операции; экологический налог, дальнейшая гармонизация налоговых систем стран-участников Евросоюза. Важность налогообусловленатем, что они составляют порядка 90% доходных поступлений в бюджет Евросоюза.

Многие страны в 2014-2016 гг. уже стали вновь повышать налоговые ставки. Наиболее кардинально их увеличила Великобритания. В итоге она поднялась на 4-е место в ЕС по величине максимальной ставки подоходного налога. Но большинство экономистов считают, что прямой подоходный налог сильнее остальных вредит экономическому росту, а поэтому его повышение ри-

скованно. Увеличение социальных взносов тоже не подходит: оно может увеличить безработицу.

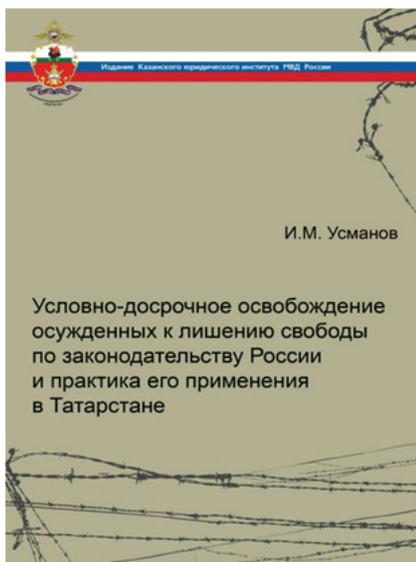
Анализируемая нами практика показывает: наиболее безобидны для экономики косвенные налоги, такие как акцизы на алкоголь и табак. Как раз они наиболее популярны у европейских политиков, так же, как налог на финансовые операции и особенно - на недвижимость. Итальянский парламент, например, уже вернул отмененный в 2008г. налог на жилье и ввел налоги на зарубеж-

ную недвижимость, роскошные автомобили, яхты и частные самолеты. Пока все подобные шаги страны принимали независимо друг от друга. Но на брюссельском саммите 9 декабря 2015 г. европейские лидеры договорились: отныне ужесточать налоговую политику надо всем сразу и одновременно. Законодательство в области акцизов будет характеризоваться дальнейшей детализацией и увеличением акцизных ставок в 2016-2017 гг.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. http://ec.europa.eu/taxation_customs
2. <http://financecolumn.ru>
3. Говорова О.Е Гармонизация косвенного налогообложения в Европейском Союзе: акцизы на алкоголь, табак и энергоносители// Российское право в Интернете.2009. № 1.
4. Шепенко Р.А. Юридическая природа акцизов// КонсультантПлюс, 2010.
5. Council Directive 92/83/EEC of 19 October 1992 on the harmonization of the structures of excise duties on alcohol and alcoholic beverages;
6. Council Directive 2011/64/EU of 21 June 2011 on the structure and rates of excise duty applied to manufactured tobacco (codification);
7. <http://www.brokert.ru/material/nalogooblozhenie-v-tamozhennom-soyuze>.
8. https://www.nalog.ru/rn77/about_fts/international_cooperation/smo/brick/.

ИЗДАНИЯ КАЗАНСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА МВД РОССИИ

Усманов И.М.

Условно-досрочное освобождение осужденных к лишению свободы по законодательству России и практика его применения в Татарстане: монография / под ред. В.П. Малкова. – Казань: КЮИ МВД России, 2016. – 132 с.

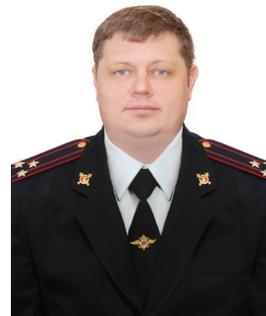
В монографии поднимаются проблемы, связанные с пониманием оснований и правовых условий применения условно-досрочного освобождения осужденных к лишению свободы, пересмотрена роль исправительного учреждения в подготовке осужденных к условно-досрочному освобождению, исследованы цели наказания и возможности их достижения в исправительном учреждении.

Предназначена для профессорско-преподавательского состава, курсантов, студентов и слушателей, аспирантов (адъюнктов) юридических вузов МВД России, практических работников МВД и ФСИН России.

УДК 340.132.8

А. А. Кашкаров

Д. Г. Зброда

ЛОКАЛЬНОЕ НОРМОТВОРЧЕСТВО КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ И ОБЕСПЕЧЕНИЯ РЕАЛИЗАЦИИ КОРПОРАТИВНОЙ АНТИКОРРУПЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ

В статье рассмотрен вопрос формирования корпоративной антикоррупционной политики посредством локального нормотворчества субъектов хозяйственной деятельности. Обобщены мнения теоретиков права относительно содержания корпоративных локальных нормативных актов. Проведен контент-анализ ряда локальных нормативных актов в сфере противодействия коррупции субъектов хозяйственной деятельности.

Ключевые слова: коррупция, нормотворчество, локальный нормативный акт, антикоррупционная политика.

В современном мире реклама играет важную роль. Необходимость преодоления влияния коррупции на экономические процессы, снижения давления власти на российский бизнес, устранение коррупционной составляющей из внутренней и международной систем коммерческих отношений определены руководством государства в качестве одного из приоритетных заданий для органов государственной власти всех уровней [1].

Однако, несмотря на значительные усилия государства и общества, тенденцию по декриминализации сферы управления негосударственным сектором экономики, в госкорпорациях, внебюджетных фондах и общественных организациях ситуация в области противодействия преступлениям коррупционной направленности и коррупционным правонарушениям в коммерческих организациях остается сложной.

Так, по данным МВД России, в 2015 году на учет поставлено 2,6 тыс. (– 30,4 %) преступлений,

предусмотренных главой 23 УК РФ, из них органами внутренних дел – 2,3 тыс. (– 28,7 %). В суд направлены уголовные дела по 1,5 тыс. (– 43,7 %) преступлениям. Размер причиненного материального ущерба составил 12,0 млрд рублей, приняты меры к его возмещению на сумму 6,8 млрд рублей. В структуре противоправных деяний данной категории 60,3 % связано с коммерческим подкупом (1,5 тыс. – 21,5 %). Средний размер подкупа по преступлениям, выявленным сотрудниками органов внутренних дел, составил 154,3 тыс. рублей [2].

Несмотря на то, что статистика свидетельствует о снижении противоправных деяний данной категории, обращают на себя внимание следующие факторы: 1) недостаточное количество выявленных преступлений, которые могут квалифицироваться как совершенные в крупном либо особо крупном размере (около 5 % среди должностных преступлений (995; 2013 г.: 4 %); 2) существенный ущерб, причиняемый этими преступлениями

Кашкаров Алексей Александрович, начальник кафедры уголовного права и криминологии Крымского филиала Краснодарского университета МВД России, кандидат юридических наук, e-mail: kashkarov79@yandex.ru

Зброда Дмитрий Григорьевич, начальник кафедры административного права и административной деятельности ОВД Крымского филиала Краснодарского университета МВД России, кандидат юридических наук, доцент

© Кашкаров А.А., 2016

© Зброда Д.Г., 2016

Статья получена 27.10.2015

(более 40 млрд. рублей); 3) выявление коррупционных деяний, совершенных чиновниками, преимущественно на местном уровне власти; 4) достаточно большое количество фактов коммерческого подкупа в негосударственном секторе экономики.

Кроме этого, данные о рассмотрении судами дел об административных правонарушениях, предусмотренных ст. 19.28 КоАП «Незаконное вознаграждение от имени юридического лица», свидетельствуют о тенденции к их увеличению. Так, в 2011 г. суды с вынесением решения о наложении административного наказания рассмотрели 65 дел о таких правонарушениях, в 2012 г. – 101, в 2013 г. – 83, в 2014 г. – 367. Основным наказанием в данном случае выступал административный штраф. За рассматриваемый период сумма штрафов составила 802 879 136 руб. [3].

Таким образом, актуальность проблемы противодействия коррупции в коммерческих организациях подтверждается как показателями статистики, так и содержанием приоритетных направлений антикоррупционной политики российского государства, предусматривающей расширение механизмов минимизации влияния коррупции на экономические отношения.

Необходимость предотвращения коррупции в негосударственном секторе обусловливается развитием международной коммерции, а также потребностью приведения национальной антикоррупционной системы к требованиям международных стандартов.

Среди таких стандартов необходимо выделить комплекс правовых, организационных, экономических, воспитательных и других мер, направленных на недопущение коррумпирования коммерческих организаций. К ним можно отнести: установление уголовной ответственности юридических лиц за совершение коррупционных деяний должностными лицами коммерческих организаций, существенное усиление ответственности взяткодателей, внедрение корпоративных антикоррупционных норм для предотвращения коррупции на предприятиях, в учреждениях и организациях.

По нашему мнению, комплекс таких стандартов представляет собой корпоративную антикоррупционную политику, под которой предлагается понимать «... базирующуюся на международном и национальном антикоррупционном законодательстве, урегулированную локальными нормативными правовыми актами систему мер, которые формируются и реализуются корпорациями (предприятиями, учреждениями, организациями) с целью предотвращения коррупционных проявлений, как в середине соответствующих организаций, так и при возможном участии их ра-

ботников (сотрудников), а также восстановления корпоративных интересов, нарушенных в результате коррупционных правонарушений» [4, с.158].

Данная разновидность антикоррупционной политики характеризуется:

а) субъектом формирования и реализации – корпорации (холдинги, банки, союзы), предприятия, учреждения, организации и подчиненные им структурные подразделения и сотрудники, политические партии, движения и др.;

б) целью – предотвращение коррупционных проявлений как в середине соответствующих организаций, так и при возможном участии их работников (сотрудников), а также восстановление интересов корпораций, нарушенных в результате коррупционных правонарушений;

в) источниками формирования – индивидуальные и коллективные решения руководителей, а также органов управления субъектов корпоративных структур;

г) средствами реализации – корпоративные нормы, регулирующие меры дисциплинарного воздействия, определенные ограничения и запреты, которые применяются к сотрудникам (членам);

д) формой нормативного регулирования – издание локальных нормативных правовых актов, базирующихся на антикоррупционном законодательстве [4, с.160-161].

Для углубленной характеристики содержания корпоративной антикоррупционной политики предлагается рассмотреть локальное нормотворчество как средство ее формирования и обеспечения реализации.

Основными задачами нашей публикации является систематизация научных подходов к определению роли локальных правовых актов в системе правового регулирования антикоррупционной деятельности корпораций; формулирование понятия «локальный антикоррупционный акт»; анализ практики локального антикоррупционного нормотворчества российских корпораций, выделение этапов разработки антикоррупционной политики организации как разновидности локального акта, и их характеристика.

Для решения этих задач нами изучена литература и научные публикации по теме, где рассматривалась проблематика локального нормотворчества, более 100 антикоррупционных документов российских и зарубежных организаций, проведен сравнительный анализ их разновидностей (антикоррупционных программ, политик, руководств и т.д.).

Раскрывая сущность корпоративной антикоррупционной политики, необходимо констатировать ее сложный характер и обратить внимание на ее правовую природу. При этом мы отстаиваем тезис о не-

возможности ее существования вне правового поля.

Комплекс взаимосвязанных принципов, процедур и конкретных мероприятий, направленных на профилактику и пресечение коррупционных правонарушений в деятельности данной организации, реализуется в локальном нормативном акте – антикоррупционной политике (программе, руководстве).

Рассматривая вопрос о нормотворчестве организаций, следует исходить из сущности корпоративных норм и особенностей разработки нормативных актов организаций, в том числе содержащих положения о противодействии коррупции.

Учеными-юристами под локальными (корпоративными) правовыми нормами понимаются нормы, «...регулирующие отношения внутри какой-либо организации, предприятия, учреждения, принимаемые на предприятии и действующие в его пределах, и конкретизирующие общую норму применительно к специфике предприятия» [5, с.382; 6, с. 102-103].

Отмечая значение локальных правовых актов в механизме правового регулирования, Г.В. Хныкин указывает, что «...принятие локальных правовых актов, содержащих соответствующие управленческие решения, направлено на регулирование определенных видов общественных отношений, стремительно изменяющихся в современных условиях. Кроме того, они помогают снять многочисленные неточности и упущения законодателя, устранить дефекты законодательства в некоторых вопросах, восполнить его пробелы» [7, с.8].

По мнению В.К. Самигуллина, «социальная ценность локального нормативного регулирования в том, что оно, во-первых, позволяет на уровне отдельных предприятий, организаций, учреждений, их структурных подразделений позитивно регулировать общественные отношения применительно к их специфике. Во-вторых, способствует преодолению противоречий в правовом регулировании, связанных с динамичностью общественных отношений, громоздкостью законодательства, имеющимися в нем неувязками» [8, с. 38-40].

При этом сфера действия локальных норм права прослеживается достаточно четко: указанные нормы распространяются только на лиц, состоящих в юридической связи с субъектом локального правотворчества. Зачастую локальные (корпоративные) нормы принимаются теми субъектами, в отношении которых они действуют (органы управления предприятия, трудовой коллектив и др.). Таким образом, в одном лице соединяется субъект нормотворчества и реализации.

Правовой характер корпоративных норм, содержащихся в локальных антикоррупционных нормативных актах, подтверждается закреплением в нормах общего действия возможности кол-

лектива регулировать свое поведение, ориентированием корпоративного регулирования на цели, задачи общества и государства; соответствием природе и принципам права. Нормы, изданные государством, в определенных случаях определяют и процедуру принятия корпоративных норм; их непротиворечивостью нормам государственным; обеспечиваются государственным принуждением, носящим опосредованный и дополнительный характер [9, с. 227-228].

При определении сущности локальных антикоррупционных нормативных актов необходимо ориентироваться на положения ст. 13 ТК РФ, в соответствии с которыми «...локальные нормативные акты – документы, содержащие нормы трудового права, которые принимает работодатель в пределах своей компетенции в соответствии с законами и иными нормативными правовыми актами, коллективным договором, соглашениями. Эти документы действуют в отношении работников данного предприятия независимо от места выполнения ими работы» [10].

В то же время следует согласиться с позицией Э.А. Рубайло, согласно которой «... понимание локальных актов не следует сводить исключительно к сфере действия трудового права. Дело в том, что рассматриваемая разновидность правовых документов не ограничивается только отношениями между работником и работодателем (что составляет прерогативу трудового права), часто она направлена на решение более широкого круга внутриорганизационных вопросов - от определения в уставе целей деятельности организации как таковой до закрепления перечня сведений, составляющих коммерческую тайну, и т.д. При этом понятием локального нормотворчества, как правило, охватывается и процесс создания корпоративных актов, которые не ограничиваются решением вопросов, входящих в сферу только трудовых правоотношений. Таким образом, предпочтительным видится использование словосочетания «локальный акт» как наиболее устоявшегося в правовой доктрине, признанного законодателем и в наибольшей степени соответствующего цели и функциям локального нормотворчества и многообразию форм его проявления» [11, с. 72-74].

Локальный антикоррупционный акт представляет собой основанный на нормах законодательства правовой документ (акт), принятый в установленном порядке компетентным органом управления организации и регулирующий внутриорганизационные отношения. Основным предназначением локального акта является детализация, конкретизация, дополнение, а иногда и восполнение общей правовой нормы применительно к условиям конкретной образовательной организации с учетом особенностей и специфики трудовых отношений,

образовательного процесса и иных условий.

Локальный антикоррупционный акт должен воплощать в себе следующие признаки: регулирует отношения только внутри отдельной организации и не может регулировать отношения, складывающиеся вне её; разрабатывается с учетом законов и подзаконных актов Российской Федерации, субъекта Российской Федерации, а также правовых нормативных актов органов местного самоуправления; должен иметь все необходимые реквизиты: (наименование, дату издания, регистрационный номер (по необходимости), подпись уполномоченного лица, виды согласования (по необходимости), печать организации (по необходимости); для разработки и принятия локального акта необходимо привлекать всех субъектов образовательных отношений, что позволяет сформировать высокую культуру их соблюдения; разграничение полномочий между участниками корпоративных отношений определяется уставом [12].

Локальные акты, обладая общими свойствами юридических документов, имеют и собственные черты. В числе общих признаков локальных нормативных актов называются: нормотворческий характер; издание органами компании в пределах своей компетенции; документальная форма; соответствующие реквизиты; непротиворечие законодательству и локальным нормативным актам, имеющим большую юридическую силу [13, с.34]. Это вполне соотносится с выводом Ю. А.Тихомирова о появлении нового типа норм – актов самоуправления, обладающих свойствами самообязанности, добровольности и заинтересованности в принятии и реализации решения; коллегиальной основой принятия; формированием и выражением общей воли на основе согласования публичных и частных интересов; самоответственностью [14, с. 89]. Локальные акты, как правило, принимаются в со-гласительно-договорном порядке при обеспечении комплексного сочетания принципов государственного и договорного правового регулирования [8, с. 42; 15, с.2]. Ответственность за неисполнение предписаний локальных актов устанавливается на низовом внутриорганизационном уровне, а также в необходимых случаях и с учетом тяжести нарушений обеспечивается мерами государственного принуждения.

Анализируя имеющиеся нормативные правовые акты российских и зарубежных организаций, можно сделать вывод об их локальном характере и наличии в них корпоративных норм, направленных на урегулирование внутриорганизационных отношений в области противодействия коррупции.

Следует также обратить внимание на тот факт, что наиболее структурированно основные поло-

жения антикоррупционной политики организаций отображены в одноименном документе, имеющем, как правило, характер локального нормативного акта.

С целью формирования целостного представления о сущности локального антикоррупционного правотворчества предлагается : рассмотреть основные этапы разработки и реализации антикоррупционной политики, раскрыть порядок определения лиц, ответственных за реализацию антикоррупционной политики, охарактеризовать основные антикоррупционные меры, принимаемые в корпорации.

Разработка антикоррупционной политики и других документов организации, регулирующих вопросы предупреждения и противодействия коррупции, в форме локальных нормативных актов, позволит обеспечить обязательность их выполнения работниками организации.

Анализ нормативных документов организаций позволяет выделить следующие этапы в её разработке и реализации: 1) подготовка проекта антикоррупционной политики; 2) обсуждение проекта, его согласование и утверждение; 3) информирование работников о принятой в организации антикоррупционной политике; 4) реализация предусмотренных политикой антикоррупционных мер; 5) мониторинг выполнения антикоррупционной политики; 6) корректировка, пересмотр и внесение изменений.

Охарактеризуем указанные элементы.

Подготовка проекта антикоррупционной политики. Разработчиком данного документа выступают, как правило, должностное лицо или структурное подразделение организации, на которое планируется возложить функции по профилактике и противодействию коррупции. Крупные корпорации к разработке и последующей реализации антикоррупционной политики привлекают и внешних экспертов.

Например, антикоррупционная политика ОАО «Прибой» предусматривает, что проект антикоррупционной политики разрабатывается совместно с кадровым и юридическим отделом организации, с учетом предложений и замечаний, поступающих от иных служб организации. Проект антикоррупционной политики подлежит утверждению генеральным директором акционерного общества. Утвержденная антикоррупционная политика организации доводится до сведения всех работников организации, в том числе посредством оповещения по электронной почте. Все вновь принимаемые на работу работники должны быть ознакомлены с антикоррупционной политикой под роспись начальниками отделов. Работники и иные лица имеют возможность беспрепятственного доступа к тексту ан-

तिकоррупционной политики на корпоративном сайте организации. Все изменения и дополнения в антикоррупционную политику утверждаются генеральным директором предприятия и вступают в силу со дня их утверждения [16].

А в Положении о порядке разработки и принятия в АО «ЦНИИРЭС» локальных нормативных актов, принятом на заседании Совета директоров АО «ЦНИИРЭС» от 3 июня 2002 г., указано, что проекты локальных нормативных актов разрабатываются по инициативе органа, компетентного утвердить соответствующее Положение, а также по предложению других органов и должностных лиц акционерного общества в соответствии настоящим Положением. Совет директоров вправе разработать и включить в повестку дня общего собрания акционеров вопрос о принятии необходимого, по его мнению, для оптимизации деятельности организации локального нормативного акта, регулирующего круг вопросов, относящихся к компетенции общего собрания акционеров.

При этом генеральный директор вправе ставить вопрос о разработке и принятии локальных нормативных актов только перед Советом директоров. Совет директоров обязан рассмотреть внесенные предложения и принять по ним мотивированные решения в 5-дневный срок с момента обращения соответствующего исполнительного органа. Решение доводится до сведения инициатора в 3-дневный срок после принятия [17].

Так, разработчиками проектов антикоррупционных актов выступают: генеральный директор (ОАО «РТИ»), начальник департамента внутренней безопасности (ООО «БСК»), ведущий ревизор (ОАО АНК «Башнефть»).

На первом этапе издания локальных нормативных актов выделяется стадия, связанная с возникновением идеи локального акта, его общего замысла (концепции). Должны быть найдены аргументы, обосновывающие его издание (изменение). Для этого необходимо провести отбор, обобщение и анализ имеющейся информации, прежде всего, норм, установленных антикоррупционным законодательством и подзаконными актами федерального, регионального и муниципального уровней. При разработке концепции локального акта необходимо иметь в виду последствия его применения в организации, оценить возможные риски.

Помимо лиц, непосредственно ответственных за разработку проекта антикоррупционной политики, рекомендуется привлекать к его обсуждению работников организации, обеспечив информирование работников о возможности участия в подготовке проекта (размещение проекта политики на корпоративном сайте),

проводить очные обсуждения и консультации.

Согласование проекта и его утверждение. Проект антикоррупционной политики, подготовленный с учетом поступивших предложений и замечаний, рекомендуется согласовать с кадровым и юридическим подразделениями организации, представителями работников, после чего представить руководству организации.

Итоговая версия проекта подлежит утверждению руководством организации. Принятие политики в форме локального нормативного акта обеспечит обязательность ее соблюдения всеми работниками организации, что может быть также обеспечено посредством включения данных требований в трудовые договоры в качестве обязанности работников.

Информирование работников о принятой в организации антикоррупционной политике. Утвержденная антикоррупционная политика организации доводится до сведения всех работников организации, в том числе посредством оповещения по электронной почте. Рекомендуется организовать ознакомление с политикой работников, принимаемых на работу в организацию, под роспись.

Также следует обеспечить возможность беспрепятственного доступа работников к тексту политики, например, разместить его на корпоративном сайте организации.

Используют и другие формы информирования. Так, антикоррупционной политикой ОАО «МРСК Урала» предусмотрено, что:

- создается и совершенствуется работа раздела «Антикоррупционная политика» на интернет-сайте общества, в рамках которого размещается информация о принятых документах, направленных на борьбу с коррупцией, о проводимых мероприятиях по противодействию коррупции, ее профилактике, правовому просвещению и формированию основ законопослушного поведения работников;
- размещается информация о мероприятиях по реализации Антикоррупционной политики в корпоративной газете, во всех средствах массовой информации в свободном доступе;
- декларируется необходимость проведения периодических семинаров и тренингов в очной и/или дистанционной форме по вопросам формирования нетерпимого отношения к проявлениям коррупции;
- проводится вводный инструктаж по положениям антикоррупционной политики и связанных с ней документов – для всех вновь принятых работников, а также анкетирование и тестирование сотрудников по вопросам отношения к коррупционным проявлениям;
- применяется практика использования социальной рекламы и средств наглядной агитации – информационных стендов по формированию негативного

отношения ко всем коррупционным проявлениям и морального осуждения коррупционеров [18].

Обращается внимание на целесообразность введения «переходного периода» с момента принятия антикоррупционной политики и до начала ее действия, в течение которого необходимо провести обучение работников организации внедряемым стандартам поведения, правилам и процедурам.

Реализация предусмотренных политикой антикоррупционных мер. Утвержденная политика подлежит непосредственной реализации и применению в деятельности организации. При этом следует обеспечить поддержку антикоррупционных мероприятий и инициатив руководством организации. Руководитель организации, с одной стороны, должен демонстрировать личный пример соблюдения антикоррупционных стандартов поведения, а с другой стороны, выступать гарантом выполнения в организации антикоррупционных правил и процедур.

Так, в соответствии с практическим руководством по разработке Программ антикоррупционных этических норм и обеспечения соблюдения антикоррупционных требований для деловых предприятий ООН в обязанности руководства входит обеспечение осведомленности каждого сотрудника и соответствующего делового партнера о ценностях и нормах, в том числе о последствиях несоблюдения условий политики абсолютной нетерпимости компании к коррупции.

Руководство несет общую ответственность за принятие и постоянное совершенствование программы антикоррупционных этических норм и обеспечения соблюдения антикоррупционных требований. Как сказано выше, в крупных компаниях высшее руководство может не иметь возможности заниматься повседневной деятельностью компании.

В связи с этим оно может передать обязанности ключевому персоналу компании (например, руководителю отдела обеспечения соответствия требованиям). Передаваться должны не только рабочие обязанности по внедрению и текущей поддержке программы антикоррупционных этических норм и обеспечению соблюдения антикоррупционных требований, но и обязанности по контролю за реализацией программы.

Основным способом подтверждения значимости программы и серьезности намерений высшего руководства является предоставление достаточного количества ресурсов для ее осуществления и постоянного совершенствования. К ним относятся соответствующие людские ресурсы, обладающие необходимым уровнем подготовленности, и финансовые ресурсы. Для обеспечения высокого качества программы

высшее руководство может рассмотреть возможность найма и/или привлечения профильных специалистов в качестве консультантов [19].

Мониторинг выполнения антикоррупционной политики. Организации осуществляют регулярный мониторинг хода и эффективности реализации антикоррупционной политики. В частности, должностное лицо или структурное подразделение организации, на которое возложены функции по профилактике и противодействию коррупции, может ежегодно представлять руководству организации соответствующий отчет. Если по результатам мониторинга возникают сомнения в эффективности реализуемых антикоррупционных мероприятий, необходимо внести в антикоррупционную политику изменения и дополнения.

Например, в Антикоррупционной политике ОАО «БЭСК» указывается, что рамках процедур внутреннего контроля проводятся проверки выполнения ключевых бизнес-процессов, включая выборочные проверки законности осуществляемых платежей, их экономической обоснованности, целесообразности расходов, в т.ч. на предмет подтверждения первичными учетными документами и соответствия требованиям политики [20].

В рамках антикоррупционного мониторинга в компании ОАО «ЭССК ЕЭС» выделяют мониторинг антикоррупционных мер и мероприятий, проводимых в рамках реализации соответствующей политики и мониторинг выявленных фактов коррупции и способов их устранения. При этом их основными направлениями являются: обобщение и анализ результатов антикоррупционной экспертизы проектов документов компании; изучение мнения трудового коллектива о состоянии коррупции в компании и эффективности антикоррупционных мер; анализ исполнения антикоррупционных мероприятий; изучение и анализ статистической отчетности о выявленных в компании фактах коррупции; изучение и анализ принимаемых в компании мер по противодействию коррупции; анализ публикаций о коррупции в компании в средствах массовой информации [21].

В ОАО «МРСК Урала» также проводится анализ «...жалоб и обращений физических и юридических лиц о коррупционных проявлениях» [18].

Корректировка, пересмотр и внесение изменений в антикоррупционную политику может проводиться в случаях: изменения в национальном, международном законодательстве или законодательстве отдельных государств о противодействии коррупции; изменения бизнес-процессов или организационно-правовой формы организации; выявления недостаточно эффективных положений политики или связанных с ней антикоррупционных процедур.

Как правило, внесение изменений организует руководитель организации путем выработки и реализации плана действий по актуализации ее антикоррупционной политики.

Как локальный нормативный акт антикоррупционная политика может быть изменена путем внесения в нее дополнительных норм, признания утратившими силу отдельных норм, утверждения новой редакции существующих только по решению соответствующего компетентного органа, принявшего (утвердившего) данный правовой документ.

Предложение о внесении изменений может исходить от любого органа, который имеет право ставить вопрос о разработке и принятии соответствующего локального акта либо утверждать этот документ.

Таким образом, российские компании включают в антикоррупционную политику следующие стандарты и процедуры: организация работы компании по предотвращению коррупции; взаимодействие с филиалами, дочерними и зависимыми компаниями; процедура идентификации и изучения контрагентов, их представителей и бенефициарных владельцев; процедура оценки риска и критерии присвоения уровня риска; подарки и прием партнеров; расходы на промоушен; расходы на благотворительность; расходы на поддержку политических партий (если компания в принципе поддерживает или планирует поддерживать какие-либо политические партии); процедура контроля финансовых операций на предмет возможной связи с коррупцией; применение антикоррупционной оговорки в договорах с контрагентами; процедура поведения сотрудников и деятельности компании в случае, если она сталкивается с вымогательством или, наоборот, предложением взятки; антикоррупционные процедуры при приеме на работу; положения по предотвращению конфликта интересов; программа обучения сотрудников; программа анализа и оценки эффективности политики.

Данное положение соответствует выводу Э. А.

Иванова, проведшего анализ правового регулирования антикоррупционного комплаенс-контроля в странах БРИКС [22, с.29-34; 23].

Нами также установлено, что в качестве составной части или приложения к антикоррупционной политике могут утверждаться план или программа реализации антикоррупционных мероприятий. В плане указываются сроки проведения мероприятий, и определяется ответственный исполнитель.

Таким образом, данная публикация позволяет сформировать представление о сущности и роли локального нормотворчества в системе средств противодействия коррупции в корпорациях. Проведенная нами характеристика основных этапов подготовки локальных антикоррупционных актов свидетельствует о существовании в организации общих подходов к структурированию и содержанию антикоррупционных документов (политик, программ, руководств). В то же время изучение опыта разработки таких актов в различных корпорациях позволило выделить специфику их нормотворческой работы в этой области, обусловленную как особенностями рода деятельности этих организаций, так и качеством подготовки отдельных составляющих.

При этом наиболее качественными являются локальные антикоррупционные акты корпораций, осуществляющих свою деятельность за рубежом, а также российских компаний с зарубежным участием.

В связи с этим предлагается: продолжить научную разработку проблем формирования и реализации корпоративной антикоррупционной политики, обобщить и распространить опыт локального антикоррупционного нормотворчества, в том числе имеющийся в зарубежных корпорациях, изучить возможность включения положений о корпоративной антикоррупционной политике и локальном антикоррупционном нормотворчестве в содержание учебных дисциплин, формирующих у обучающихся компетенции в области противодействия коррупции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Выступление Президента РФ В.В. Путина на заседании Государственного Совета по вопросам развития малого и среднего бизнеса 7 апреля 2015 года. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/49214>.
2. Доклад о результатах и основных направлениях деятельности Министерства внутренних дел Российской Федерации. М.: МВД России, 2015. 135 с.
3. Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению дел об административных правонарушениях за 12 месяцев 2011, 2012, 2013, 2014 г.: Свод показателей всех судов общей юрисдикции, включая Верховный Суд Российской Федерации, с учетом военных судов. М.: Верховный Суд Российской Федерации, 2015.
4. Заброда Д.Г. Антикоррупционная корпоративная политика: понятие и содержание // Административно-правовое регулирование правоохранительной деятельности : теория и практика : материалы 4-й Всероссийской научно-практической конференции, 29 мая 2015 г. / редкол. В.В. Грицай, В.В. Денисенко, О.В. Шкеля, М.Е. Труфанов, А.С. Шиенкова. Краснодар: Краснодарский университет МВД

России, 2015.

5. Теория государства и права. Курс лекций / под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. М., 2000.
6. Алексеев С. С. Общая теория социалистического права: курс лекций. Вып. 2. Свердловск, 1964.
7. Хныкин Г.В. Локальные источники российского трудового права: теория и практика применения: автореф дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.05. М., 2005. 50 с.
8. Самигуллин В. К. Локальные нормы и их виды // Правоведение. 1976. № 2.
9. Кашанина Т. В. Корпоративное право. М.: НОРМА–ИНФРА • М, 1999.
10. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ // Российская газета. 2001. № 256.
11. Рубайло Э.А. Локальные акты в системе правовых актов Российской Федерации // Журнал российского права. 2010. №5.
12. Методические рекомендации по разработке образовательными организациями локальных нормативных актов в условиях реализации ФЗ №273 «Об образовании в Российской Федерации» / сост. Э.Р.Лукманова. Казань: ИРО РТ, 2014. 93 с.
13. Химичук Е.В., Соколов А.Ю. Роль локального нормотворчества в деятельности компании // Право и экономика. 2008. № 7.
14. Тихомиров Ю.А. Право и саморегулирование // Журнал российского права. 2005. № 9.
15. Подвысоцкий П.Т. Локальное нормативное регулирование трудовых и иных непосредственно связанных с ними отношений: дис... канд. юрид. наук: 12.00.05. М., 2002.
16. Антикоррупционная политика ОАО «Прибой»: утверждено приказом ОАО «Прибой» от 16 декабря 2014 г. № 260 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.priboi.ru/wp-content/uploads/2015/01>
17. Положение о порядке разработки и принятия в АО «ЦНИИРЭС» локальных нормативных актов, принято Советом директоров АО «ЦНИИРЭС» от 3 июня 2002 г. URL: [http://www.tsniires.ru/files/Локальные нормативные акты/Pologenie o lokalny akty.doc](http://www.tsniires.ru/files/Локальные%20нормативные%20акты/Pologenie%20o%20lokalny%20akty.doc).
18. Антикоррупционная политика ОАО «МРСК Урала»: утверждена решением Совета директоров ОАО «МРСК Урала» от 14 марта 2014 года (протокол № 139 от 17.03.2014 г.). URL: <http://www.mrsk-ural.ru/company/documents/>
19. Программа антикоррупционных этических норм и обеспечения соблюдения антикоррупционных требований для деловых предприятий: практическое руководство. Управление ООН по наркотикам и преступности: Организация Объединенных Наций, ноябрь 2013 г. 132 с.
20. Антикоррупционная политика ОАО «БЭСК»: утверждено протоколом Совета директоров ОАО «БЭСК», протокол № 4(1) от 24.01.2013 г.: приказом № П-23 от 01.02.2013 г. URL: <http://www.bashkirenergo.ru/upload/iblock/3d9/3d9db72cc4d46a767bdc0bea51b7962a.PDF>.
21. Антикоррупционная политика ОАО «ЭССК ЕЭС» : утверждена решением Совета директоров ОАО «ЭССК ЕЭС», протокол № 87 от 08 ноября 2012 г. URL: <http://www.essk.ru/anticorruption/>
22. Иванов Э. А. Правовое регулирование антикоррупционного комплаенс-контроля в странах БРИКС // Евразийский юридический журнал. 2015. № 1.
23. Иванов Э.А. Влияние антикоррупционного законодательства Великобритании на деятельность российских компаний. URL: http://www.eurasialaw.ru/index.php?Itemid=1&catid=390%3A2013-08-06-08-47-59&id=4613%3A2013-08-06-08-52-03&option=com_content&view=article.

УДК 342.228

А. А. Микерин

СПЕЦИФИКА ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ В КОНЦЕПЦИИ КУЛЬТУРНОЙ ИСТОРИИ П. Н. МИЛЮКОВА

В статье рассматриваются различные аспекты теоретико-методологических взглядов П. Н. Милюкова: понятие исторического процесса и его движущих сил, общее и особенное в исторической эволюции различных стран, соотношение истории материальной и духовной культур. Автор высказывает некоторые критические замечания по поводу исторической концепции П. Н. Милюкова.

Ключевые слова: исторический процесс, культурная история, специфика исторического развития России, материальная культура, духовная культура, цивилизационные особенности.

Для современной России характерна активизация поиска собственной национальной идентичности, собственного цивилизационного кода. Время, прошедшее с момента крушения Советского Союза, демонстрирует, что безоговорочная капитуляция перед политико-правовыми концепциями либерализма, опыт их прямого заимствования и реализации в отечественной социальной реальности зачастую негативно ею воспринимается. В силу этого актуализируется анализ теории и практики либеральных преобразований в России. При этом довольно чётко вырисовываются две тенденции в подобных исследованиях. Для одних система либеральных ценностей представляется бесспорной, их исследовательские задачи направлены на поиск способов и средств их непереносимого воплощения в российской действительности, выражается готовность жертвовать как временем, так и социально-экономическим благополучием граждан. Другие настаивают на собственном особом историческом пути, инородности ценностей цивилизации запада и отказе от их огульного заимствования, поскольку либерализм западного образца не способен консолидировать российское общество, а либеральная политическая традиция не способна быть усвоена значительной его частью.

В поиске ответов исследователи обоих направлений обращаются к истории. Большой интерес в подобном обращении представляет этап отечественной истории на рубеже XIX – XX вв., когда общественная мысль и политико-правовая практика напряжённо искали ответы на подобные вопросы. Либералы и социалисты, консерваторы, представители русской религиозной философии предлагали своё видение развития России.

Значительное место в интеллектуальном на-

следии отечественной либеральной мысли рубежа XIX – XX вв. занимает творчество П. Н. Милюкова. Его идейные искания затрагивают достаточно широкий круг проблем, в частности, закономерностей исторического процесса и обозначения места России в нём, специфики её социально-экономического, политического развития и духовной культуры.

На формирование теоретико-методологических взглядов П. Н. Милюкова оказали влияние три соперничавших направления: позитивизм, неокантианство и экономический материализм. Историк критикует «субъективную школу», представители которой в этической и социологической аргументации возрождают «старую метафизику». В то же время он упрекает представителей «экономического материализма», трактующих явления духовной культуры как «надстроечные» над экономическим базисом. В этом случае игнорируется сложность психологической организации человеческого общества, вся область социальных явлений превращается в «белую доску, на которой экономический опыт <...> проводит первые штрихи». Вообще, экономический материализм, по мнению П. Н. Милюкова, призван сыграть важную, но временную роль «устранения из социологии последних следов метафизических объяснений» [1, с.4].

«Культурная история» - понятие, используемое П. Н. Милюковым для обозначения особого направления в исторической науке. Оно трактуется им в самом широком смысле и включает в себя «и экономическую, и социальную, и государственную, и умственную, и религиозную, и эстетическую» историю. Главный импульс эволюции общества - необходимость человека приспособиться к окружающей среде - в полной мере отражается в его психике. Выявить первобытные

Микерин Андрей Александрович, кандидат политических наук, доцент, старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин Казанского юридического института МВД России, тел. (843)5376213

© Микерин А.А., 2016

Статья получена 02.06.2016

основы духовной культуры историку не представляется возможным. Всё, что остаётся, - наблюдать внутреннюю эволюцию различных аспектов человеческой культуры. Этот теоретико-методологический посыл нашёл отражение в одной из наиболее значимых работ П. Н. Милокова «Очерки по истории русской культуры».

В основе взглядов П. Н. Милокова на исторический процесс лежат представления о всеобщности его хода, признание общих социологических законов, которые проявляются в самобытности национального бытия. Россия, несмотря на свои особенности, шла европейским путём развития. В качестве особенностей исторической эволюции России приводятся такие её характеристики, как «крайняя элементарность» и «совершенное своеобразие». В завершение первой части одной из наиболее значимых своих работ «Очерки по истории русской культуры» П. Н. Милоков замечает, что элементарность общественной организации была обусловлена отсутствием «сложных материальных связей», оснований развития сословий, их консолидации вокруг общих интересов [2, с.10]. Элементарность экономического развития, обусловленная неплодородностью земель, объясняет главенствующую роль государства, обеспечивавшего политическую консолидацию общества. Этим процесс генезиса российского государства отличается от аналогичного на Западе, где государство складывается снизу вверх через усложнение социальной структуры и выделение феодальной аристократии. Таким образом, общественная организация Руси напрямую зависела от государства и им определялась.

Рассуждая о своеобразии отечественной истории, П. Н. Милоков задаётся вопросом, актуальным и по сей день: представляет ли Россия особый тип национального развития? Или она находится на ступени исторического развития, давно Европой пройденной? Нельзя не согласиться с утверждением, что от ответа на него зависит и представление о дальнейшем развитии, о будущем России. Далее автор «Очерков» пытается примирить позиции «националистов» и «западников», замечая, что «несомненное своеобразие русского исторического процесса не мешает нам находить весьма значительное сходство и в его общем ходе, и, ещё более, в отдельных элементарных факторах этого процесса ...» [2, с.220]. Сходство в развитии любого общества обуславливается действием объективно действующих социальных законов. Но ограничиваться лишь формой закона – значит пренебречь анализом причин разнообразия и самобытности: особенностей материальной среды, в которой развивается общество. Отдельную роль отводит П.Н. Милоков фактору случайности в историческом процессе, к

чему он относит влияние отдельной личности на ход исторического развития.

Особого внимания заслуживают рассуждения П. Н. Милокова о соотношении неотвратимости исторического развития, изменчивости и национальной традиции. Какова ценность национальных традиций, чем они определяются? Чем они обусловлены и какова же их роль? Бесспорно, эти вопросы актуальны и сегодня. Зачастую сегодня в качестве национальных традиций выдвигаются те из них, которые представляют, скорее, исторический балласт, который неизбежно должен оставаться на уже пройденной ступени эволюции. Развитие предполагает изменчивость. По мнению П. Н. Милокова, культурной традицией должно выступать «единство общественного воспитания» [2, с.222]. Вполне естественно, что любое развитое общество не должно игнорировать результаты естественного своего развития, а сознательно поставить их на служение разделяемым гуманистическим идеалам: «... сознательная деятельность должна быть направлена не на поддержание этого археологического остатка отдалённой старины, а на создание новой русской культурной традиции, соответствующей современным общественным идеалам» [2, с.223]. Отсутствие культурной традиции, по мнению П. Н. Милокова, представляет одну из особенностей русской культуры.

В контексте концепции культурной истории исследователь даёт анализ истории русской духовной культуры. Рассуждая о соотношении материальной и духовной культуры, П. Н. Милоков указывает на явный анахронизм полемики по данному вопросу.

Развитие духовной культуры, считает П. Н. Милоков, – процесс, протекающий в определённых социально-экономических условиях, рецепционный, транслируемый школой, церковью. Для исторического объяснения этого процесса следует:

- следить за параллельным развитием и дальнейшим дифференцированием «многообразных сторон человеческой природы»,
- пытаться выявить закономерности эволюции «духовных потребностей», «сопоставляя с аналогичными процессами других обществ»,
- обозначить и проанализировать национальные особенности.

То, что принято называть национальным характером, следует объяснять историей культуры, а не наоборот. Национальность в трактовке П. Н. Милокова – эволюционирующий элемент. Язык и вера - случайные признаки и также подвержены эволюции. П. Н. Милоков не видит в религии национально-формирующего фактора. Тем не менее, церковь со школой представляют главные факторы духовной культуры.

В пятом очерке «Церковь и вера» П. Н. Милюков защищает мнение, что принятие христианства поначалу не оказало значительного влияния на русскую духовную культуру. Обосновывая свою позицию, историк приводит мнения А. С. Хомякова и профессора московской духовной академии Е. Е. Голубинского.

Представлять древнюю Русь истинно христианской – значит сильно преувеличивать русское прошлое. Древняя Русь восприняла только внешнюю форму, а не дух и сущность христианской религии. В домонгольский период народная масса Руси не усвоила «ни внешности, ни внутреннего смысла, ни обряда, ни сущности христианской религии». Ещё раз стоит заметить: П. Н. Милюков не видел национально-формирующего фактора религии, поэтому и православная вера, и церковь не имели общенационального, государственного значения. Обращает на себя внимание тенденциозность историка, который не утруждается анализом памятников древнерусской литературы. П. Н. Милюков ограничивается выдержками из Печорского патерика, по которым делает выводы о высоте «того духовного подъёма, на который способна была Русь, только что покинувшая своё язычество» [1, с. 10]. Другие памятники древнерусской литературы игнорируются автором. В частности, это можно сказать о «Слове о законе и благодати», в котором исследователи-современники П. Н. Милюкова склонны были видеть первый опыт философии русской истории, попытку осмыслить роль и место Руси во всемирной истории. Вне поля внимания П. Н. Милюкова остаются и история церкви с её повествованиями о жизни святых древней Руси, свидетельствующие, что семена нового учения начинали уже давать свои первые всходы.

Весьма поверхностной представляется попытка сравнительного исторического анализа социальной роли Русской православной церкви и церкви западной. П. Н. Милюковым отрицалось духовно-нравственное влияние русской церкви. В отличие от церкви западной. По весьма спорному мнению П. Н. Милюкова, к исходу средневековья в Европе вследствие активной деятельности церкви практически не осталось следов языческого мировоззрения. Активное отношение к теологическим и нравственным истинам формировало в Европе отношение к вере, как к личному делу каждого. Сама

церковь от этого проигрывала, результатом такого развития стала Реформация. Протестантизм означал отказ от Римской церкви. Однако романские страны остаются в лоне Ватикана. Милюков сравнивает отношение к религии: англичане любят, французы ненавидят, русские безразличны.

Анализ рассуждений П. Н. Милюкова о влиянии церкви в отечественной истории, степени религиозности и усвоения религиозных норм народной массой позволяет заключить, что историк недооценивает роли названных факторов, проявляет субъективизм в своих суждениях. Он не углубляется в сравнительный анализ русской и западной религиозных традиций, формировавших диаметрально противоположные установки и системы ценностей: соборность и индивидуализм, вера и знание, нестяжательство и материальное благополучие и т.п. Отсюда и некоторая однобокость восприятия всего хода российской истории, попытка уложить обширный исторический материал в весьма узкую форму собственной концепции. В связи со сказанным вспоминаются оценки П. Н. Милюкова, как наиболее тенденциозного историка начала XX в., пытавшегося поставить историю на службу либеральной буржуазии.

Идеи П. Н. Милюкова имеют важное значение для современного опыта России. Не до конца осмысленным на сегодня остаются вопросы национальности, веры, церковно-государственных отношений. Ценность исследования истории отечественной общественно-политической мысли признаётся современными исследователями различных направлений. Различны их парадигмы и методы. Одни соглашались с высказанной два десятилетия назад мыслью Шелухаева В. В., что «нереализованное в одних исторических условиях вполне может быть востребовано в других. Поэтому обращение к изучению теоретических концепций и программтики русских либералов представляет не только академических интерес <...>, но не исключено, что они могут быть востребованы на практическом уровне». [3] Другие исследователи, вслед за С. Кара-Мурзой, настаивают на цивилизационной специфике России, показывая, что историческое бытие нашей страны представляет равнозначную альтернативу западной цивилизации [4].

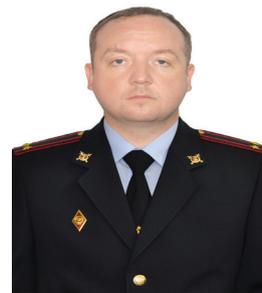
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Милюков П. Н. Очерки по истории русской культуры. Ч. 2. Церковь и школа (вера, творчество, образование). СПб., 1896.
2. Милюков П. Н. Очерки по истории русской культуры. Ч. 1. Церковь и школа (вера, творчество, образование). СПб., 1896.
3. Шелухаев В. В. Либеральная модель переустройства России. М: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1996.
4. Кара-Мурза С. Г. Россия и Запад. Парадигмы цивилизаций. М: Академический Проект, 2011.

УДК 340.113

К. Г. Салтыков

**ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТЕРМИНА «ДОГОВОР»
В ЮРИДИЧЕСКОМ ЯЗЫКЕ И ТЕКСТЕ**

В статье рассматриваются особенности дистрибуции термина «договор» в юридическом тексте. Договор понимается как основополагающий правовой институт и как алгоритм взаимосвязанных действий. Терминологически фиксированная лексема «договор» аккумулирует общеязыковую и специальную информацию, являясь единицей языкового и профессионально-научного знания.

Ключевые слова: термин, дистрибуция, юридический язык, юридическая техника, договор.

Анализ понятийного аппарата, отражающего сущность правоотношений, позволяет отметить, что четкость и ясность правовых предписаний, которые могут быть достигнуты только при адекватном понимании и обоснованном использовании юридической терминологии, являются важнейшими условиями эффективной реализации государством законодательной и правовой политики. Правоприменителю необходима определенность правовых норм, предполагающая их достаточную точность и обеспечивающая их правильное понимание и применение.

Рассматривая право как «взаимоопределение свободы многих», можно прийти к выводу о необходимости сохранения свободы и автономии личности в условиях многомерности и многосубъектности общественных отношений, в процессе которых достигается заключение свободного соглашения всех с каждым и каждого со всеми. Общественный договор, целью которого является достойная жизнь человека, регулирует отношения в рамках социума. Достигается эта цель существованием и работой государства, понимаемого как организованное по принципам права общество [1, с. 10-22].

Обращаясь к термину «договор», обозначающему одну из важнейших категорий современной юриспруденции, приходится констатировать отсутствие семасиологической определенности хотя бы по тому, что в большинстве случаев он отождествляется с «гражданско-правовым договором» [2, с. 37], который, является более специальным в семантическом отношении термином. Вследствие такого подхода договор часто интерпретируется как способ опосредовать хозяйственную деятельность [4], как правовой регулятор, используя который стороны своей волей и в своем интересе вступают во взаимодействие и тем самым осуществляют регулирование своих отношений [5, с. 6].

На практике договор обычно понимают как письменный документ, подтверждающий правомерность совершаемых хозяйственных операций, единственным смыслом разработки которого является подготовка к возможному судебному разбирательству по нарушениям зафиксированных в договоре соглашений [5, с. 44; 6, с. 129].

В юридической литературе по данному вопросу отмечается возможность различного толкования терминологии, используемой в законодательстве [7, с. 40-44], что приводит к ситуации, когда многообразие подходов к определению содержания понятия договор неизбежно отражается на особенностях применения соответствующего термина в устной и письменной профессиональной речи.

Подобное положение вещей привело к тому, что в целях унификации правоприменительной практики авторы Модельных правил европейского частного права были вынуждены не только закрепить дефиницию термина «договор», но и привести его отличия от юридического акта, понимая под первым соглашением, направленное на возникновение обязывающего юридического отношения или имеющее иное правовое последствие, а под вторым заявлением или соглашением, выраженное прямо или предполагаемое в силу поведения, непосредственно направленное на создание правовых последствий [8].

Целью настоящей работы является определение особенностей использования терминологически фиксированной лексемы «договор», аккумулирующей общеязыковую и специальную информацию, являясь единицей языкового и профессионально-научного знания, через описание основных проблем, связанных с определением места соответствующего юридического термина в системе юридического языка и текста. Задачей исследования является анализ отношений соответствия между единицами языка и по-

Салтыков Константин Геннадьевич, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Дальневосточного юридического института МВД России. e-mail: terminpravo@mail.ru

© Салтыков К.Г., 2016

Статья получена 18.11.2015

зициями, в которых они допустимы, который позволит определить различные дифференциальные семантические признаки термина «договор», которые могут появляться и исчезать в зависимости от ситуации его использования [9, с. 34].

Определяя методические позиции при исследовании технико-юридических особенностей использования термина «договор» необходимо исходить из того, что «... для каждого слова путем обобщения достаточно большого фразового материала может быть выявлена типовая сочетаемость. Эта сочетаемость может быть представлена в виде обобщенной характеристики тех позиций, которые чаще всего представлены в контексте слова» [10, с. 91].

Практическая важность вопроса о понимании оттенков смысла термина «договор» объясняется тем, что при осуществлении правосудия сущность отношений, а равно договорных связей имеет самостоятельное значение и рассматривается наравне с иными существенными обстоятельствами дела, в связи с чем при анализе договорных связей чрезвычайно важно уделять особое внимание сущности соответствующих отношений и договоров, оформляющих эти отношения [11].

Сложность употребления термина «договор» связана с тем, что обозначает он родовое понятие. Наименование того или иного вида договора может быть разным: договор, трактат, соглашение, конвенция, устав, статут, хартия, пакт, протокол, конкордат, совместное заявление, декларация, комюнике, регламент, меморандум, долевого инструмента [12; 13]. Подобное разнообразие номинаций, часто становится причиной проблем технико-юридического характера, связанных с использованием специальных терминов, значение которых не всегда определено на законодательном уровне, что становится причиной интерпретационной вариативности нормативных правовых предписаний.

Кроме того, в юридической науке и правотворческой практике не прекращаются попытки необоснованного расширения терминологического аппарата права, которое становится причиной чрезмерного увеличения количества средств отражения в юридическом языке по отношению к числу отражаемых правовых феноменов. Так, Федеральный закон № 94-ФЗ «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд» был принят в 2005 году, а в 2010 году в его тексте появился термин «гражданско-правовой договор бюджетного учреждения» (Закон в редакции Федерального закона от 08.05.2010 № 83-ФЗ).

После отмены Федерального закона «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и му-

ниципальных нужд» сфера законодательного применения термина «гражданско-правовой договор бюджетного учреждения» максимально сузилась. В Федеральном законе от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» указанный термин применяется один раз среди заключительных положений, применительно к регулированию отношений, возникших до принятия данного Федерального закона. Это связано с тем, что при конструировании правовых норм законодателем не был полностью исчерпан семантический потенциал широко используемого термина «гражданско-правовой договор», а, следовательно, отсутствовала необходимость введения более специальной терминологии.

Кроме того, не лишним будет упоминание о том, что в предшествовавший нынешнему – советский период развития отечественной юриспруденции сам термин «гражданско-правовой договор» широкого распространения не имел. Законодатель и правоприменитель в большинстве случаев использовали термин «договор», а также «хозяйственный договор» для характеристики оснований возникновения правоотношений между юридическими лицами [14, с. 158-159].

Границы интерпретационного пространства термина «договор» весьма широки и, прежде всего, зависят от особенностей понятия, референтом которого он является. В общезыковом смысле понятию договор соответствует множество, включающее в себя «уговор, взаимное соглашение», «предварительные условия или частное обязательство» и «кондиции» [15, с. 450]. Специальное юридическое определение данного понятия основано на том, что «для всестороннего ознакомления с сущностью договора он должен быть изучен и как юридический факт, и как правоотношение, и как форма, используемая при его заключении» [16, с. 26-27]. В условиях недостаточной изученности договора и присущих ему функциональных свойств [17, с. 295] такой подход позволяет определить объем данного понятия и установить общие границы интерпретации в отношении содержания соответствующей ему терминологической единицы.

С другой стороны, употребление термина «договор» в узких сферах юридического знания позволяет говорить об отсутствии нормативных ограничений интерпретации при установлении его семантики. Например, термины «договор» и «договорное право» имеют существенное значение в признании и оценке финансовых вложений в учете и отчетности. В п. 13 МСФО (IAS) 32 говорится о соглашениях между двумя или более сторонами, имеющих четкие экономические последствия, из-

бежать которые стороны практически (или совсем) не имеют возможности, как правило, потому, что закон предусматривает принудительное исполнение такого соглашения в судебном порядке. Договоры, а значит, и финансовые инструменты могут иметь разные формы и необязательно должны быть оформлены в письменном виде [18, с. 2-9].

Проблема семантической определенности и обусловленной ею дистрибуции термина «договор» в юридическом тексте имеет давнюю историю. Известно, что в классическом римском праве не было абстрактного договора вообще с подразумеваемыми всеобщими требованиями к содержанию вытекающего из него обязательства также в максимально общем виде [19, с. 193]. Говоря о многочисленных спорах современных исследователей о понятии *contractus* в римском праве Дж. Франчози отмечает, что «в этих спорах ни одна сторона не могла приблизиться к истине, поскольку истина заключается в том, что и в римской юриспруденции не было единой, всеми признанной концепции договора» [20, с. 363].

Принимая во внимание указанный доктринальный подход, связанный с определением договора как двусторонней или многосторонней сделки [21, с. 151], в рамках практической деятельности по рассмотрению экономических споров суды пытаются найти баланс в сфере употребления терминов «договор», «гражданско-правовой договор» и «сделка». Так, ВАС РФ в одном из своих постановлений отмечал, что: «термины «инвестиции», «инвестиционная деятельность», «инвестиционный договор» не имеют своего собственного строгого юридического содержания и обычно используются в законодательстве в качестве общего обозначения для целой группы различных гражданско-правовых сделок» [22].

Сама по себе такая терминологическая замена не вредна, однако, отказываясь от употребления термина «договор», сужая сферу его использования в пользу термина «сделка», следует помнить следующее. Во-первых, в русском языке под сделкой понимаются и действия негативно-нарицательного свойства типа сделок с совестью [23, с. 146]. Безусловно, в праве подобное толкование данного термина невозможно и сделки должны быть действиями исключительно правомерными, однако, догматическая юриспруденция до настоящего времени не смогла добиться полноты разработки понятия «сделка», его точности и устойчивости [24, с. 15-16; 25 с. 69; 26, с. 12]. Как отмечал Ю. С. Гамбаров: «еще далеко до бесспорности самого понятия юридической сделки... Споры и контroversы здесь далеко не исчерпаны» [27]. Во-вторых, значительное число различных подходов к пониманию сделки как правовой категории становится

причиной использования в цивилистике терминов, обозначающих искусственно созданные юридические конструкции, понятий лишенных конкретного содержания и обозначающих пустые множества [28, с. 49]. В-третьих, частое совместное использования в специальных текстах терминов «сделка» и «договор» вызывает неожиданные последствия в виде появления в рамках юридического дискурса таких терминологических единиц, как «договор-сделка» [29, с. 292].

Правовые категории «договор» и «сделка» имеют весьма обширные экстенциональные характеристики и вместе с этим тесно связаны между собой (вместе с этим родовидовая связь между данными понятиями в настоящее время не является общепризнанной [30, с. 24-29]), что предполагает особую скрупулезность при соответствующем терминологическом наполнении судебных решений и нормативных правовых документов.

Следует также отметить, что в юридическом тексте помимо семасиологической стороны, проблема дистрибуции термина «договор» имеет внешний грамматический аспект. Дело в том, что иногда слово «договор» в тексте юридического документа, отражающего согласованную волю сторон, сопровождается прилагательным «настоящий» [31]. Это происходит по аналогии, так как в российской правовой системе законодатель подобным образом поступает применительно к федеральным законам (в тексте законов часто используется словосочетание – «настоящий Федеральный закон» [32]). По поводу этого Р. Д. Зоркольец отмечает, что поскольку применительно к договору как к данному определенному юридическому документу сам термин «договор» является условным именем собственным, то его необходимо писать с прописной буквы, как это делается в российской законодательной технике («настоящий Кодекс», «настоящий Федеральный закон») [33]. Такая позиция указанного автора представляется вполне оправданной.

В качестве вывода из всего вышеизложенного обратим внимание на следующее.

Во-первых, основу юридического текста составляет расчлененная сознанием правовая реальность, которая мыслится и представляется в специальном языке.

Во-вторых, юридический термин «договор» обозначает одно из основных правовых понятий, выступает в специальной речи со своим общим значением, сочетаясь с другими словами, передает смысл законодательного или правоприменительного акта.

В-третьих, синтагматические связи данной единицы юридического языка определяются как лингвистическими причинами, так и реальными связями правовой действительности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ассесорова А.В. «Онтологизм и иррационализм» философии права И.Г. Фихте в интерпретации Б.П. Вышеславцева // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2014. № 1.
2. Юридический словарь / под. ред. А.Н. Азрилияна. М.: Институт новой экономики, 2007.
3. Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 13.10.2014 № 15АП-15414/2014 по делу № А32-32320/2012 // СПС «Гарант».
4. Казанцев М.Ф. Концепция гражданско-правового договорного регулирования: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Екатеринбург, 2008.
5. Абашин Э.А. Как правильно оформить сделку. М., 2003.
6. Радченко М.Ю. Контрактная работа предприятия. М., 2001.
7. Карпеев О.В. Субъектный состав узлового соглашения как гражданско-правового договора // Юридический мир. 2013. № 5.
8. Модельные правила европейского частного права / пер. с англ.; науч. ред. Н.Ю. Рассказова. М.: Статут, 2013.
9. Цейтлин С.Н., Погосян В.А., Еливанова М.А., Шапиро Е.И. Язык. Речь. Коммуникация. Междисциплинарный словарь. СПб.: КАРО, 2006.
10. Кузнецова Э.В. Лексикология русского языка. М., 1982.
11. Решение ФАС Северо-Западного округа от 3 июня 1998 г. по делу № А56-288/98; Решение ФАС Западно-Сибирского округа от 15 июня 2000 г. по делу № Ф04/1515-217/А67-2000; Решение ФАС Уральского округа от 3 марта 1998 г. по делу № Ф09-116/98-ГК; Решение ФАС Волго-Вятского округа от 12 февраля 2002 г. по делу № А39-1928/01-127/8 // СПС «Гарант».
12. Международное право. Общая часть: учебник / отв. ред. Р.М. Валеев, Г.И. Курдюков. М.: Статут, 2011.
13. Международный стандарт финансовой отчетности (IAS) 32 «Финансовые инструменты: представление информации» // Приложение к журналу «Бухгалтерский учет». 2011. № 12.
14. Советское гражданское право: учебник. М.: Юрид. лит., 1983.
15. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955. Т. I.
16. Иоффе О.С. Обязательственное право. М., 1975.
17. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Книга первая: Общие положения. М., 2003.
18. Плотников В.С., Пахомов А.С. Резерв под обесценение финансовых вложений // Международный бухгалтерский учет. 2014. № 14.
19. Омельченко О.А. Римское право: учебник. М.: ЭКСМО, 2007.
20. Франчози Дж. Институционный курс римского права. М.: Статут, 2004.
21. Васильковский Е.В. Учебник гражданского права. М.: Статут, 2003.
22. Постановление Президиума ВАС РФ от 02.07.2013 № 1039/13 по делу № А51-11274/2012 // СПС «Гарант».
23. Щенникова Л.В. Гражданское право и общие положения о сделках в гражданском праве России // Гражданское законодательство Российской Федерации как правовая среда гражданского общества: материалы международной научно-практической конференции. Т. 2. Краснодар, 2005.
24. Матвеев И.В. Правовая природа недействительных сделок. М., 2002.
25. Кулматов Т.Ш. Недействительные сделки по гражданскому праву и деятельность органов внутренних дел по их пресечению: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1996.
26. Рабинович Н.В. Недействительность сделок и ее последствия. Л., 1960.
27. Гамбаров Ю. С. Гражданское право. Общая часть. С.-Петербург, 1911 // СПС «Гарант».
28. Гетманова А.Д. Логика для юристов: уч. пособие. М., 2003.
29. Бекленищева И.В. Гражданско-правовой договор как основание возникновения абсолютных правоотношений // Цивилистические записки. Вып. 4. М., 2005.
30. Чеговадзе Л.А. О сделках как действиях по договору // Правовые вопросы строительства. 2013. № 2.
31. Приложение № 1, 3 к письму Федеральной налоговой службы от 17 июля 2013 г. № АС-4-2/12837@ «О рекомендациях по проведению мероприятий налогового контроля, связанных с налоговыми проверками» // Приложение к газете «Учет. Налоги. Право». «Официальные документы» 13-19 августа 2013 г. № 29.
32. Об акционерных обществах: Федеральный закон от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ // Российская газета. 1995. 29 декабря. № 248.
33. Зоркольец Р.Д. Юридические секреты рекламной деятельности. Как грамотно управлять рекламным агентством, вести с ним переговоры и заключать контракты: практическое пособие. 2013 // СПС «Консультант Плюс».

С. Б. Селецкая

Е. А. Яковлева

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ПРАВОВОГО СТАТУСА СУПРУГОВ И ЕГО МЕЖОТРАСЛЕВОЙ ПРИРОДЕ

В статье авторами предпринимается попытка раскрыть правовую природу статуса супругов как субъектов, осуществляющих личные неимущественные права в семье, и обосновать его межотраслевую правовую природу. По мнению авторов, нормы, регулирующие правовой статус супругов, носят межотраслевой характер, в связи с чем нуждаются в нормативном закреплении в специальном законе на федеральном уровне.

Ключевые слова: правовой статус супругов, правовое положение супругов, семейное и гражданское право, межотраслевая природа правового статуса супругов, межотраслевой характер.

В современный период развития общества становится очевидным и ясным то, что супруги как субъекты семейных правоотношений наделяются особыми правами и обязанностями, отличающими их от других членов семьи. Исследованием правового положения супругов в цивилистической науке занимались и занимаются многие авторы, в частности Дзыба Р. А. [1], Никитин Д. Н. [2], Джандарбек Б. А. [3] и другие. В наших исследованиях также уделялось внимание данной проблеме [4, с. 74-77; 5, с. 268-271]. Однако вопрос, который мы рассматриваем в настоящей статье, в должной мере в цивилистике ранее не исследовался.

Задача нашего исследования – показать особенность правового статуса супругов не только в сфере семейных отношений, но и в иных, где они выступают субъектами. Поэтому наше исследование посвящается формированию представления об особом статусе супругов как субъектов иных правоотношений.

Более того, в настоящей статье нами предпринята попытка на основе анализа действующего

законодательства доказать межотраслевую правовую природу статуса супругов как субъектов, осуществляющих личные неимущественные права в семье, что, по нашему мнению, представляет большой интерес для частноправовой науки.

Для большей убедительности нашей позиции, укажем лишь некоторые из правовых норм, регулирующих общественные отношения в различных областях права, анализ которых свидетельствует об особенностях, отличающих правовой статус супругов от иных субъектов права.

В первую очередь, хотелось бы обратиться к анализу норм гражданского законодательства. Так, например, п. 5 ст. 152.2 Гражданского кодекса Российской Федерации [6] (далее – ГК РФ), посвященный праву требования защиты частной жизни гражданина в случае его смерти, гласит, что защита может осуществляться не только детьми и родителями, но и пережившим супругом такого гражданина. Нормы ст. 256 ГК РФ определяют особенности осуществления супругами права общей совместной собственности. Причем законодатель из всех

Селецкая Стелла Борисовна, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского и предпринимательского права Казанского федерального (Приволжского) университета, e-mail: seleckaya@inbox.ru

Яковлева Екатерина Александровна, старший преподаватель Российской международной академии туризма (филиал, г. Казань), e-mail: ea0806@mail.ru

© Селецкая С.Б., 2016

© Яковлева Е.А., 2016

Статья получена 03.12. 2015

членов семьи наделяет правом на совместное имущество только супругов. На супругов также распространяются и некоторые запреты на дарение, предусмотренные п.1 ст. 575 ГК РФ. Статья 1088 ГК РФ предусматривает возмещение вреда лицам, понесшим ущерб в результате смерти кормильца, к числу которых относится и супруг. Также п. 2 ст. 3 Федерального закона от 11 июня 2003 г. № 74-ФЗ «О крестьянском (фермерском) хозяйстве» предоставляет супругам право на создание фермерского хозяйства [7]. А в соответствии с п. 3 ст. 1078 ГК РФ ответственность за вред, причиненный гражданином, не способным понимать значения своих действий, может быть переложена на супруга. Следует отметить, что исключением являются случаи, когда супруги не проживают совместно, что подтверждается и судебной практикой. Так, например, Заднепровский районный суд г. Смоленска рассмотрел дело по иску Алфимовой Е.В. к Пузыреву И.И. и Пузыревой Л.А. о возмещении материального и морального вреда. В судебном заседании истица Алфимова Е.В. приводила доводы, что ответчица Пузырева Л.А. была осведомлена о болезни своего супруга Пузырева И.И., о неадекватности его поведения и ничего не предпринимала для его лечения. Суд согласился с тем, что, согласно п. 3 ст. 1078 ГК РФ, если вред причинен лицом, которое не могло понимать значения своих действий или руководить ими вследствие психического расстройства, обязанность возместить вред может быть возложена судом на проживающего совместно с этим лицом его трудоспособного супруга, который знал о психическом расстройстве причинителя вреда, но не ставил вопрос о признании его недееспособным. Между тем суд посчитал, что достаточных оснований для возложения обязанности по возмещению причиненного Пузыревым И.И. вреда на его супругу Пузыреву Л.А. не имеется, поскольку она со своим мужем не проживала, о чем свидетельствуют показания свидетелей Г., К., А.А.А. и сведения о регистрации по месту жительства, согласно паспорту ответчицы, справке Администрации Заднепровского района г. Смоленска и домовой книге. Таким образом, принимая во внимание вышеизложенное, суд решил взыскать с Пузырева И.И. в пользу Алфимовой Е.В. возмещение материального ущерба, компенсацию морального вреда и взыскать в доход бюджета госпошлину. В удовлетворении иска Алфимовой Е.В. к Пузыревой Л.А. о возмещении материального и морального вреда отказать [8].

Приведенный пример свидетельствует о том, что в регулировании гражданских отношений, где одной из сторон выступают супруги, данные субъекты отличаются своим особым правовым ста-

тусом от иных субъектов гражданского оборота. Не случайно ст. 4 Семейного кодекса Российской Федерации [9] (далее – СК РФ) предусматривает возможность применения норм гражданского законодательства в регулировании семейных отношений постольку, поскольку это не противоречит существу семейных отношений.

Специфика правового положения супругов проявляется и в нормах иных отраслей права. Так, в частности, это обнаруживается при анализе норм административного законодательства. Например, ст. 19.15.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях [10] (далее – КоАП РФ) предусматривает (в отличие от других родственников) освобождение от административной ответственности супруга за проживание в жилом помещении другого супруга без регистрации, тогда как от административной ответственности иные субъекты не освобождаются. Подтверждением наших доводов об особом правовом положении супругов является п. 3 ст. 25.6 КоАП РФ, согласно которому супруг вправе не свидетельствовать против своего супруга. От себя отметим, что данное право является субъективным, поскольку в зависимости от определенных обстоятельств супруги могут как воспользоваться, так и не воспользоваться данным им правом. Это напрямую зависит от их личностных взаимоотношений.

Аналогичные нормы содержатся и в уголовном законодательстве Российской Федерации. Так, ст. 308 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) предусмотрено освобождение от уголовной ответственности лица за отказ от дачи показаний против себя самого, а также против своего супруга и своих близких родственников [11]. А в соответствии со ст. 316 УК РФ лицо не подлежит уголовной ответственности за заранее не обещанное укрывательство преступления, совершенного его супругом или близким родственником.

Об особом статусе супругов мы можем судить и на основании анализа налогового законодательства. Например, в Налоговом кодексе Российской Федерации [12] (далее – НК РФ) налоговую тайну не составляют сведения, предоставляемые избирательным комиссиям о размере и об источниках доходов кандидата и его супруга, а также об имуществе, принадлежащем кандидату и его супругу на праве собственности (п. 1 ст. 102 НК РФ). Положения указанной статьи в части запрета на разглашение сведений, составляющих налоговую тайну, распространяются на сведения о размере и об источниках доходов работников организаций с государственным участием, их супругов и несовершеннолетних детей. Пункт 2 ст. 105.1. НК РФ признает взаимозависимыми физическое лицо и

его супруга (супругу), учитывая участие одного лица в капитале другого лица, в соответствии с заключенным между ними соглашением либо при наличии иной возможности одного лица определять решения, принимаемые другим лицом (п. 2 ст. 105.1. НК РФ) и т.д.

Таким образом, приведенные выше примеры свидетельствуют о том, что в какие бы отношения ни вступали супруги, их правовое положение будет отличаться от иных субъектов права. Наше умозаключение дает возможность сделать один и очень простой вывод о том, что после заключения брака супруги становятся неким единым социумом. Данный социум, во-первых, позволяет во многих правоотношениях супругам выступать как квази-единый субъект права, даже если стороной такого правоотношения является только один из супругов, во-вторых, не позволяет им выступать против друг друга, правда, если это не противоречит правам и интересам обоих супругов. Бесспорно, такой социум основан на личном желании каждого из супругов создать семью.

Наши размышления нас приводят к необходимости затронуть и еще одну немаловажную проблему теории семейного права – это возможность конкретизации названия отрасли семейного права. Таковую потребность в своих работах обосновала Л. А. Смолина, которая совершенно справедливо отсылает нас к категории «брачно-семейное право», говоря о том, что основанием отграничения брачного права от семейного служат юридические факты и именно из брака возникают все права и обязанности супругов и бывших супругов: имущественные и личные [13, с. 36]. И тот вывод, к которому мы пришли, еще раз с достоверностью обосновывает ее положения.

Из сказанного вытекают определенные выводы о том, что:

(1) особый правовой статус супругов напрямую зависит от их личностных взаимоотношений, а следовательно, и законодатель их рассматривает как одно целое, как единую семью, как квази-единого субъекта права;

(2) отношения, возникающие между супругами, вне зависимости от того, какими нормами права они регулируются (семейными, гражданскими, административными и пр.), не всегда могут быть подвержены правовой регламентации, потому как по большей своей части находятся под влиянием нравственных норм, которые в свою очередь складываются из воспитания, семейных традиций, обычаев и пр.; правовой статус супругов определяется их субъективными правами и обязанностями, и по своей природе его можно считать межотраслевым.

Межотраслевая природа отношений, в которые вступают супруги, заключается в том, что нормы семейного права определяют момент, с которого мужчина и женщина наделяются статусом супругов – это день государственной регистрации их брака, и только потом, в зависимости от того, в какие общественные отношения вступают супруги, применяются нормы той или иной отрасли права. Таким образом, в какие бы отношения супруги ни вступали, первостепенными будут являться нормы семейного законодательства, производными – нормы того законодательства, которое регулирует общественные отношения в которые вступают супруги. Таким образом, считаем, что понятие правового положения супругов является межотраслевым понятием.

Наши рассуждения о проблеме особенностей правового статуса супругов, заключающихся в их межотраслевом характере, позволили придти к выводу о необходимости на федеральном уровне принять специальный закон «О правовом статусе супругов в Российской Федерации».

В предлагаемом законе считаем целесообразным закрепить нормы, содержащие правила, позволяющие определить специфику данного социума как субъектов не только семейных, но и иных отношений. Поскольку, как нами было продемонстрировано выше, супруги могут вступать в иные различного рода отношения. И их правовое положение как субъектов этих отношений будет отличаться от правового положения иных участников только лишь потому, что они являются супругами. Таким образом, в предложенном нами законе должна содержаться совокупность норм, определяющих правовое положение супругов во всех отраслях права (а именно, предполагаем, что он должен содержать исчерпывающий перечень прав и обязанностей лиц, вступающих в брак, супругов и бывших супругов).

Считаем, что в данном случае гражданское, административное, налоговое и др. законодательство могло бы применяться только в тех случаях, когда права и обязанности супругов не урегулированы семейным законодательством в общем и законом «О правовом статусе супругов в Российской Федерации» в частности. Это позволит законодателю, во-первых, устранить возможно имеющиеся и недопустить новые нормативные правовые коллизии межотраслевого характера, возникающие на стыке семейного и других отраслей отечественного права (данное предположение мы выдвинули, основываясь на мнении проф. М. Ю. Чельшева, который проводил глубокий научный анализ межотраслевых связей гражданского права (см. [14, с. 982]), во-вторых, укрепить ценность семьи и, в-третьих, защитить права супругов.

Завершая настоящее исследование, подведем некоторые итоги:

во-первых, мы пришли к выводу, что супруги наделяются особым правовым статусом со дня государственной регистрации брака;

во-вторых, было признано, что супруги во многих правоотношениях выступают как квазиединый субъект права;

в-третьих, по своей природе статус супругов носит межотраслевой характер, который проявляется в регулировании отношений, в которые вступают супруги различными отраслями права.

Однако те особенности правового положения супругов, которые содержатся в нормах различных отраслей законодательства, предопределены нормами семейного законодательства;

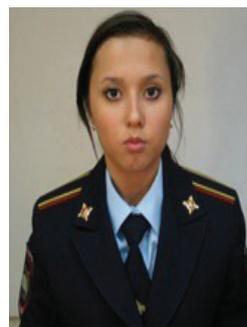
в-четвертых, обоснована целесообразность принятия Федерального закона «О правовом статусе супругов в Российской Федерации», который должен содержать унифицированные нормы, регламентирующие статус супругов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дзыба Р.А. Равноправие супругов - основной принцип советского семейного права. Казань: Издательство Казанского университета, 1972. 84 с.
2. Никитин Д.Н. Правовое регулирование личных неимущественных отношений супругов: вопросы теории и практики : автореф. дис. ... канд.юрид.наук. Курск, 2013. 26 с.
3. Джандарбек Б.А. Правовое регулирование брачно-семейных отношений в Республике Казахстан: дис... д.ю.н. 2010. 326 с.
4. Яковлева Е.А. К вопросу о правовом статусе супругов как субъектов личных неимущественных прав в семье// Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. 2015. № 5.
5. Яковлева Е.А. Особенности правового положения лиц, сменивших пол в период брака // Вестник экономики. Права. Социологии, 2015, № 4. С. 268-271.
6. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 № 51-ФЗ (с изм. и доп.) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
7. Федеральный закон от 11 июня 2003 г. № 74-ФЗ «О крестьянском (фермерском) хозяйстве» (с изм. и доп.) // РГ. 2003. № 115.
8. Решение по делу 2-1179/2016 - М-883/2016 Заднепровского районного суда города Смоленска от 26 апреля 2016 года. – URL: <https://rospravosudie.com/court-zadneprovskij-rajonnyj-sud-g-smolensk-smolenskaya-oblast-s/act-524131331/>, свободный. – Проверено 15.06.2016.
9. Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ (с изм. и доп.) // СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 16.
10. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (с изм. и доп.) // СЗ РФ. 2002. № 1 (часть I). Ст. 1.
11. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (с изм. и доп.) // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
12. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ (с изм. и доп.) // СЗ РФ. 1998. № 31. Ст. 3824.
13. Смолина Л.А. Правовое регулирование отношений супругов и бывших супругов. М.: Изд-во СГУ, 2006. 157 с.
14. Чельшев М.Ю. О концепции оптимизации межотраслевых связей гражданского права//Научные труды. Российская академия юридических наук. Выпуск 7. В 2 томах. Том 1. М.: Издательская группа «Юрист», 2007.

О. В. Артюшина

Н. М. Усманова

ОБЪЕКТ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА НОВЫХ ПОТЕНЦИАЛЬНО ОПАСНЫХ ПСИХОАКТИВНЫХ ВЕЩЕСТВ

В статье проанализированы признаки, характеризующие объект как элемент состава преступления, предусмотренного ст. 234.1 УК РФ, введенной Федеральным законом от 3 февраля 2015 г. № 7-ФЗ. Авторы сформулировали общий, родовый, видовой объекты этого преступления, обосновали классификацию непосредственного объекта, а также внесли предложение по совершенствованию противодействия преступлениям, связанным с незаконным оборотом новых психоактивных веществ.

Ключевые слова: уголовно-правовая охрана здоровья населения, объект и предмет преступления, новые потенциально опасные психоактивные вещества.

Состояние здоровья населения является важным показателем уровня развития государства, одним из основных факторов развития общества, поэтому охрана здоровья населения есть одна из первоочередных задач всех государственных институтов.

Охрана здоровья людей, несомненно, представляет и стратегическую задачу в успешном формировании и развитии будущего нашего государства. В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года отмечается, что «серьезные просчеты, допущенные на начальном этапе проведения реформ в различных областях государственной деятельности, ослабление системы государственного регулирования и контроля, несовершенство правовой базы и отсутствие сильной государственной политики в социальной сфере, снижение духовно-нравственного потенциала общества являются основными факторами, способствующими росту преступности» [1].

Одним из наиболее актуальных направлений борьбы с преступностью в настоящее время является противодействие незаконному обороту новых потенциально опасных психоактивных веществ, за которое введена уголовная ответственность Феде-

ральным законом от 3 февраля 2015 г. № 7-ФЗ [2].

Распространение на территории России новых потенциально опасных психоактивных веществ, маскируемых под товары народного потребления, получило эпидемический характер. По оценкам экспертов, в настоящее время новые потенциально опасные психоактивные вещества в общей массе изымаемых запрещенных веществ составляют более 60% [3, с.3].

Актуальность исследования обусловлена новизной исследуемой уголовно-правовой нормы, недостатками регламентации ответственности в этой сфере, отсутствием теоретических разработок о признаках состава данного преступления, а также необходимостью его исследования и предупреждения уголовно-правовыми средствами на основе научно-обоснованных рекомендаций.

В доктрине уголовного права под объектом преступления понимаются охраняемые уголовным законом социально значимые ценности, интересы и блага, на которые посягает преступление и которым в результате его совершения причиняется или может быть причинен вред [4, с. 70]. Правомерность использования в вышеуказанном

Артюшина Ольга Викторовна, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовного права Казанского юридического института МВД России, e-mail: ovart2012@mail.ru

Усманова Назиля Мунировна, рядовой полиции, курсант 2 курса 042 уч.гр.

© Артюшина О.В., 2016

© Усманова Н.М., 2016

Статья получена 19.05.2016

определении понятия «социальные ценности» основывается на ст. 2 Конституции РФ, где человек, его права и свободы провозглашены высшей ценностью. Поскольку интересы личности обозначены в Уголовном кодексе РФ как объект защиты от преступления, то логически и правомерно отнесение законодателем к охраняемым ценностям и других указанных в УК интересов - общества, государства, человечества.

В науке до сих пор высказывают разные точки зрения по поводу понятия и содержания объекта преступления. Наиболее обоснованным представляется традиционное понимание объекта преступления как совокупности общественных отношений.

Общим объектом преступления, предусмотренного ст. 234.1 УК РФ, выступает вся совокупность общественных отношений, охраняемых Уголовным законом в целом.

Родовой объект является частью общего объекта. Он представляет собой систему однородных общественных отношений, охраняемых нормами одного раздела УК РФ. Так, родовым объектом исследуемого состава преступления выступают общественные отношения по охране общественной безопасности и общественного порядка.

При этом под общественной безопасностью понимается совокупность общественных отношений, регулирующих безопасные условия жизни личности, общества и государства. Она заключается в создании таких условий, при которых любой человек и все население чувствуют себя социально защищенными [5, с. 5]. Под общественным порядком - система общественных отношений между людьми, правил поведения, общежития, установленных нормативными актами, нормами морали, обычаями, традициями, обстановкой спокойствия, защищенность нормальных условий труда, быта и отдыха людей [4, с.478].

Видовой объект, входя в структуру родового объекта, объединяет группу общественных отношений одного вида, охраняемых уголовно-правовыми нормами в рамках одной главы. В соответствии с этим видовым объектом незаконного оборота новых потенциально опасных психоактивных веществ являются общественные отношения по охране здоровья населения и общественной нравственности.

Здоровье населения в литературе определяется как совокупность общественных отношений, обеспечивающих физическое и психическое здоровье населения, его нормальное функционирование и развитие [6, с.176].

Под общественной нравственностью принято понимать «господствующую в российском обще-

стве систему взглядов и представлений об этических категориях добра и зла, справедливости и несправедливости, определяющих этические нормы поведения человека в обществе и его взаимоотношений с другими людьми» [7, с.167].

Непосредственный объект – это охраняемая уголовным законом конкретная личная, общественная и государственная ценность, которой причиняется вред в результате совершения преступления. При этом встречаются такие преступления, которые одновременно посягают на два и более непосредственных объекта. В этих случаях один из объектов является основным, а другой – дополнительным (в зависимости не от важности, а от его связи с родовым объектом) [8, с.38].

Принято различать дополнительный основной и дополнительный факультативный объекты преступления, первому из которых причиняется вред или создается угроза причинения вреда всегда при совершении преступного деяния (так называемые «двубъектные» или «многообъектные» преступления), а второму – только в некоторых случаях. Поэтому факультативный объект, в отличие от основного дополнительного, на квалификацию преступления не влияет.

Точное установление непосредственного объекта позволяет правильно раскрыть характер и степень общественной опасности преступления, определить специфические признаки каждого преступления. Что, в свою очередь, является необходимым условием правильной квалификации содеянного и назначения справедливого наказания.

Представляется, что основным непосредственным объектом исследуемого преступления является здоровье населения.

Дополнительным объектом данного деяния выступает здоровье личности. Думается, что во всех случаях совершения действий по незаконному обороту новых потенциально опасных психоактивных веществ создается угроза причинения вреда здоровью отдельного человека, личности. При этом под здоровьем человека в уголовном праве понимается состояние организма, которое характеризуется отсутствием каких-либо болезненных изменений [9].

Кроме этого, в исследуемом составе преступления обнаруживается и факультативный объект – права и законные интересы несовершеннолетних, их нормальное физическое развитие и нравственное воспитание. Это общественное отношение в данной норме уголовного закона, на наш взгляд, охраняется попутно. При совершении исследуемого преступления ему причиняется вред, в частности, когда виновный осуществляет сбыт новых потенциально опасных психоактивных веществ несовершенно-

летнему либо при осознании виновным последующего их потребления несовершеннолетним лицом.

Криминообразующим признаком состава незаконного оборота новых потенциально опасных психоактивных веществ является предмет.

Под предметом преступления понимаются вещи материального мира или интеллектуальные ценности, влияя на которые, преступник нарушает общественные отношения, охраняемые уголовным законом. Им признается все то, что доступно для восприятия, измерения, фиксации, а в некоторых случаях и оценки [8, с. 67].

Предметом преступления, предусмотренного ст. 234.1 УК, являются новые потенциально опасные психоактивные вещества, оборот которых в Российской Федерации запрещен.

Понятие новых потенциально опасных психоактивных веществ введено в Уголовный кодекс Федеральным законом Российской Федерации от 3 февраля 2015 г. N7-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [2]. Вышеуказанным законом внесены также изменения в Федеральный закон N 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах». [10]. В частности, в действующей его редакции в ст. 1 данного закона определено, что данным понятием охватываются вещества синтетического или естественного происхождения, включенные в Реестр новых потенциально опасных психоактивных веществ. Отмечается, что их оборот в Российской Федерации запрещен.

Список психоактивных веществ, запрещенных к обороту на территории Российской Федерации, – Реестр опубликован на официальном сайте Федеральной службы Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков [11]. Он изложен в виде таблицы с указанием химических формул основных видов психоактивных веществ и их производных.

В настоящее время в Реестр занесены четырнадцать видов основных психоактивных веществ с общим количеством производных не менее ста пятидесяти четырех. Например, *2-(1-Бензил-1Н-индазол-3-карбоксамидо) уксусная кислота и её производные*.

Порядок формирования и содержание Реестра регламентированы приказом ФСКН России от 18.02.2015 №69 «Об утверждении Порядка формирования и содержания Реестра новых потенциально опасных психоактивных веществ, оборот которых в Российской Федерации запрещен» [12].

Так, вышеуказанный нормативный правовой акт устанавливает, что должностные лица органов прокуратуры, Следственного комитета Российской Федерации, органов по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ,

органов внутренних дел, таможенных органов, органов федеральной службы безопасности в пределах своей компетенции передают данные о соответствующих веществах в Оперативно-разыскной департамент ФСКН России [10].

Подразделения ФСКН России устанавливают химическую структуру вещества и отсутствие санитарно-эпидемиологических требований либо мер контроля за его оборотом. [13]. Затем принимается решение (в форме распоряжения) о включении вещества в Реестр. Реестр и соответствующие решения ФСКН о включении веществ в Реестр подлежат официальному опубликованию, а также размещению (опубликованию) на официальном сайте этого органа в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет».

По действию, которое оказывают исследуемые вещества, выделяют:

а) синтетические каннабиноиды (например, «спайсы»), б) стимуляторы (воспроизводят действие кокаина, амфетаминов и MDMA, к ним относятся, например, мефедрон и т.п., получившие название «соли», так как одно время продавались под видом солей для ванн) [13, с. 19].

а) Синтетические каннабиноиды в первоначальном виде представляют собой реагент (концентрат). Этот реагент – порошок, по внешнему виду похож на обычную соду. Его разводят различными способами и наносят (опрыскивают) на «основу». Чаще всего «основа» – обычная аптечная ромашка, может использоваться мать-и-мачеха или любая аптечная трава.

Основным способом их употребления является курение [13, с. 20]. *Так, в конце октября 2015 года ФСКН России проведена широкомасштабная специальная операция «Эстонский ноктюрн» по ликвидации транснационального организованного преступного сообщества, занимавшегося поставками оптовых партий концентрата синтетических наркотиков из стран Юго-Восточной Азии в Российскую Федерацию. Из незаконного оборота изъято более 970 кг концентрата синтетических наркотиков. Среди изъятых в ходе операции веществ было обнаружено и психоактивное вещество АВ-СНМИНАКА. Из изъятого количества сырья можно было изготовить около 19 тонн курительных смесей [14].*

Представляется интересным, что по составу курительные смеси условно делятся на две группы:

1) смеси (миксы), состоящие из натуральных растений. Травы, обладающие сильнодействующим галлюциногенным действием (шалфей предсказателей, голубой лотос, гавайская роза), кустарным способом перемешиваются между собой в определенных пропорциях;

2) смеси трав, обработанные химическими веществами (синтетическими каннабиноидами) и полностью произведенные в лабораторных условиях; обычно дают больший эффект (например, обнаруженный в составе курительных смесей синтетический каннабиноид JWH 018 по воздействию в пять раз сильнее марихуаны) [15, с. 67].

б) Стимуляторы – Психостимуляторы фенилэтиламина (амфетаминового ряда) получили сленговое название «соли», так как вещество внешне похоже на кристаллы соли. В отличие от синтетических каннабиноидов оказывают стимулирующее воздействие на организм человека. Способы употребления: внутривенные инъекции, вдыхание порошка через нос, курение или перорально, растворив в жидкости, употребление в виде таблеток. *Примером этого вида является включенное в Реестр такое вещество, как 1-(1-бутил-1Н-индазол-3-ил)-2-фенилэтанон и его производные [13, с. 20].*

В частности, о действии подобных энергетических таблеток заместитель главврача Республиканского наркологического диспансера Республики Башкортостан А. Гайнуллин пояснил, что молодые люди после принятия этих средств чувствуют прилив легкость, могут сутками танцевать, ничего не есть; после наступает психическое истощение, появляется нервозность, раздражительность. Он приводит также пример с А.Гайдук, которая, впервые попробовав психотропную таблетку, спустя пару часов шагнула из окна десятого этажа [16, с. 161].

Очевидно, что общественная опасность новых потенциально опасных психоактивных веществ сопоставима с опасностью наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов.

В ст. 230 УК предусмотрена ответственность за склонение к потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов. Однако за склонение к потреблению новых потенциально опасных психоактивных веществ уголовной ответственности и, соответственно, наказания нет. Это противоречит задачам уголовного законодательства России.

Думается, что не только действия по незаконному обороту, но и склонение к потреблению вышеуказанных веществ должно быть уголовно-наказуемо. Представляется, что соответствующая норма может быть сконструирована по аналогии со ст. 230 УК РФ с выделением тех же квалифицирующих и особо квалифицирующих признаков.

В связи с этим предлагается дополнить УК РФ статьей 230.1 в следующей редакции:

«Статья 230.1 Склонение к потреблению новых потенциально опасных психоактивных веществ

1. Склонение к потреблению новых потенциально опасных психоактивных веществ – наказывается... .

2. То же деяние, совершенное:

а) группой лиц по предварительному сговору или организованной группой;

б) в отношении двух или более лиц;

в) с применением насилия или с угрозой его применения, – наказывается

3. Деяния, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, если они:

а) совершены в отношении несовершеннолетнего;

б) повлекли по неосторожности смерть потерпевшего или иные тяжкие последствия, – наказываются ... ».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года: Указ Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 г. № 537 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2009. № 20. Ст. 2444.
2. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 3 февраля 2015г. N7. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_174848/.
3. Черепанов И. Грязная формула // Особый менталитет. 2015. № 41.
4. Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник / под ред. А.В.Бриллиантова. М.: Проспект, 2015.
5. Дрожжина Е.А. Общественная безопасность как объект преступления: автореф. дис... канд. юрид. наук. М., 2015.
6. Шалагин А.Е. Уголовно-правовая охрана здоровья населения в Российской Федерации: монография / науч. ред. Ф.Р. Сундугов. М.: Юрлитинформ, 2013.
7. Уголовное право Российской Федерации. Общая и Особенная части: учебник для бакалавров/под ред. А.И. Чучаева. М.: НИЦ Инфра-М: Контракт, 2013.
8. Уголовное право Российской Федерации. Общая и Особенная части: учебник / под ред. В.И. Гладких, В.С. Курчеева. М.: НГУ, 2015.
9. Авдеев В.А., Авдеева О.А. Охрана здоровья человека: вопросы законодательной техники и правоприменения // Российский судья. 2015. № 10 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».

10. О наркотических средствах и психотропных веществах: Федеральный закон от 8 января 1998 г. N 3-ФЗ (с изменениями и дополнениями от 29.12.2015). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_17437/.
11. Официальный сайт ФСКН России. URL: <http://www.fskn.gov.ru/>.
12. Об утверждении Порядка формирования и содержании Реестра новых потенциально опасных психоактивных веществ, оборот которых в Российской Федерации запрещен: приказ ФСКН России от 18.02.2015 N 69. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_176109/.
13. Грибунов О.П., Герасимов П.А., Косенко В.Н. Психоактивные вещества синтетического происхождения как предмет преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков: некоторые аспекты противодействия их распространению // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2015. № 4.
14. Эстонский ноктюрн. – URL: http://fskn.gov.ru/includes/periodic/news_all/2015/1105/123740890/detail.shtml (дата обращения 26.01.2016).
15. Бойко О.А., Панов С.Л. Спайсовая наркомания: причины распространения и меры противодействия // Вестник Омской юридической академии. 2015. № 4.
16. Камалиева Л.Н. Опасные для жизни или здоровья потребителей «спайсы» // Актуальные проблемы экономики и права. 2013. № 2.

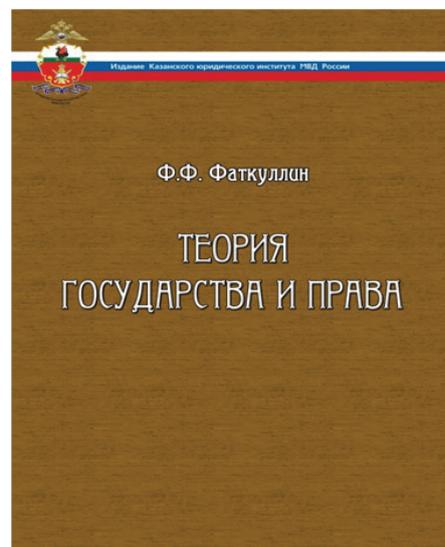
Поздравляем победителя конкурса «Университетская книга-2016»!

Фаткуллин Ф.Ф.

Теория государства и права: учебно-методическое пособие / под редакцией доктора педагогических наук, доцента Ф.К. Зиннурова. - 4-е изд., перераб. и доп. - Казань, 2015. - 578 с.

Диплома в номинации
«Лучшее издание по философским, социологическим, юридическим наукам»
удостоено на VII Сибирском межрегиональном конкурсе изданий для высших учебных заведений «Университетская книга – 2016» (в рамках Общероссийского конкурса «Университетская книга» на базе Новосибирского государственного педагогического университета (г. Новосибирск) учебно-методическое пособие «Теория государства и права» кандидата философских наук, доцента Фаткуллина Феликса Фидаиевича, начальника кафедры государственно-правовых дисциплин.

УДК 343.241

Е. С. Крылова

**ПЕРСПЕКТИВЫ ПРИМЕНЕНИЯ НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ
ЛИШЕНИЯ ПРАВА ЗАНИМАТЬ ОПРЕДЕЛЕННЫЕ
ДОЛЖНОСТИ ИЛИ ЗАНИМАТЬСЯ ОПРЕДЕЛЕННОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ С УЧЕТОМ РЕКОМЕНДАЦИЙ
ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПЛЕНУМА ВЕРХОВНОГО СУДА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ОТ 22.12.2015 № 58**

В статье дается анализ разъяснений Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22.12.2015 N 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» по применению наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, исследуются современные подходы к использованию ресурсов данного вида наказания, высказываются предложения по изменению его формулировки.

Ключевые слова: лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, наказание, назначение наказания.

Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 N 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» (далее - Постановление)[1] отменило ранее действовавшие постановления от 11 января 2007 года №2 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» и от 29 октября 2009 года № 20 «О некоторых вопросах судебной практики назначения и исполнения уголовного наказания» и постановления о внесении в них изменений [2,3]. Особенности назначения различных видов наказаний всегда вызывали достаточное количество вопросов в правоприменительной практике, в связи с этим принятие единого выверенного документа, ориентированного на разъяснение спорных ситуаций, безусловно, было своевременно и необходимо.

Должное внимание в Постановлении уделено вопросам назначения наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью. Настоящая статья посвящена анализу содержащихся в нем рекомендаций в сравнении с содержащимися в ранее действующих постановлениях Пленумов Верховного Суда. Их уяснение позволит выделить основные тенденции применения рассматриваемого вида наказания, уяснить его роль и значение на современном этапе.

В Постановлении, прежде всего, обращается внимание на смешанный характер данного вида наказания, то есть возможность его применения, как

в качестве основного, так и дополнительного, что устанавливается ч. 2 ст. 45 УК РФ и ч. 2 ст. 47 УК РФ и влияет на порядок его назначения. Также содержится упоминание о его двойственной природе, а именно возможности применения за преступления, связанные с занятием определенной должности или определенной деятельностью лица.

Новеллой является указание в п. 8 Постановления на возможность применения данного вида наказания с учетом обстоятельств совершенного преступления, например, при осуждении по ч. 5 ст. 131 УК РФ, когда деятельность осужденного связана с работой с детьми. Такая ситуация будет иметь место, если санкция статьи Особенной части УК РФ предусматривает назначение обязательного дополнительного наказания. В этом случае дополнительное наказание может назначаться и при отсутствии связи преступления с занимаемой должностью или занятием определенной деятельностью. Таким образом, в Постановлении рекомендуется в большей мере использовать потенциал рассматриваемого вида наказания, то есть применять его с учетом характера и степени общественной опасности совершенного преступления и личности виновного (ч. 3 ст. 47 УК РФ) наряду с совершением преступления с использованием занимаемой должности или занятием определенной деятельностью.

Следует согласиться с ранее имевшейся рекомендацией о возможности применения наказания в виде лишения права занимать определен-

Крылова Елена Сергеевна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права Казанского юридического института МВД России, тел. (843)5376213

© Крылова Е.С., 2016

Статья получена 29.06.2016

ные должности или заниматься определенной деятельностью к лицам, которые выполняли соответствующие служебные обязанности временно, по приказу или распоряжению вышестоящего уполномоченного лица либо к моменту постановления приговора уже не занимали должности и не занимались деятельностью, с которыми были связаны совершенные преступления. Указание на возможность применения этого наказания, наряду с карательными элементами, имеет профилактический характер, поскольку невыполнение указанных обязанностей либо деятельности в занимаемой должности в определенный момент не является гарантией того, что лицо и впредь не будет их выполнять либо не будет занимать должность или заниматься деятельностью.

С положительной стороны следует отметить установившуюся и конкретизированную в Постановлении позиции Пленума об указании в приговоре не конкретной должности, «либо категории и (или) группы должностей по соответствующему реестру должностей (например, категорию «руководители», группу «главные должности муниципальной службы»), а определенного конкретными признаками круга должностей, на который распространяется запрещение (например, должности, связанные с осуществлением функций представителя власти, организационно-распорядительных и (или) административно-хозяйственных полномочий)» [1]. Следует напомнить, что указанный подход к формулировке данного вида наказания в приговоре формировался постепенно, и если обратиться к п. 4 ППВС РФ от 11 января 2007 года № 2, в нем еще содержалось указание не то, что «конкретный вид таких должностей должен быть указан в приговоре» [2]. Начиная с ППВС РФ от 29 октября 2009 года № 20, эта позиция стала меняться в сторону обобщения формулировки наказания в виде лишения права занимать определенные должности. В п. 14 говорилось: «В приговоре должен быть указан не перечень, а определенная конкретными признаками категория должностей, на которую распространяется запрет (например, должности, связанные с осуществлением функций представителя власти либо организационно-распорядительных или административно-хозяйственных полномочий)» [3]. Следует отметить важность четкой позиции Пленума по данному вопросу, так как материалы судебной практики свидетельствуют о неоднозначном понимании судами данного вопроса.

Необходимо напомнить, что функции представителя власти и организационно-распорядительные, несмотря на различия [4], имеют и схожие элементы. В частности, они включают распоряди-

тельные полномочия: первые – в отношении лиц, не находящихся в служебной зависимости; вторые – связаны с руководством трудового коллектива государственного органа, государственного или муниципального учреждения (его структурного подразделения) или находящимися в их служебном подчинении отдельными работниками. В связи с вышесказанным можно предположить, что при указании на запрет занимать должности, связанные с осуществлением функций представителя власти, в приговор следует включать и запрет на выполнение организационно-распорядительных функций [5, с.42-44].

По мнению автора, данная позиция Пленума должна найти продолжение и в приговоре следует давать ту формулировку рассматриваемого наказания, которая дается в ч. 1 ст. 47 УК РФ, а именно с учетом его содержания, то есть «лишение права занимать должности в органах государственной власти и органах местного самоуправления». В ином случае создается ситуация, при которой осужденному запрещается занимать должности, связанные с выполнением организационно-распорядительных функций, а связанные с выполнением административно-хозяйственных разрешается; запрещено выполнять эти функции в органах государственной власти, а в органах местного самоуправления разрешено, что, безусловно, недопустимо. Кроме того, важно учесть, что в ст. 47 УК РФ речь идет не о лишении осужденного определенных функций должностного лица, а о лишении права занимать должности в органах государственной власти, органах местного самоуправления. Сужение же содержания наложение запрета на выполнение определенных функций в определенных органах государственной власти вряд ли соответствует положениям ст. 47 УК РФ. Кроме того, как показывает судебная практика, это приводит к многочисленным изменениям приговора в связи с ошибками судов по формулированию данного вида наказания.

Например, при назначении дополнительного наказания суд указал в приговоре на лишение права занимать должности на государственной службе, в связи с чем Судебная коллегия изменила приговор, исключив из него назначение дополнительного наказания, так как в нем не был указан конкретный вид таких должностей.

Пример 1. При назначении наказания в виде лишения права занимать определенные должности суд в соответствии с ч. 1 ст. 47 УК РФ в приговоре должен указать конкретный вид таких должностей.

По приговору Челябинского областного суда от 14 октября 2010 г. Т. осужден по ч. 3 ст. 33, ч. 2 ст.

228 УК РФ к 5 годам лишения свободы, по п. «в» ч. 3 ст. 286 УК РФ к 6 годам лишения свободы с лишением права занимать должности на государственной службе сроком на 3 года, с лишением специального звания «майор милиции». На основании ч. 3 ст. 69 УК РФ назначено 7 лет лишения свободы с лишением права занимать должности на государственной службе сроком на 3 года, с лишением специального звания «майор милиции».

Судебная коллегия установила, что суд, назначив дополнительное наказание в виде лишения права занимать должности на государственной службе, как за конкретное преступление, так и по совокупности преступлений, не выполнил требования ст. 47 УК РФ, согласно которой осужденный может быть лишен права занимать лишь определенные должности, из чего следует, что суд обязан конкретизировать вид таких должностей.

С учетом конкретных обстоятельств дела Судебная коллегия изменила приговор и исключила из него назначение Т. дополнительного наказания в виде лишения права занимать должности на государственной службе сроком на 3 года [6].

В следующем примере отсутствие точной формулировки дополнительного наказания в виде лишения права занимать определенные должности также привело к исключению его из приговора.

Пример 2. Что касается дополнительного наказания, то из приговора следует, что Т. назначено дополнительное наказание в виде лишения права занимать должности в полиции сроком на 2 года без указания конкретных должностей.

Вместе с тем в соответствии с ч. 1 ст. 47 УК РФ лишение права занимать определенные должности состоит в запрещении занимать должности на государственной службе, в органах местного самоуправления.

По смыслу закона, конкретный вид таких должностей должен быть указан в приговоре. При этом в приговоре должен быть указан не перечень, а определенная конкретными признаками категория должностей, на которую распространяется запрет (например, должности, связанные с осуществлением функций представителя власти либо организационно-распорядительных или административно-хозяйственных функций).

Эти требования закона по настоящему делу не выполнены. При таких условиях дополнительное наказание следует считать не назначенным, и указание на него подлежит исключению из приговора.

На основании изложенного, руководствуясь ст. 407, 408 УПК РФ, Судебная коллегия определила: приговор Тбилисского районного суда Краснодарского края от 7 ноября 2011 г., кассационное определение судебной коллегии по уголовным делам

Краснодарского краевого суда от 18 января 2012 г. и постановление президиума Краснодарского краевого суда от 16 мая 2012 г. в отношении Т. изменить: исключить указание о назначении ему дополнительного наказания в виде запрета занимать должности в полиции сроком на 2 года [7].

Пример 3. Назначая М. дополнительное наказание в виде лишения права занимать должности, связанные с осуществлением организационно-распорядительных функций, суд в нарушение требований ч. 1 ст. 47 УК РФ не указал в приговоре, в каких именно органах (государственной власти, местного самоуправления) она не может занимать должности, связанные с осуществлением организационно-распорядительных функций, и конкретный вид (категорию) таких должностей, вследствие чего данное дополнительное наказание реально не может быть исполнено. В данном случае уточнить перечень органов и должностей в них, на которые распространяется запрет, Судебная коллегия не вправе, так как на указанное нарушение кассационное представление не принесено и такое уточнение ухудшит правовое положение осужденной.

По этой причине назначение М. дополнительного наказания в виде лишения права занимать должности, связанные с осуществлением организационно-распорядительных функций, подлежит исключению из приговора.

На основании изложенного, руководствуясь ст. ст. 377, 378, 388 УПК РФ, Судебная коллегия определила: приговор Московского городского суда от 20 апреля 2012 года в отношении М. изменить: исключить указание на назначение дополнительного наказания в виде лишения права занимать должности, связанные с осуществлением организационно-распорядительных функций, сроком на 3 года [8].

Остается постоянным подход к пониманию запрета заниматься определенной профессиональной или иной деятельностью, а также рекомендации об обсуждении вопроса целесообразности применения запрета заниматься иной деятельностью в отношении лица, для которого соответствующая деятельность связана с его единственной профессией (например, деятельностью по осуществлению пассажирских перевозок).

Не вызывает сомнений новое разъяснение п. 10 Постановления о возможности применения рассматриваемого вида наказания в качестве дополнительного с учетом положений ч. 3 ст. 47 УК РФ и в том случае, если оно предусмотрено в статье Особенной части только в качестве альтернативного основного наказания. При этом, как подчеркивает Пленум, для назначения дополнительного наказания не является препятствием наличие в санкции ч. 3 ст. 160 УК

РФ дополнительного вида наказания в виде штрафа, наряду с которым может быть назначено дополнительное наказание в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью.

Также новым является разъяснение о возможности назначения дополнительного наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью в качестве дополнительного вида наказания, опять-таки с учетом положений ч. 3 ст. 47 УК РФ и в том случае, когда Уголовный закон предусматривает его только к одному из основных альтернативных видов наказаний. Таким образом, в Постановлении приводятся различные, ситуации, связанные с возможностью применения дополнительного вида наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, предусмотренные УК РФ, а именно в случае указания его в статье Особенной части в качестве основного вида или в качестве дополнительного к другому основному виду наказания, а также в случае если в санкции статьи уже предусмотрено другое дополнительное наказание.

Согласно уже высказанной позиции Пленума Верховного Суда осужденному не может одновременно назначаться лишение права занимать определенные должности и заниматься определенной деятельностью. Данное разъяснение подтверждает наличие двух видов наказаний, предусмотренных в ст. 47 УК РФ [5, с.21,22; 9,10]. В продолжение данной мысли дается пояснение, что это правило касается как основного, так и дополнительного наказания. Справедливым является замечание, что «за одно преступление указанные наказания не могут быть назначены одновременно в качестве основного и дополнительного».

Совершенно обоснованно изменился подход к назначению рассматриваемого вида наказания по совокупности преступлений и приговоров. Если раньше Пленум придерживался мнения, что по совокупности преступлений и приговоров указанное наказание не может быть назначено одновременно в качестве основного и дополнительного [3], то в Постановлении говорится, что «при назначении наказания по совокупности преступлений или приговоров допускается одновременное назначение лишения права занимать определенные должности и заниматься определенной деятельностью, если эти наказания назначены за разные преступления или по разным приговорам». Также «в таких случаях не исключается назначение лишения права занимать несколько определенных должностей и заниматься несколькими видами определенной деятельности,

если запреты касаются разных должностей или сфер деятельности».

Пункты 59-63 содержат разъяснения по порядку применения дополнительных наказаний. Следует заметить, что подобные обобщенные рекомендации отсутствовали в ранее действовавших постановлениях Пленумов Верховного Суда РФ. В п. 59 говорится о невозможности применения одного и того же наказания как в качестве основного, так и дополнительного. Применительно к наказанию в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью речь идет о применении одного из наказаний, например, лишения права занимать определенные должности в качестве основного и дополнительного вида.

Также в Постановлении дается рекомендация о необходимости указания в приговоре оснований назначения дополнительных наказаний с приведением соответствующих мотивов по статьям уголовного закона, предусматривающим возможность применения дополнительных наказаний по усмотрению суда. Далее отмечается, что если суд придет к выводу об отсутствии оснований для назначения дополнительных наказаний, то об этом достаточно указания в описательно – мотивировочной части приговора, соответственно, без указания в резолютивной его части.

Так, Президиум Верховного Суда РФ, рассмотрев уголовное дело по надзорной жалобе осужденного, изменил судебные решения в силу отсутствия обоснования применения дополнительного наказания в виде лишения права занимать определенные должности.

Пример 4. В соответствии с ч. 3 ст. 47 УК РФ суд должен мотивировать назначение дополнительного наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью в том случае, когда оно не предусмотрено соответствующей статьей Особенной части УК РФ в качестве наказания за соответствующее преступление.

Суд первой инстанции, сославшись в резолютивной части приговора на ст. 47 УК РФ, назначил осужденному дополнительное наказание в виде лишения права занимать должности на государственной службе, связанные с осуществлением функций представителя власти или с выполнением организационно-распорядительных либо административно-хозяйственных полномочий, сроком на 2 года. Однако в описательно-мотивировочной части приговора суд не мотивировал необходимость назначения этого дополнительного наказания, которое не было предусмотрено санкцией п. «в» ч. 4 ст. 290 УК РФ (в ред. ФЗ от 8 декабря 2003 г. N 162-ФЗ),

действовавшей во время совершения преступления.

В силу изложенного Президиум Верховного Суда РФ изменил приговор и кассационное определение в части осуждения по ч. 3 ст. 30, п. «б» ч. 5 ст. 290 УК РФ (в ред. ФЗ от 4 мая 2011 г. N 97-ФЗ), исключил назначение дополнительных наказаний в виде штрафа, а также в виде лишения права занимать должности на государственной службе, связанные с осуществлением функций представителя власти или с выполнением организационно-распорядительных либо административно-хозяйственных полномочий [11].

Неприменение обязательного дополнительного наказания (например, лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью к штрафу по ч. 1 ст. 290 УК РФ) возможно только при наличии условий, предусмотренных ст. 64 УК РФ, либо на основании положений Общей части УК РФ о неприменении данного вида наказания, что должно быть отражено в описательно-мотивировочной части приговора.

В п. 60 постановления говорится, что согласно ст. 69 УК РФ и п. 4 ч. 1 ст. 308 УПК РФ в резолютивной части приговора следует указывать вид и размер назначенных основного и дополнительного наказаний отдельно за каждое преступление, назначенное по совокупности, и окончательное наказание по совокупности преступлений. Дополнительное наказание не может отражаться в приговоре о назначении наказания по совокупности преступлений, если оно не назначено ни за одно из преступлений.

Если судом за различные преступления, входящие в совокупность, назначаются разные виды дополнительных наказаний (например, штраф и лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью), они с приведением соответствующих размеров и сроков должны быть указаны в приговоре и при назначении окончательного наказания по совокупности преступлений.

Также дается общее указание, что в случае если за два и более преступления, наряду с основным наказанием, назначается один и тот же вид дополнительного наказания, окончательный его срок или размер при частичном или полном сложении наказаний не может превышать максимальный срок и размер, предусмотренный для данного вида

наказания Общей частью УК РФ (ч. 4 ст. 69 УК РФ). Для дополнительного наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью этот срок не должен превышать трех лет либо двадцати лет в случаях, специально предусмотренных соответствующими статьями Особенной части УК РФ (ч. 2 ст. 47 УК РФ). Также исчисляется срок и размер дополнительного вида наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, назначаемого по совокупности приговоров.

Таким образом, наличие новых рекомендаций в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 58, прежде всего, направлено на разъяснение неостребованного в судебной практике потенциала рассматриваемого вида наказания, на учет его возможностей при применении в качестве дополнительного вида наказания, устранение противоречий в формулировании наказания в виде лишения права занимать определенные должности. В связи с обозначенной позицией Пленума Верховного Суда и в целях разрешения вопросов, возникающих в судебной практике по определению наименования наказания в виде лишения права занимать определенные должности, предлагаем второе предложение п. 9 Постановления Пленума Верховного Суда РФ N 58 изложить следующим образом: «В приговоре необходимо указывать не конкретную должность (например, глава органа местного самоуправления, старший бухгалтер) либо категорию и (или) группу должностей по соответствующему реестру должностей (например, категорию «руководители», группу «главные должности муниципальной службы»), не определенный конкретными признаками круг должностей, на который распространяется запрещение (например, должности, связанные с осуществлением функций представителя власти, организационно-распорядительных и (или) административно-хозяйственных полномочий), а излагать наименование рассматриваемого наказания в соответствии с его формулировкой в ч. 1 ст. 47 УК РФ, а именно «лишение права занимать определенные должности в органах государственной власти, местного самоуправления». Указанный подход позволит избежать разночтений, связанных с формулировкой в приговоре рассматриваемого вида наказания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания: ППВС РФ от 22.12.2015г. № 58 // БВС РФ. 2016. № 2.
2. О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания: ППВС РФ от 11 января 2007 года №2 // БВС РФ. 2007. № 3.
3. О некоторых вопросах судебной практики назначения и исполнения уголовного наказания: ППВС

РФ от 29 октября 2009 года № 20 // БВС РФ. 2009. № 12.

4. О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий: ППВС РФ от 16.10.09 г. № 19 // БВС РФ. 2009. № 12.

5. Крылова Е.С. Лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью как вид уголовного наказания. Казань: КЮИ МВД России, 2004.

6. Обзор судебной практики Верховного Суда РФ. Обзор кассационной практики Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации за первое полугодие 2011 года : определение N 48-О10-161сс // БВС РФ. 2011. № 10. С.3

7. Судебные акты по делу о покушении на получение взятки изменены: исключено указание о назначении дополнительного наказания в виде запрета занимать должности в полиции, поскольку не указаны конкретные виды должностей, на которые распространяется запрет: определение Верховного Суда РФ от 28.02.2013 N 18-Д13-11.

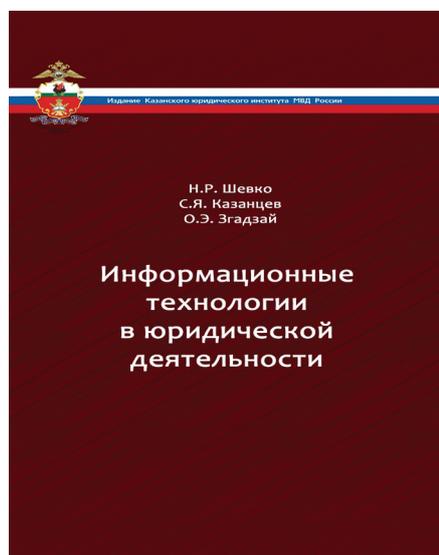
8. Приговор по делу о покушении на получение взятки изменен: исключено дополнительное наказание в виде лишения права занимать должности, смягчено назначенное наказание, так как суд не указал, в каких органах власти виновное лицо не может занимать должности, связанные с осуществлением организационно-распорядительных функций, а также учтено активное содействие в раскрытии и расследовании преступления, что является смягчающим обстоятельством : кассационное определение Верховного Суда РФ от 31.05.2012 N 5-О12-34 // БВС РФ. 2012. № 12.

9. См.: Комментарий к УК РФ (постатейный) исправлен, дополнен, переработан / под ред. А.И. Чучаева. М.:Контракт, 2013. С.261 //Доступ из СПС КонсультантПлюс.

10. Капелюшник М.С. Лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью // Российский следователь. 2006. № 12.

11. Постановление Президиума Верховного Суда Российской Федерации № 139 П 15 (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 13.04.2016) // Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации. 2016. № 1. С. 3.

ИЗДАНИЯ КАЗАНСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА МВД РОССИИ

Шевко Н.Р., Казанцев С.Я., Згадзай О.Э.

Информационные технологии в юридической деятельности: учебное пособие. – 2-е изд., перераб. и доп. – Казань, 2016. - 230 с.

В учебном пособии рассмотрены основные понятия и категории информационных технологий, применяемых в юридической деятельности.

Особое место отведено рассмотрению основ информационной безопасности и защиты информации в компьютерных системах, проблем защиты информации на персональном компьютере от потери и разрушения, несанкционированного доступа, восстановления утраченных данных, надежного удаления данных, обеспечения защиты информации в компьютерных сетях.

Адресовано курсантам и слушателям юридических вузов МВД России, обучающимся по специальности 40.03.01 Юриспруденция и 40.05.02 «Правоохранительная деятельность».

УДК 343+351.751

А. В. Курсаев

А. Ю. Терехов

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОЦЕНКА ЦЕНЗУРЫ

В статье раскрываются понятие и признаки цензуры, анализируются основания криминализации цензуры. Отмечаются случаи, при которых цензура допускается. Проводится различие между ограничением отдельных видов информации и цензурой. Обращается внимание на основания для квалификации деяний, обладающих признаками цензуры.

Ключевые слова: уголовная ответственность, квалификация преступлений, цензура.

В соответствии с частью 5 статьи 29 Конституции Российской Федерации гарантируется свобода массовой информации. Цензура запрещается.

Цензура представляет собой контроль со стороны властных структур за содержанием и распространением информации, печатной продукции, музыкальных и сценических произведений, произведений изобразительного искусства, кино- и фотопроизведений, передач радио и телевидения, веб-сайтов и порталов, частной переписки с целью ограничения либо недопущения распространения идей и сведений, признаваемых нежелательными.

По способу осуществления цензура разделяется на предварительную, которая предполагает необходимость получения разрешения на циркуляцию информации, и последующую, при которой оцениваются и принимаются запреты или ограничения в отношении уже опубликованных информационных продуктов, а также принимаются меры ответственности в отношении лиц, нарушивших требования цензурных организаций [1, с. 12].

Установленный Конституцией Российской Федерации запрет на осуществление цензуры имеет своей целью свободный и беспрепятственный поиск, получение и распространение информации.

В этой связи законодательством Российской Федерации предусмотрены нормы, устанавлива-

ющие недопустимость института цензуры в различных сферах деятельности общества.

Во-первых, это недопустимость цензуры средств массовой информации.

Статья 3 Закона Российской Федерации от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации» указывает, что цензура массовой информации, то есть требование от редакции средства массовой информации со стороны должностных лиц, государственных органов, организаций, учреждений или общественных объединений предварительно согласовывать сообщения и материалы (кроме случаев, когда должностное лицо является автором или интервьюируемым), а равно наложение запрета на распространение сообщений и материалов, их отдельных частей, - не допускается.

Во-вторых, это цензура, заключающаяся в отказе в предоставлении печатных изданий (книг, журналов, газет) и аудиовизуальной продукции (звукозаписей, микрофильмов и т.д.), доступа к музейным предметам и музейным коллекциям без специально оформленного разрешения либо изъятие из фонда свободного доступа [2, с. 13].

Соответствующие положения о недопустимости цензуры в данной области предусмотрены статьей 12 Федерального закона от 29 декабря 1994 г. № 78-ФЗ «О библиотечном деле» и статьей

Курсаев Александр Викторович, кандидат юридических наук, заместитель начальника отдела ДГСК МВД России, e-mail: kursaev@list.ru

Терехов Алексей Юрьевич, кандидат юридических наук, заместитель начальника Ростовского юридического института МВД России (по научной работе), e-mail: terekhov.au@gmail.com

© Курсаев А.В., 2016

© Терехов А.Ю., 2016

Статья получена 20.06.2016

35 Федерального закона от 26 мая 1996 г. № 54-ФЗ «О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации».

В-третьих, это цензура, заключающаяся в ограничении права переписки отдельных категорий граждан. Недопустимость такого вида цензуры вытекает из статьи 37 Закона Российской Федерации от 2 июля 1992 г. № 3185-1 «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании», статьи 20 и 21 Федерального закона от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений», части 4 статьи 15 и части 2 статьи 91 УИК РФ, абзаца второго подпункта 1 пункта 10 статьи 15 Федерального закона от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних».

Таким образом, цензура представляет собой достаточно неоднородное явление.

Соответственно, и уголовная ответственность за цензуру будет дифференцироваться в зависимости от конкретной сферы деятельности человека, где такой факт цензуры имел место.

Согласно части первой статьи 57 Закона Российской Федерации от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации» ущемление свободы массовой информации, то есть воспрепятствование в какой бы то ни было форме со стороны граждан, должностных лиц государственных органов и организаций, общественных объединений законной деятельности учредителей, редакций, издателей и распространителей продукции средства массовой информации, а также журналистов, в том числе посредством осуществления цензуры, влечет уголовную ответственность.

Как правильно отмечает С. М. Казанцев, указанная правовая норма не допускает не только предварительную, но и последующую, карательную цензуру [3, с. 411].

Законодателем данное положение реализовано путем закрепления в статье 144 УК РФ ответственности за воспрепятствование законной профессиональной деятельности журналистов путем принуждения их к распространению либо к отказу от распространения информации [4, с. 80 – 93; 5, с. 89 – 93; 8].

От всех иных видов уголовной ответственности за цензуру данная норма отличается, в первую очередь, признаками потерпевшего – им является журналист.

При этом цензура является лишь одной из форм воспрепятствования деятельности журналиста, которая может реализовываться также и путем нарушения права редакции на запрос и получение информации, незаконного изъятия, уничтожения

тиража или его части, принуждения журналиста к распространению или отказу от распространения информации (статья 57 Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации»).

Однако законодатель в данном случае установил ответственность не за всякую цензуру, а только за ту цензуру, которая реализуется путем принуждения к распространению либо к отказу от распространения информации.

В литературе к способам принуждения относят: физическое и психическое воздействие на журналиста, его близких, администрацию средств массовой информации, в том числе путем физического насилия [6, с. 605], шантаж [7, с. 195], обещания продвижения по службе [8, с. 336], угрозы [9, с. 432].

Так, приговором Горно-Алтайского городского суда по части 2 статьи 144 УК РФ был осужден к 10 месяцам лишения свободы условно с испытательным сроком 1 год и лишению права занимать государственные должности в течение 1 года председатель комитета по информационной политике Правительства Республики Алтай А.Кудашев, который требовал от главных редакторов газет «Звезда Алтая» и «Алтайдын Чолмоны» публиковать только положительные материалы о работе органов власти республики и умалчивать о деятельности ряда депутатов [10].

В связи с этим все иные действия, которые не охватываются понятием принуждения, преступным по смыслу статьи 144 УК РФ не являются.

Так, В. И. Курилов и Н. Г. Иванов правильно отмечают, что так называемое имплицитное (неявное), косвенное принуждение посредством, например, дачи советов, не образует признаков объективной стороны преступления, предусмотренного статьей 144 УК РФ, и уголовной ответственности не влечет [6, с. 605].

Во втором и третьем виде цензуры (отказ в доступе к библиотечным и музейным фондам и ограничении права переписки отдельных категорий граждан) действия соответствующих лиц, обладающих статусом должностного лица, могут быть квалифицированы по статье 285 (злоупотребление должностными полномочиями) и 286 (превышение должностных полномочий) УК РФ.

Ответственность в данном случае наступает при наличии установленных УК РФ условий – наличие корыстной или иной личной заинтересованности и существенного нарушения прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства (статья 285) либо только существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства (статья 286).

Обязательным условием привлечения к уголовной ответственности является и наличие специального субъекта, являющегося должностным лицом.

Кроме того, цензура может иметь форму отказа в предоставлении гражданину информации или сокрытия информации об обстоятельствах, создающих опасность для жизни или здоровья людей. Ответственность за данные деяния установлена статьями 140 и 237 УК РФ соответственно.

При этом если для привлечения к уголовной ответственности по статье 140 УК РФ необходимо причинение вреда правам и законным интересам граждан [7, с. 166], то преступление, предусмотренное статьей 237 УК РФ, считается оконченным в момент сокрытия или искажения информации. Момент сокрытия в таком случае определяется наступлением реальной возможности у лица направить (предоставить) информацию надлежащему и нуждающемуся в ней адресату или для всеобщего сведения. Момент же искажения информации определяется датой предоставления искаженной информации адресату или неопределенному кругу лиц [9, с. 714].

Таким образом, уголовная ответственность за цензуру предусмотрена различными нормами УК РФ.

Квалификация содеянного в данном случае определяется конкретными признаками состава преступления, совершенного виновным.

Необходимым условием для привлечения к уголовной ответственности за цензуру является наступление предусмотренных УК РФ последствий.

В случае их отсутствия виновное лицо может быть привлечено к иным видам юридической ответственности (административной, дисциплинарной, гражданско-правовой).

Единственное исключение из этого правила – это предусмотренная статьей 237 УК РФ ответственность за сокрытие информации об обстоятельствах, создающих опасность для жизни или здоровья людей. Указанное обстоятельство, как отмечает О.Л. Дубовик, основано, по всей видимости, на печальном опыте, когда сокрытие в течение нескольких дней факта аварии на Чернобыльской АЭС, затем – масштабов аварии привело к причинению вреда здоровью многих людей, которые из-за незнания не приняли элементарных мер предосторожности, попали под прямое воздействие радиационного излучения, употребляли воду и продукты с высоким содержанием радиоактивных осадков [9, с. 714]. Отдаленные последствия этого проявляются и теперь.

В то же время ответственность по статье 237 УК РФ наступает только в случае сокрытия или искажения информации о событиях, фактах или

явлениях, создающих опасность для жизни или здоровья людей либо для окружающей среды.

Таким образом, данное преступление можно отнести к составам поставления в опасность (деликтам создания опасности) [11; 12, с. 64 – 81; 13; 14, с. 23 – 27].

При этом статья 237 УК РФ относится к составам конкретной опасности, в которых уголовная ответственность может наступить за указанные в законе действия (бездействие) только в том случае, если они в конкретных условиях могли повлечь наступление вредных последствий [15, с. 68, 73, 76; 13, с. 21].

Создание такой опасности наступления вреда в литературе [16, с. 179; 17, с. 57, 60] иногда рассматривается как самостоятельное общественно опасное последствие преступления. Исходя из этого, такие преступления даже предлагается относить [18, с. 71] (что, с нашей точки зрения, не верно) к материальным составам.

Таким образом, и ответственность по статье 237 УК РФ также не обусловлена наличием только одного деяния. Необходимо, чтобы такое деяние поставило под угрозу охраняемые уголовным законом отношения.

Следует согласиться с мнением С. В. Проценко, что в составах поставления в опасность угроза общественным отношениям столь же конкретна, как и в материальных составах. Разница же заключается в том в том, что «в материальных составах последствия наступают, поскольку никто и ничто этому не помешало, а при поставлении в опасность они не наступили, поскольку конкретные лица и обстоятельства этому помешали» [14, с. 25]. Аналогичный вывод следует распространить и на формальные составы, так как преступлений, не причинивших вреда, не бывает.

В этой связи составы поставления в опасность в чем-то схожи с покушением на преступление, так как в обоих случаях общественно опасные последствия отсутствуют.

Различие между ними проявляется в том, что при покушении имеется умышленная форма вины, а при поставлении в опасность вина может характеризоваться и неосторожностью [19, с. 224]. В качестве примера можно привести статьи 215, 217, часть 2 статьи 225 УК РФ.

Цензура, кроме отрицательных последствий, может выступать и в качестве меры обеспечения информационной безопасности, имея, таким образом, и положительное содержание [20; 2, с. 21; 21; 22, с. 28].

В этой связи требование о запрете цензуры не является абсолютным.

В соответствии с частью 1 статьи 56 Конституции

Российской Федерации в условиях чрезвычайного положения для обеспечения безопасности граждан и защиты конституционного строя в соответствии с федеральным конституционным законом могут устанавливаться отдельные ограничения прав и свобод с указанием пределов и срока их действия.

Ограничение свободы печати и других средств массовой информации, включая введение предварительной цензуры, допускается в условиях чрезвычайного и военного положения, что непосредственно предусмотрено пунктом «б» статьи 12 Федерального конституционного закона от 30 мая 2001 г. № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении» и подпунктом 14 пункта 2 статьи 7 Федерального конституционного закона от 30 января 2002 г. № 1-ФКЗ «О военном положении»).

Цензуре подлежат также корреспонденция подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений и осужденных (статья 20 Федерального закона от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» и статья 91 УИК РФ).

Цензуре в данном случае подлежит переписка лиц, нарушивших закон. Такая цензура, как отмечает В. Д. Харитонов, выступает в качестве метода борьбы со злоупотреблениями и имеет своей целью недопущение совершения различных правонарушений, включая преступления, а также вовлечение в их совершение иных лиц [23, с. 43 – 44].

Кроме того, существует и так называемая «возрастная цензура», направленная на предотвращение контакта детей и лиц, не достигших совершеннолетия, с материалами, способными отрицательно повлиять на их психику и в перспективе привести к неадекватному и антисоциальному поведению с их стороны [1, с. 13].

В частности, статьей 37 Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации» установлены ограничения на распространение эротических изданий. Более того, УК РФ в статьях 242 – 242.2 устанавливает ответственность за изготовление и оборот материалов или предметов с порнографическими изображениями. Данные действия к цензуре отнести нельзя.

Действия, связанные с оборотом информации, подлежащей цензуре, УК РФ не криминализованы, что вытекает из положения Конституции Российской Федерации о запрете цензуры.

Между тем дореволюционным уголовным законодательством предусматривалась уголовная ответственность за проступки печати, в число которых входили «печатание без просмотра цензуры, открытие и содержание тайной типографии, литографий и металлографии, хранение и продажа книг, запрещенных цензурой». Ответственность за подобные деяния устанавливалась согласно Уложению о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., Акту 6 апреля 1865 г., Уголовному уложению 1903 г. через денежные взыскания, арест и тюремное заключение [24, с. 26].

Таким образом, уголовно-правовое регулирование, реализуемое в нормах УК РФ, направлено на обеспечение свободного доступа к информации и предусматривает наступление в соответствующих случаях ответственности за цензуру в различных ее формах.

В то же время право на доступ к информации не является абсолютным и может быть ограничено в общественных интересах или интересах других лиц, что также подкрепляется соответствующими уголовно-правовыми запретами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Марцоха И.Е. Институт цензуры в информационной правовой политике России: автореф. дис. ... канд юрид. наук. Ростов-на/Дону, 2007.
2. Куликова С.А. Теоретико-методологические подходы к правовому понятию цензуры // Конституционное и муниципальное право. 2012. № 7.
3. Комментарий к Конституции Российской Федерации (постатейный) / под ред. В.Д. Зорькина. М., 2011.
4. Грошиков К.К. Социально значимая информация и ее уголовно-правовая охрана. М., 2011.
5. Климанов А.М., Пешков Д.В., Розовская Т.И. Преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина: научно-практическое пособие. М., 2015.
6. Полный курс уголовного права / под ред. А.И. Коробеева. Т. II. Преступления против личности. СПб., 2008.
7. Особенная часть Уголовного кодекса Российской Федерации: комментарий, судебная практика, статистика / под общ. ред. В.М. Лебедева, отв. ред. А.В. Галахова. М., 2009.
8. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под общ. ред. Н.Г. Кадникова. М., 2004.
9. Учебный комментарий к уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. А.Э. Жалинский. М., 2005.

10. Пушкарева А. И снова будет слово // Российская газета. 2006. 29 сент.
11. Баймакова Н.И. Деликты создания опасности // Российская юстиция. 2009. № 2.
12. Ляпунов Ю.И. Природа преступных последствий в деликтах создания опасности // Сибирские юридические записки. Вып. IV. Иркутск; Омск, 1974.
13. Нерсесян В. Проблемы уголовной ответственности за неосторожные преступления в составах «повреждения в опасность» // Уголовное право. 2000. № 4.
14. Проценко С.В. О законодательной конструкции объективной стороны преступления в составах «повреждения в опасность» // Российский следователь. 2014. № 10.
15. Кузнецова Н.Ф. Избранные труды / предисл. академика В.Н. Кудрявцева. СПб., 2003.
16. Кузнецова Н.Ф. Проблемы квалификации преступлений: лекции по спецкурсу «Основы квалификации преступлений» / науч. ред. и предисл. академика В.Н. Кудрявцева. М., 2007.
17. Церетели Т.В. Деликты создания опасности // Советское государство и право. 1970. № 8.
18. Угрехелидзе М.Г. Проблемы неосторожной вины в уголовном праве. Тбилиси, 1976.
19. Совершенствование мер борьбы с преступностью в условиях научно-технического прогресса. М., 1980.
20. Горбачев И.Г., Печников В.Н. Институт цензуры в Российском законодательстве XVI – XIX веков: историко-правовое исследование. Казань, 2004.
21. Медведев В.В. К истокам отечественной цензуры // Право и политика. 2005. № 5.
22. Трофимов М.С. Конституционный запрет цензуры и свобода массовой информации // Информационное право. 2010. № 1.
23. Харитонов В.Д. Цензура в Российской Федерации // Юридический мир. 2011. № 6.
24. Бурлакова Р.И. Правовое регулирование цензуры печати в России в XVIII – начале XX века: автореф. дис. ... канд юрид. наук. М., 2004.

Е. А. Тимофеева

М. А. Яворский

ПРОБЛЕМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКСТРЕМИЗМУ И РЕЛИГИОЗНОМУ РАДИКАЛИЗМУ В ПЕНИТЕНЦИАРНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Авторами проведен анализ зарубежных открытых источников, научных исследований по вопросам противодействия радикализации заключенных в тюрьмах зарубежных стран. В представленной статье обобщены причины распространения радикальных идеологий в пенитенциарной среде, дается краткая характеристика программ дерадикализации заключенных в тюрьмах за рубежом.

Ключевые слова: экстремизм, распространение радикальных идей, дерадикализация тюрем, программы реабилитации заключенных.

Исследование комплекса проблем распространения радикальных идеологий в пенитенциарных учреждениях зарубежных стран является одним из наиболее востребованных направлений современной пенитенциаристики.

Радикализм – крайняя, бескомпромиссная приверженность каким-либо взглядам, концепциям. Чаще всего употребляется в отношении идей и действий в социально-политической сфере, (лат. *radix* – корень) – социально-политические идеи и действия, направленные на решительное изменение существующих институтов, заметно проявляющиеся в кризисные, переходные исторические периоды. Этим термином обозначается стремление доводить политическое или иное мнение до его конечных логических и практических выводов, не идя ни на какие компромиссы [1].

Важную роль в процессе преодоления распространения радикализма в современном мире могут сыграть научные исследования ученых-пенитенциаристов зарубежных стран, в том числе малоизвестных в России.

В данной статье нами будет предпринята по-

пытка анализа не переведенной на русский язык современной зарубежной научной литературы, посвященной проблемам радикализации тюрем в зарубежных странах, причинам распространения в пенитенциарных учреждениях радикальных религиозных течений, экстремистских идеологий ультраправого и ультралевого толков, а также существующим программам дерадикализации заключенных в тюрьмах разных стран.

Анализ исследований современных зарубежных авторов по проблемам радикализации тюрем позволил выделить два основных направления:

– первое посвящено процессам исламской радикализации заключенных в тюрьмах различных стран мира,

– второе – расовому, националистическому экстремизму и деятельности право- и леворадикальных группировок в местах изоляции от общества.

В исследованиях первого выделенного нами направления, посвященного *идеологии радикального ислама в пенитенциарных учреждениях*, поднимаются следующие проблемные вопросы:

– о роли тюрем в радикализации общества (на

Тимофеева Елена Александровна, доктор педагогических наук, доцент, заместитель начальника Самарского юридического института ФСИН России (по научной работе), e-mail: anna0474@mail.ru

Яворский Максим Александрович, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Самарского юридического института ФСИН России, e-mail: yavorm@mail.ru

© Тимофеева Е. А., 2016

© Яворский М.А., 2016

Статья получена 10.05.2016

примере 15 стран мира (Алжира, Египта, Пакистана, Израиля, Сингапура, Нидерландов, Филиппин, Индонезии, Афганистана, Франции и др.) [2];

– о проблемах и рисках, связанных с радикализацией осужденных (в том числе мусульман) в тюрьмах США, Великобритании, Франции, Испании, Нидерландов и Австралии [3; 4; 5; 6];

– о подрывной деятельности заключенных по обвинению в терроризме в тюрьмах Великобритании [7];

– о способах вербовки в ряды радикальных мусульман в тюрьмах США [8; 9; 10; 11; 12]; террористических организаций на примере Великобритании, Испании и ряда других государств [13];

– о роли Интернета как метода вербовки и подстрекательства к терроризму, а также причин радикализации заключенных в тюрьмах Европы [14];

– об особенностях радикального ислама, деятельности исламских фундаменталистов в тюрьмах Италии [15], о росте радикального «мусульманского населения» тюрем Франции [16] и т.д.

В исследованиях второго направления, посвященных анализу *националистических, ксенофобских, расистских взглядов в тюрьмах*, в качестве ключевых вопросов можно выделить:

– рассмотрение процессов формирования в тюрьмах ультраправых расистских группировок (радикальные идеологии неонацизма, насильственного марксизма и сепаратизма) [17];

– расового и националистического экстремизма, деятельность радикальных группировок правого толка в тюрьмах Техаса («Арийское братство») [18], экстремистской организации, связанной с насилием на почве расовой и национальной нетерпимости в тюрьмах Южной Калифорнии («Нацистские бунтари») (США) [19; 20; 21; 22];

– угрозы исправительной системе Канады со стороны радикальной сепаратистской организации («Фронт освобождения Квебека»), группировок неонацистов, радикальных борцов за права животных и эко-террористов [23];

– процесс организации поддержки заключенных крайне левыми террористическими группировками в тюрьмах стран Европы [24];

– деятельность неонацистских ячеек в тюрьмах Германии [25], организацию и финансовую помощь осужденным неонацистам и их родственникам, особенности рекрутирования новых сторонников в «Национал-социалистическое подполье», сетевых групп в ИУ Германии [26];

– проблему влияния лишения свободы на несовершеннолетних в Германии, совершивших преступления на почве ненависти и вражды: национализма и антисемитизма [27];

– закономерности проявлений расизма и пра-

вого экстремизма в среде заключенных стран Скандинавии [28];

– особенности связи организованной преступности с неонацистскими группировками, пропаганды радикальных идей среди заключенных в ИУ Швеции активистами тюремной организации неонацистов [29].

Независимые зарубежные исследователи сходятся во мнении, что распространение экстремистских идей среди заключенных в тюрьмах в западных странах приобрели угрожающие масштабы.

Проанализировав причины распространения в пенитенциарных учреждениях радикальных религиозных течений, экстремистских идеологий ультраправого и ультралевого толков, обозначенные в указанных выше научных работах, особо следует выделить следующие факторы, способствующие радикализации тюрем:

– значительное увеличение числа осужденных определенной социальной идентичности (религиозной, политической, расовой, национальной и др.), которые становятся потенциальными сторонниками радикальных идеологий;

– систематические пытки и унижения осужденных в местах заключения;

– свободу пропаганды экстремистских идей в тюрьмах;

– повышение привлекательности радикальных идеологий за счет их идеализации, популяризации простоты и доступности;

– дефицит в тюремных учреждениях «специалистов по вопросам идеологического воспитания» (официальных духовных наставников, священнослужителей, психологов, социальных педагогов и др.);

– недостаточный уровень специальной подготовки персонала тюремных учреждений, направленной на выявление членов радикальных сообществ;

– нарушение в пенитенциарных учреждениях прав одних социальных групп заключенных и незаконное предоставление преимуществ представителям других;

– неэффективную организацию активного досуга и полезной трудовой занятости заключенных;

– переполненность тюрем и возможность свободного общения заключенных друг с другом;

– низкий уровень образования и правосознания заключенных;

– обращение заключенных в радикальную идеологию посредством физического и психического насилия;

– сходство мировоззренческих установок радикальных идеологий с «понятиями» и традициями тюремного сообщества;

– открытое одобрение экстремистскими группировками совершения преступлений против членов других социальных групп;

– оказание заключенным материальной помощи, предоставление физической защиты, их идеологическое «сопровождение» радикальными группировками;

– отсутствие общепризнанных национальных и международных критериев радикализации заключенных и экстремизации тюрем;

– отсутствие эффективных национальных и межгосударственных мер информационного противодействия экстремизму в пенитенциарных учреждениях.

Преодолению данных факторов способствуют программы дерадикализации заключенных, разрабатываемые и осуществляемые тюремными системами разных государств. Проблемы, которые в связи с этим возникают, были озвучены в Сиднейском меморандуме, подготовленном по итогам деятельности Рабочей группы по развитию потенциала руководства тюрем в Юго-Восточной Азии (г. Сидней, ноябрь 2012 г.), объединившей представителей стран не только этого региона, но и Ближнего Востока, Европы, а также США.

В меморандуме были выделены внутренние и внешние причины проблем, с которыми сталкиваются официальные лица в процессе дерадикализации заключенных.

Внутренние включают такие ключевые проблемы, как переполнение тюрем; совместное содержание экстремистов с другими заключенными, превышение полномочий тюремным персоналом и коррупция; неспособность обеспечить безопасность тюремного персонала и их семей; отсутствие соответствующей подготовки персонала; неразработанность критериев эффективности программ дерадикализации; сопротивление заключенных вовлечению и участию в программах исправления.

К *внешним* причинам были отнесены: нежелание общественности принимать участие в программах дерадикализации заключенных и недоверие к органам власти, отсутствие решимости и постоянное политическое вмешательство в программы перевоспитания заключенных, крайне негативное освещение в СМИ.

При анализе осуществления одной из наиболее эффективных мер противодействия распространению в местах лишения свободы радикальных идей – изоляции осужденных-экстремистов в тюрьмах – нами было выделено два преобладающих подхода:

1) ужесточение условий содержания заключенных-экстремистов в рамках действующих тюремных учреждений (создание в тюрьмах изолированных участков, зон, перевод осужденных в

одиночные камеры, различные режимы содержания осужденных);

2) помещение заключенных в специальные пенитенциарные учреждения для экстремистов.

Осуществив сравнительный анализ программ дерадикализации заключенных в тюрьмах разных стран, мы можем констатировать, что наиболее эффективным методом является изъятие радикальных исламистов из террористической среды. С точки зрения большинства исследователей, осуществление эффективного надзора, использование независимых священнослужителей и включение семьи в процесс перевоспитания заключенных, оказание им медицинской помощи после освобождения, финансовые стимулы и индивидуальный подход являются залогом успеха в дерадикализации осужденных [30].

Так, программа дерадикализации заключенных в тюрьмах Египта, например, основана на коллективном подходе, ориентирована не на отдельных лиц, а на террористические группы.

Программа Ирландии сочетает в себе оба подхода: с заключенными проводят групповую работу, но концентрируют свои усилия на отдельных боевиках. В исправительных учреждениях Северной Ирландии особое внимание обращают на образование и профессиональную подготовку бывших экстремистов, оказание помощи членам их семей. К исправительному процессу широко привлекаются общественные организации, активистами которых, в том числе, являются бывшие осужденные за преступления террористического характера, вставшие на путь исправления.

В Германии успешно реализуется программа, направленная на дерадикализацию и ресоциализацию неонацистов и исламистов («Exit Deutschland»). Несмотря на эффективность (рецидив составляет всего около 3%), она имеет недостаточную поддержку федерального правительства и реализуется в основном за счет энтузиазма специалистов [31].

Программа перевоспитания экстремистов в Колумбии содержит поощрительные меры денежной помощи, содействие в поиске работы и приобретении бывшими заключенными профессиональных навыков.

В ряде тюремных учреждений Индонезии, где в последние годы отмечают рост числа сторонников «Аль-Каиды», «Исламского государства», «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами», «Джемаа Исламия» и других террористических организаций, акцент сделан на психологических тренингах, направленных на отказ заключенных от идеологии экстремизма; на совершенствование профессиональных навыков осужденных в период их содержания в тюрьмах; практикуется финансовая под-

держка бывших террористов и членов их семей; государство покрывает транспортные расходы для семей, стремящихся посетить в заключении близких, обеспечивает их жильем по прибытии. Все эти меры осуществляются в дополнение к достаточно частым амнистиям и доступу к дистанционному образованию. Исправительная система Индонезии не имеет общегосударственной стратегии дерадикализации заключенных, а программа реабилитации радикальных исламистов в тюрьмах данной страны ориентирована в первую очередь на работу с «высокопоставленными» боевиками, имеющими большее влияние на членов экстремистских группировок.

В Йемене бывшим осужденным террористам по завершении программы реабилитации предлагается пройти профессиональное обучение с последующим трудоустройством.

Эффективная программа дерадикализации заключенных в Саудовской Аравии, где построены специальные реабилитационные центры, предлагает широкую социальную поддержку заключенным и их семьям; отказавшимся от своих экстремистских взглядов оказывает помощь в поиске работы, предлагает комплекс образовательных и медицинских услуг. Заключенные переводятся в пенитенциарные учреждения ближе к своим семьям, что позволяет включить членов семьи в реабилитационный процесс, ускорить реинтеграцию заключенных в общество [32]. Программа дерадикализации осужденных в этой стране делает акцент на психологической оценке и психосоциальном обслуживании ее участников [33]. Подобного рода программы внедряются и в Ираке.

Заслуживают внимания программы дерадикализации заключенных в тюрьмах Пакистана, который стал центром для подготовки исламистских радикальных групп [34]. Основные программы дерадикализации реализуются в центрах реабилитации и включают в себя коррекционное религиозное образование, профессиональную подготовку, психологическое консультирование и т.п. Процесс дерадикализации длится от шести месяцев до года. Усилия Пакистана на сегодняшний день сосредоточены на рядовых боевиках или на экстремистах среднего звена.

Обобщая вышесказанное, отметим, что услов-

но современные программы коррекции можно подразделить на две группы: индивидуальные и коллективные. Индивидуально-конкретные программы успешно реализуются в Пакистане, Великобритании, Йемене, Саудовской Аравии, Сингапуре, Индонезии, Малайзии и в других странах. Конечной целью программ является реинтеграция бывших экстремистов, террористов и т.д. в гражданское общество.

Будучи ограниченными рамками статьи, подводя итоги, отметим общие для большинства программ дерадикализации методы работы с заключенными-экстремистами в пенитенциарных заведениях зарубежных стран:

1. Религиозная реабилитация и идеологическое просвещение как центральный элемент программы реабилитации. Большинство стран внедрило программы религиозной реабилитации для делегитимизации насилия, недопущения неверного толкования религиозных текстов и популяризации умеренного ислама.

2. Помощь в получении образования. Реабилитационные программы содержат курсы светского образования и получения современных навыков, востребованных на рынке труда.

3. Активное вовлечение семей заключенных в программу дерадикализации (ведущей страной в этом направлении является Саудовская Аравия).

4. Широкое участие институтов гражданского общества (общественных деятелей, представителей правозащитных организаций и т.д.).

5. Постпенитенциарная ресоциализация (патронаж) и мониторинг. Во многих странах бывшим осужденным за экстремизм оказывают помощь в трудоустройстве, осуществляют психологическое «сопровождение».

6. Физическое и культурное воспитание. Помимо физического воспитания, в ряде стран программы перевоспитания заключенных-экстремистов включают культурный компонент: проводятся занятия по искусству, для того чтобы заключенные могли выражать свои эмоции и идеи через творчество.

7. Улучшение условий содержания заключенных, обеспечение их прав и свобод.

8. Обучение сотрудников и переподготовка персонала тюрем к работе с заключенными-экстремистами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энциклопедический словарь. М.: Изд-во «Русское слово», 1996. 5547с.
2. Neumann P. R. Prisons and terrorism radicalisation and de-radicalisation in 15 countries. London, England: ICSR, King's College London. Noricks, D. M. E. 2010.
3. Patrick T. Dunleavy. The Fertile Soil of Jihad: Terrorisms Prison Connection. Washington, DC: Potomac Books, 2011. 160 p.
4. Susan Van Baalen. Islam in American Prisons // The Oxford Handbook of American Islam Edited by Yvonne

- Y. Haddad and Jane I. Smith. Oxford University Press, 2014.
5. Ilardi J. Prison radicalisation: The devil is in the detail. Paper presented at the ARC Linkage Project on Radicalisation-Conference, Understanding Terrorism from an Australian Perspective: Radicalisation, De&Radicalisation and Counter Radicalisation, Monash University, Australia. Retrieved from Prison radicalisation – the devil is in the detail. Peer-reviewed paper from ARC Linkage Project on Radicalisation Conference 2010.
6. Rappaport Aaron J., Veldhuis Tinka M., Guiora Amos N. Homeland Security and the Inmate Population: The Risk and Reality of Islamic Radicalization in Prison. 2012. 2 October.
7. Raffaello Pantucci. Britains Prison Dilemma: Issues and Concerns in Islamic Radicalization// Jamestown Terrorism Monitor. 2008. 24 March.
8. Dennis A. Ballas. Prisoner Radicalization // FBI Law Enforcement Bulletin. 2010. October [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://leb.fbi.gov/2010/october/prisoner-radicalization> (дата обращения: 21.12.2015).
9. Goldman B. Radicalization in American Prisons [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.thepicaproject.org/wp-content/uploads/2010/02/Radicalization-in-American-Prisons.pdf> (дата обращения: 21.12.2015).
10. Melissa Jane Kronfeld. Prislam: The Recruitment and Radicalization of Terrorist Operatives in the Prison System and the Threat to the American Homeland. 2011.March 10.
11. Ian M. Cuthbertson. Prisons and the Education of Terrorists// World Policy Journal, Vol. 21, No. 3, Fall 2004, pp.18–19.
12. Hamm M.S. Prisoner Radicalization Assessing the Threat in U.S. Correctional Institutions // NIJ Journal No 261, National Institute of Justice, U.S. Dept. of Justice, Washington D.C., 2008.
13. Jeswal R. Radicalization in Prisons [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.dsalert.org/int-experts-opinion/homeland-security/446-radicalization-in-prisons> (дата обращения: 21.12.2015).
14. Ginkel B. van Incitement to Terrorism: A Matter of Prevention or Repression? // The International Centre for Counter-Terrorism. 2011. The Hague 2, no. 6.
15. Björkman C. Salafi-Jihadi terrorism in Italy // Understanding Violent Radicalisation. Terrorist and Jihadist Movement in Europe / ed. by Magnus Ranstorp. London; N. Y., 2010. 245 p.
16. Pascale Combelles Siegel Radical Islam and the French Muslim prison population// The Jamestown Foundation Terrorism Monitor. 2006. July 28.
17. Hannah G., Clutterbuck L., Rubin J. Radicalization or Rehabilitation: Understanding the Challenge of Extremist and Radicalized Prisoners. Santa Monica: RAND, 2008. P. 17–28.
18. Brook J.L. Blood In Blood Out// The Violent Empire of the Aryan Brotherhood Paperback, 2011. June 15.
19. Nazi Low Riders Emerge in California [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.adl.org/assets/pdf/combating-hate/NAZI-LOW-RIDERS.pdf> (дата обращения: 01.11.2015).
20. Ferranti S. Gorilla Convict// The Prison Writings of Seth Ferranti Paperback, 2013. January 1. 280 p.
21. Jackson C. Nazi Low Riders Boast Over 1,000 Members, Most in Prison // Southern Poverty Law Center [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.splcenter.org/fighting-hate/intelligence-report/2004/nazi-low-riders-boast-over-1000-members-most-prison> (дата обращения: 11.01.2016).
22. Devito C. The Encyclopedia Of International Organized Crime. Facts on File, 2005. 386 p.
23. Skillicorn D.B., Leuprecht C., Stys Y. & Gobeil R. Structural differences of violent extremist offenders in correctional settings // Global Crime. 2015 [Электронный ресурс].
– Режим доступа: <http://dx.doi.org/10.1080/17440572.2015.1052224> (дата обращения: 11.01.2015).
24. Mareš M. Extreme Left Terrorism in Contemporary Europe // Central European Political Studies Review. Volume IX, Part 4.
25. Manuskript. Beitrag: Nazi-Netzwerke – Stille Post aus dem Knast. Sendung vom 14. Mai 2013 von Anton Maegerle, Andreas Postel und Uli Stoll [Электронный ресурс].Режим доступа: www.zdf.de/ZDF/zdfportal/blob/40818042/1/data.pdf (дата обращения: 21.01.2016).
26. Frindte W., Geschke D., Haußecker N., Schmidtke F. Rechtsextremismus und «Nationalsozialistischer Untergrund. Interdisziplinäre Debatten, Befunde und Bilanzen»// Springer VS. 2015. 487 s.
27. Figen Ö. Hasskriminalität. Auswirkungen von Haftserfahrungen auf fremdenfeindliche jugendliche Gewalttäter// Forschung Aktuell – Research in Brief Max-Planck-Institut für ausländisches und internationales Strafrecht (ed.), Freiburg. 2008. (Nr. 40)/
28. Bjørge T. Racist and Right-Wing Violence in Scandinavia: Patterns, Perpetrators and Responses. Oslo: Tano Aschehoug, 1997.
29. Westin C. Neo-Nazism in a Welfare State: The Example of Sweden // Journal of Conflict and Violence

Research. 2000. Volume 2.

30. Jones M. Rehabilitating Islamist Extremists: Successful Methods in Prison-Centred «De-radicalisation» Programmes [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.polis.leeds.ac.uk/about/journal/polis-journal-winter-2013> (дата обращения: 11.01.2016).

31. EXIT-Deutschland [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.exit-deutschland.de> (дата обращения: 01.02.2016).

32. Vakrania S. Counter and de-radicalisation with returning foreign fighters. 2014. August [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.gsdrc.org/publications/counter-and-de-radicalisation-with-returning-foreign-fighters> (дата обращения: 1.02.2016).

33. Plasse S. Peut-on déradicaliser les djihadistes? [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.slate.fr/story/73489/rehabilitation-djihad> (дата обращения: 21.01.2015).

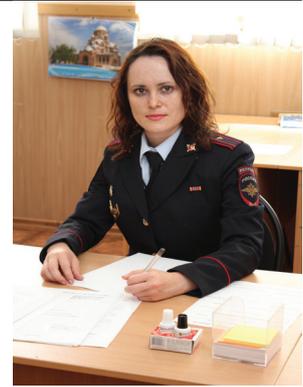
34. Adam Khan S. Deradicalization Programming in Pakistan // United States Institute of Peace [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.usip.org/sites/default/files/PB193-Deradicalization-Programming-in-Pakistan.pdf> (дата обращения: 21.01.2016).

УДК 343.931

Э. Д. Шайдуллина

**ЛИЧНОСТЬ ПРЕСТУПНИКА,
ОСУЩЕСТВЛЯЮЩЕГО ПРОИЗВОДСТВО И ОБОРОТ
НЕМАРКИРОВАННЫХ ТОВАРОВ И ПРОДУКЦИИ**

В настоящей статье определены социально-демографические, нравственно-психологические характеристики и уголовно-правовые факторы, влияющие на личность преступника, осуществляющего производство и оборот немаркированных товаров и продукции.

Ключевые слова: немаркированные товары и продукция, личность преступника, незаконные производство и оборот, Уголовный кодекс Российской Федерации.

В соответствии с действующим законодательством производимые и реализуемые на территории Российской Федерации алкогольная продукция подлежит обязательной маркировке специальными и акцизными марками [1]. Кроме того, табачная продукция, производимая и предназначенная для реализации на территории России, подлежит обязательной маркировке специальными марками для маркировки табачной продукции установленного образца [2].

Невыполнение указанных требований влечет за собой привлечение виновных лиц к административной либо уголовной ответственности. Уголовная ответственность за производство, приобретение, хранение, перевозку или сбыт товаров и продукции без маркировки предусмотрена статьей 171 Уголовного кодекса Российской Федерации. Помимо этого в случае контрабанды алкогольной продукции либо табачных изделий ответственность наступает в соответствии со статьей 2022 УК РФ. При производстве, хранении или перевозке в целях сбыта либо сбыты немаркированных товаров и продукции, не отвечающих требованиям безопасности жизни или здоровья потребителей, уголовная ответственность наступает согласно статье 234 УК РФ [3].

В целях предупреждения данных преступлений следует выявить причины и условия их совершения. В свою очередь, определение основных детерминантов совершения любой группы преступных деяний, в том числе в сфере производства и оборота немаркированных товаров и продукции, подразумевает, в том числе, изучение личности преступника.

При этом теория личности преступника явля-

ется одной из центральных криминологических теорий и представляет собой возникшую на определенном этапе развития криминологии некоторую совокупность упорядоченных и систематизированных знаний, описывающих и объясняющих возникновение, существование и особенности лиц, совершающих преступления, в единстве с их образом жизни, поведением и общением [4].

Личность преступника представляет собой систему наиболее характерных свойств и особенностей человека, совершившего преступление, которые определяют его как социальное существо и, вместе с тем, в наибольшей мере выражают его индивидуальность [5].

Анализ личностных характеристик людей, осуществляющих производство и (или) оборот немаркированных товаров и продукции основан на положениях криминологии о личности преступника [6] и призван определить типичные для данной группы лиц социально-демографические, нравственно-психологические и уголовно-правовые особенности, без которых невозможно понять человека и его преступное поведение.

В рамках социально-демографических характеристик личности преступника нами будут рассмотрены: пол; возраст; образовательный уровень; социальное положение; семейное положение; место жительства (городская или сельская местность); материальная обеспеченность.

Нравственно-психологическая группа обусловливает качественную сторону личности преступника, которая обладает проявлениями, являющимися решающими в формировании мотива и

Шайдуллина Эльвира Дамировна, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовного процесса Казанского юридического института МВД России, e-mai: elya-hi@bk.ru

© Шайдуллина Э.Д., 2016

Статья получена 21.07.2016

выбора варианта преступного поведения в сложившейся ситуации [7].

В рамках определения уголовно-правовых факторов нас, прежде всего, будет интересовать наличие раннего привлечения к уголовной ответственности и как следствие – судимости, среди лиц, совершивших рассматриваемую категорию преступлений.

Определение личностных характеристик преступников, осуществляющих незаконное производство и оборот немаркированных алкогольной продукции и табачных изделий, основано на статистических данных ГИАЦ МВД России за 2005–2015 годы и материалах исследованных уголовных дел отдельных регионов Приволжского федерального округа РФ за указанный период.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что чаще всего преступления, связанные с исследуемой нами преступной деятельностью, по половой принадлежности, совершают мужчины.

Возрастная характеристика лиц, осуществляющих производство и (или) оборот немаркированных товаров и продукции, позволяет констатировать, что наиболее высока криминальная активность у индивидов так называемого «среднего» возраста – от 35 до 45 лет.

Рассматривая уровень образования, следует отметить, что он колеблется от высшего до среднего специального, в отличие от лиц, совершающих преступления общеуголовной направленности, у которых образовательный уровень, как правило, не бывает выше среднего.

Анализ социального положения свидетельствует, что исследуемая категория преступников временно либо постоянно не занята той или иной трудовой деятельностью. По данным проанализированных уголовных дел, такая группа лиц составляет 34%.

Обращаясь к семейному положению, необходимо отметить, что большинство из них состоят в браке и имеют на иждивении несовершеннолетних детей. Этот показатель не свидетельствует о неблагоприятной социальной среде исследуемой категории лиц и даже, наоборот, выступает показателем внешней благополучности.

Производство и (или) оборот немаркированных табачных изделий либо алкогольной продукции совершается лицами, постоянно проживающими на территории отдельного населенного пункта (местные жители – 98%), где они и осуществляют свою нелегальную деятельность. Большинство из них по своему месту жительства являются горожанами.

Уровень материальной обеспеченности у таких лиц в основном средний (59%).

Чаще всего мотивационным началом для лица, совершающего преступления, связанные с производством и оборотом немаркированных товаров и продукции, является стремление «быстрой наживы», то есть корыстный мотив. Проведенное исследование позволило сделать вывод, что такие преступления чаще всего совершают лица с достаточно сформированными ценностными ориентациями, установками и взглядами. Они сознательно допускают преступное поведение для обеспечения желаемого результата, высокого уровня материальной обеспеченности и высокого положения в обществе. Их также отличают хорошая реакция на изменения социально-экономической обстановки и способность тонко чувствовать ситуацию, складывающуюся на потребительском рынке и в экономической сфере в целом.

Для лиц, совершающих исследуемые преступления, практически не характерен рецидив: 71% из привлеченных к уголовной ответственности лиц оказались ранее не судимы. Эта характеристика также отличает данную категорию личности преступника от совершающих иные преступные посягательства. Но не следует считать, что индивиды, занимающиеся производством и оборотом немаркированных товаров и продукции, после их осуждения, прекращают свою преступную деятельность. Это объясняется, прежде всего, высоким уровнем латентности таких преступлений. Кроме того, штрафные меры административного взыскания гораздо выше, по сравнению со штрафами, предусмотренными уголовным законодательством. Именно поэтому правоохранительные и иные контролирующие органы предпочитают в целях предупреждения данной незаконной экономической деятельности применять меры административного наказания.

На основании вышеизложенного, приходим к выводу, что личность преступника, осуществляющего производство и (или) оборот немаркированных товаров и продукции, выглядит следующим образом: это мужчина в возрасте 35–45 лет со средним специальным или высшим образованием, из маргинальной среды, временно не работающий, состоящий в браке, со средним уровнем жизни, являющийся городским жителем, руководивший в ходе совершения преступлений корыстным мотивом, ранее не судим.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции: Федеральный закон от 22.11.1995 № 171-ФЗ (в ред. от 23.06.2016) // Собрание законодательства РФ. 1995. № 48. Ст. 4553; Российская газета. 2016. № 139.
2. О специальных марках для маркировки табачной продукции: постановление Правительства РФ от 26.01.2010 № 27 (с изм. от 14.02.2012) // Собрание законодательства РФ. 2010. № 5. Ст. 534; Собрание законодательства РФ. 2012. № 8. Ст. 1042.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (в ред. от 02.06.2016) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954; Собрание законодательства РФ. 2016. № 14. Ст. 1908.
4. Антонян Ю.М. Изучение личности преступника: учебное пособие. М., 1982.
5. Личность преступника / под ред. Б.С. Волкова. Казань, 1972.
6. Криминология: учебник для вузов / под общ. ред. А.И. Долговой. М., 2007.
7. Криминология: учебное пособие для студентов вузов / под ред. С.М. Иншакова, А.В. Симоненко. М., 2008.

ИЗДАНИЯ КАЗАНСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА МВД РОССИИ

Вышел первый номер электронного научно-теоретического журнала «Ученые записки Казанского юридического института МВД России».

Адрес веб-сайта:

URL: www.uzkui.ru

Одним из перспективных решений в сфере информационного взаимодействия призваны стать профессиональные сетевые электронные журналы (профессиональные Интернет-порталы). Выпуск электронного научно-теоретического журнала призван обеспечить условия для публикаций в Интернете результатов научно-практических исследований широкому кругу специалистов-теоретиков и практиков, сотрудникам органов внутренних дел, соискателям, аспирантам, докторантам.

УДК 345.85

А. Е. Шалагин

ПРЕСТУПНОСТЬ КАК ОБЪЕКТ КРИМИНОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

В статье анализируются основные этапы эволюции преступности как социально-негативного, противоправного, общественно опасного явления. Дается определение преступности, отражены ее признаки, виды и характеристики. Особое внимание уделяется латентной преступности и способам ее оценки. Обращается внимание на методику криминологических исследований и конечный результат такой работы. Показана роль криминологических знаний в подготовке сотрудника органов внутренних дел к профессионально-служебной деятельности.

Ключевые слова: преступность, показатели преступности, латентная преступность, виды преступности, криминология, криминологическое исследование, предупреждение, пресечение, предотвращение преступлений.

Преступность существовала в разные исторические эпохи, была присуща всем формациям, но при этом на каждом этапе существенно отличалась своими качественными и количественными характеристиками. Многочисленные исследования антропологов, историков, этнологов доказывают существование преступности в первобытном обществе. Отсутствие письменности не отрицает наличия многочисленных запретов, нарушение которых влекло за собой назначение наказания (от имущественных санкций до изгнания из племени и лишения жизни). Преступность в первобытный период отличалась тем, что нередко носила сакральный характер. Помимо этого, совершались преступления общеуголовной направленности (кражи, грабежи, разбои, изнасилования, убийства и др.) [1, с. 101-108].

С появлением государства возникла необходимость в развитии правовых норм. Для античного периода характерно совершение преступлений против государства и религии (оскорбление государственных деятелей, нарушение порядка управления, взяточничество, казнокрадство, надругательство над религиозными святынями). Нередко совершались преступления против собственности, жизни и здоровья людей. Из наказаний широкое распространение получают конфискация имущества и денежные штрафы.

Период Средневековья отличает жестокость наказаний, применяемых к преступникам, а также господство религиозных взглядов по отношению

к преступности и мерам борьбы с ней. Первоначальное накопление капитала и массовое разорение крестьян привело к появлению ответственности за бродяжничество и попрошайничество. Слуги, сбежавшие от своего хозяина, подвергались порке, обращению в рабство, клеймению, телесным наказаниям и т.п.

Данному этапу человеческого развития присуща строгая ответственность за богохульство, религиозное кощунство, святотатство, колдовство, ересь. Расследованием таких преступлений занимался специально созданный судебный орган – инквизиция. По подсчетам специалистов, число жертв только испанской инквизиции за несколько веков составило 300 тыс. человек, из которых 30 тыс. были сожжены на костре.

К преступлениям против личности и общественной нравственности относились изнасилование, мужеложство, скотоложство, инцест, многоженство, прелюбодеяние, блуд. В числе имущественных преступлений следует выделить кражи, грабежи, поджоги, уничтожение (повреждение) чужой собственности. В Средневековье появляются разнообразные виды казни: гильотирование, повешение, четвертование, сожжение, колесование. Увеличилось количество телесных наказаний (отрубание конечностей, пытки раскаленным железом, удары плетью), получило распространение тюремное заключение [2, с. 54-136].

В период Нового времени начали различать умышленные, неосторожные, а также случайные

Шалагин Антон Евгеньевич, кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права Казанского юридического института МВД России. e-mail: aeshalagin@yandex.ru

© Шалагин А.Е., 2016

Статья получена 24.05.2016

деяния. При этом ответственность наступала только в первых двух случаях. В законодательстве закрепляется понятие невменяемости. Совершение преступления в состоянии опьянения усиливало ответственность. Значительную часть составляли государственные, воинские, должностные, религиозные преступления. Тяжелое положение крестьян неизбежно стимулировало рост преступности. Беглые крестьяне объединялись в преступные группы и сообщества. В последующем недовольство политическим, экономическим, идеологическим устройством приводит к появлению экстремистских групп (организаций), совершению террористических актов против государственных деятелей.

В конце XIX столетия в тюрьмах и ссылке, преимущественно на каторге, сформировалась иерархия (стратификация) осужденных. Ее составляли «иваны», «храпы», «игроки», «баламуты», «асмадеи», «сухарники», «шпанка» и др. [3, с. 75] В местах лишения свободы складывались свои обычаи и традиции, которые впоследствии прижились в преступных сообществах. Криминальная субкультура постепенно проникала и в широкие социальные слои населения.

Первая мировая война (1914-1918 гг.), Октябрьская революция (1917 г.), гражданская война в России (1917-1923 гг.) кардинальным образом сказались на состоянии, динамике, структуре и характере преступности. Резко увеличилось число беспризорных детей и подростков. По данным Большой Советской энциклопедии (БЭС), их численность в 1921 году достигла 6 млн человек. Государственное переустройство, нищета, голод, в первую очередь, отразились на увеличении корыстных и корыстно-насильственных преступлений.

Эпоха тоталитаризма, политических репрессий, Вторая мировая война (1939-1945 гг.) способствовали появлению новых криминальных «профессий», вооруженности преступных групп, их организованности. Хрущевская «оттепель» и сопутствующие ей реформы дали толчок разрастанию «теневого» сектора в экономике и, соответственно, преступлениям экономической направленности. В 60-80 годы XX столетия происходил процесс сращивания цеховиков (теневых дельцов), фармазонщиков (мошенников), валютчиков, уголовных авторитетов и коррумпированных должностных лиц.

Государственную перестройку середины 80-х – начала 90-х годов прошлого столетия преступный мир использовал исключительно в своих корыстных целях. Бандиты не остались в стороне от освоения нового экономического пространства, а предложили свои услуги индивидуальным предпринимателям (обеспечение личной безопасности, снижение рыночных рисков, развитие «дого-

ворных отношений»).

Девяностые годы XX века запомнились борьбой преступных группировок за сферы (секторы) влияния. В результате «бандитских войн» одни представители криминала постарались легализоваться, получив свою долю в бизнесе, другие продолжили преступную деятельность, третьи были нейтрализованы [4, с. 88-89]. При этом часть организованных преступных групп создала видимость легальной экономической деятельности, а основной доход, как и раньше, получала за счет осуществления незаконных финансовых операций, торговли наркотиками и оружием, организации проституции и азартных игр.

В XXI столетии российская организованная преступность прочно закрепилась в секторе экономики. Процессы глобализации повлияли на разрастание транснациональной преступности. По экспертным оценкам, организованная преступность продолжит быстрыми темпами развиваться в странах, богатых природными ресурсами.

Организованные преступные группы (сообщества), являясь участниками рыночных отношений, через свои легальные коммерческие структуры, совершают хищения в особо крупных размерах, проводят незаконные банковские операции, занимаются отмыванием денежных средств, полученных преступным путем, совершенствуют криминальное мастерство в различных отраслях экономики и кредитно-финансовой сфере.

Использование преступностью научных достижений, нано и биотехнологий, повышение организованности и профессионализма в криминальной среде требуют инновационных подходов, нацеленных на опережение преступной активности, а также криминологических знаний, которые основывались бы на современных достижениях научно-технического и информационного прогресса [5, с. 13].

В современном многополярном мире одной из сложнейших проблем остается международный терроризм. По прогнозам специалистов ожидается сращивание террористических групп с представителями транснациональной организованной преступности. В будущем получат распространение гибридные войны [6, с. 182-190], кибервойны [7], террористические и мафиозные структуры предпримут попытки захвата оружия массового поражения.

В традиционном представлении преступность – это социально-правовое, исторически изменчивое, общественно опасное, относительно массовое явление, представляющее совокупность уголовно-наказуемых деяний, совершенных в конкретный период времени (на определенной территории), и характеризующееся количествен-

ными и качественными показателями [8, с. 298].

К признакам преступности относятся:

- 1) социальная обусловленность;
- 2) историческая изменчивость;
- 3) массовость;
- 4) уголовно-правовой характер явления;
- 5) системно-структурный характер явления;
- 6) общественная опасность.

Преступность – социально-правовое явление не только онтологически, но и гносеологически порождается причинами и условиями общественной жизни. Статистические данные свидетельствуют, что резкие изменения в государственном и общественном устройстве влекут изменения качественных и количественных характеристик преступности [9, с. 102].

Количественные характеристики преступности представлены: а) уровнем (коэффициентом) преступности; б) ее состоянием; в) уровнем преступной активности; г) индексом судимости; д) динамикой преступности.

В свою очередь, *качественные характеристики* преступности представлены: а) структурой преступности; б) ее характером; в) географией преступности; г) социально-опасными последствиями; д) ценой преступности.

Преступность составляет множество преступлений (уголовно-наказуемых деяний), при этом как оконченных, так и не завершенных по различным обстоятельствам. Преступление – противоправное, общественно опасное, виновное действие (бездействие), за совершение которого законодательством предусматривается уголовное наказание. Преступления могут быть классифицированы по различным основаниям. Так, *по степени тяжести совершенного преступления* различают (преступления небольшой тяжести, средней тяжести, тяжкие и особо тяжкие преступные деяния); *по форме вины* (умышленные и неосторожные); *по месту и способу совершения преступления* (семейно-бытовые, уличные, совершенные общественно опасным способом, с применением холодного или огнестрельного оружия, с использованием транспортных средств); *по преступной мотивации* (корыстные, насильственные, корыстно-насильственные, хулиганские, садистские, экстремистские); *по субъектам преступлений* (совершенные мужчинами, женщинами, несовершеннолетними, должностными лицами); *по количеству жертв* (с единичной жертвой, с причинением вреда двум и более лицам, с многочисленными жертвами); *по характеру и размеру причиненного ущерба* (преступления, причинившие материальный, физический или моральный вред; преступления, причинившие значительный,

крупный или особо крупный ущерб).

Преступность – сложное социально-негативное явление. Ее изучением занимаются юристы и социологи, психологи и культурологи, медики и педагоги, историки и экономисты, но особое значение отводится криминологам. Криминология – наука о преступности, ее причинах и условиях, механизме преступного поведения, личности преступника и жертвы преступного посягательства. Основным результатом криминологических исследований является разработка научно-практических рекомендаций по профилактике, предотвращению и пресечению преступлений. Особое внимание уделяется прогнозированию, программированию и планированию борьбы с преступностью.

За последние 10 лет преступность в Российской Федерации имела устойчивую тенденцию к снижению. Так, в 2006 г. было зарегистрировано 3855,4 тыс. преступлений; 2007 г. – 3582,5 тыс.; 2008 г. – 3209,9 тыс.; 2009 г. – 2994,8 тыс.; 2010 г. – 2628,8 тыс.; 2011 г. – 2404,8 тыс.; 2012 г. – 2303,2 тыс.; 2013 г. – 2206,2 тыс.; 2014 г. – 2166,4 тыс. преступлений.

В январе-октябре 2015 г. зарегистрировано 1977,9 тыс. преступлений, что на 7,8 % больше, чем за аналогичный период прошлого года. Рост преступности зарегистрирован в 72 субъектах Российской Федерации. Таковую тенденцию можно объяснить экономическим кризисом, политической, финансовой нестабильностью, нереализованностью отдельных мер в проводимых реформах.

Почти половину зарегистрированных преступлений (45,6%) составляют кражи, грабежи, мошенничества, разбои, то есть преступления имущественного характера. На 2,6% возросло количество преступлений экономической направленности. Материальный ущерб от такой преступной деятельности составил 183,88 млрд руб. Острой остается проблема выявления преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков и оружия. Отмечается рост организованной, террористической, экстремистской и этнической преступности.

Возросло количество преступлений, совершенных в общественных местах (+10,6%). Вместе с тем на 4,4% повысилась раскрываемость преступлений прошлых лет.

Криминологический анализ показывает, что в большинстве случаев преступления совершаются лицами, не имеющими постоянного источника дохода, каждое второе расследованное преступление (54,5%) было совершено лицами, ранее участвовавшими в преступной деятельности, каждое третье преступление в общественном месте (31,4%) совершено в состоянии алкогольного, наркотического или иного опьянения [10].

При этом в МВД России ежегодно поступа-

ет большое количество заявлений, сообщений о преступлениях, административных правонарушений и других происшествиях. В 2010 году органами внутренних дел было рассмотрено 23,88 млн таких обращений, 2011 г. – 24,61 млн, 2012 г. – 26,24 млн, 2013 г. – 28,35 млн, 2014 – 29,28 млн. Динамика поступающих заявлений (сообщений) свидетельствует о ежегодном росте количества обращений в органы внутренних дел.

Для объективной оценки состояния преступности необходимо учитывать **латентную составляющую преступности**. Латентная преступность – это скрытая или скрываемая от официальной уголовной статистики, реальная часть фактически совершенных преступлений. Латентная преступность в 4-5 раз превышает зарегистрированную преступность [11, с. 96]. Необходимо учитывать, что по некоторым видам преступности этот показатель значительно выше (экономическая, информационная, коррупционная преступность; незаконные операции с лесом, газом, нефтью, драгоценными камнями и металлами; незаконные поставки оружия, наркотических средств, алкоголя и др.).

К латентным преступлениям следует относить: незаявленные, неучтенные и неустановленные преступные деяния. Саму латентность преступлений принято подразделять на естественную, искусственную и пограничную. Уровень латентной преступности можно определить путем использования следующих методик: проведение выборочного анкетирования и социологических опросов населения; изучение материалов следственно-судебной практики, а также постановлений об отказе в возбуждении уголовных дел; анализ статистической, эмпирической, отчетной документации; изучение материалов ведомственных проверок и финансово-хозяйственных ревизий; проведение сравнительных исследований в отношении криминологически значимой информации в государственных и негосударственных структурах; сопоставление динамики различных преступлений, находящихся в корреляционной зависимости [12, с. 124-125].

К числу известных российских криминологов, посвятивших свои труды предупреждению и противодействию преступности, относятся: Г.А. Аванесов, Ю.М. Антонян, М.М. Бабаев, С.В. Бородин, Ю.В. Голик, А.И. Гуров, А.И. Долгова, С.М. Иншаков, М.П. Клейменов, Д.А. Корецкий, Н.Ф. Кузнецова, В.Н. Кудрявцев, С.И. Курганов, В.Д. Ларичев, С.Я. Лебедев, Н.А. Лопашенко, В.В. Лунеев, И.М. Мацкевич, В.С. Овчинский, Э.Ф. Побегайло, О.В. Старков, Д.А. Шестаков, В.Е. Эминов и др.

Криминология – это постоянно развивающаяся наука, она должна оперативно реагировать на появ-

ление новых форм преступной деятельности. Поэтому в числе перспективных научных направлений значительное количество криминологических институтов (подотраслей): криминальная армалогия; виктимология; криминотеология; криминоглобалистика; криминофамилистика; криминопенология; криминовиолентология; криминомилитарология; киберкриминология; этнокриминология; ювенология; наркокриминология; криминосексология; криминоюстициология; гендерная криминология; экономическая криминология; криминологическое законодательство и криминология закона; сравнительная криминология и др.

В сфере криминологии подготовлено значительное количество монографий, учебников, учебных пособий, справочников, практикумов. Вместе с тем она всегда будет нуждаться в исследованиях, направленных на минимизацию и предупреждение новых потенциально опасных вызовов и угроз человечеству. На современном этапе к их числу относятся следующие виды преступности: 1) общеуголовная; 2) экономическая; 3) организованная; 4) профессиональная; 5) рецидивная; 6) транснациональная; 7) олигархическая; 8) коррупционная; 9) экологическая; 10) политическая; 11) террористическая; 12) экстремистская и т.п.

Криминологические исследования проводятся в рамках научной специальности 12.00.08 – уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право. Криминология – это социолого-правовая наука, носящая междисциплинарный характер. Поэтому значимые криминологические исследования выполняются на стыке юридических, психологических, социологических, культурологических и иных наук. Большое значение для развития отечественной криминологии имеют современные исследования девиантологии, аддиктологии, административной деликтологии, юридической статистики, судебной психиатрии и др.

Криминологическое исследование складывается из нескольких этапов. Первоначально разрабатывается программа и план мероприятий, выдвигается гипотеза, определяются средства (способы) сбора интересующей информации. Полученные данные обрабатываются, анализируются, обобщаются [13, с. 120]. На различных этапах исследования используются общенаучные, частнонаучные, социологические, психологические, криминологические и иные методы познания.

В программе криминологического исследования отражаются (обосновываются) актуальность, теоретическая и практическая значимость, цель и задачи, объект и предмет научного поиска, а также методологическая, информационная, нормативная, эмпирическая основы работы, научная новизна.

Результатом криминологического исследования должны стать научно-практические рекомендации по оптимизации деятельности правоохранительных органов в сфере профилактики и противостояния преступности. Результаты должны быть внедрены в правоприменительную практику. Такого рода исследования могут способствовать: 1) подготовке ведомственных нормативных правовых актов; 2) разработке комплексных программ предупреждения и минимизации отдельных видов преступности; 3) составлению аналитических обзоров, отчетов, справок; 4) проведению научных конференций, семинаров, круглых столов; 5) качественной подготовке обучаемых в образовательных организациях правоохранительной направленности.

Изучением преступности и поиском современных средств профилактики и противодействия криминальным вызовам и угрозам занимаются ведомственные научно-исследовательские и учебные организации, в их числе Академия Генеральной прокуратуры РФ, Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России, Академия ФСБ России, Всероссийский институт повышения квалификации сотрудников МВД России, Академия Следственного комитета РФ, Академия управления МВД России и многие другие правоохранительные организации. Отдельно хочется выделить сектор уголовного права, криминологии и проблем правосудия Института государства и права Российской академии наук. Создание сектора насчитывает почти вековую историю. Его сотрудниками разрабатывались проекты уголовных кодексов (1926, 1960, 1996 годов). Заведующий сектором доктор юридических наук, профессор С.В. Максимов. Сотрудники сектора неоднократно участвовали в подготовке федеральных программ в сфере противодействия преступности.

Нельзя не отметить роль общественных (научных) организаций в рассматриваемой сфере. К их числу следует отнести:

- Российскую криминологическую ассоциацию;
- Санкт-Петербургский международный криминологический клуб;
- Союз криминалистов и криминологов.

Российская криминологическая ассоциация была создана в 1991 году. Сегодня она объединяет свыше 1300 ученых, преподавателей, практических работников правоохранительной системы. Возглавляет Ассоциацию доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РСФСР Азалия Ивановна Долгова.

Санкт-Петербургский международный криминологический клуб действует с 1981 года. Клуб способствует развитию Невско-волжской школы, в результате чего появились новые подотрасли криминологии. При поддержке Санкт-Петербургского государственного университета клуб издает научно-практический журнал «Криминология: вчера, сегодня, завтра». Президентом клуба является доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации Дмитрий Анатольевич Шестаков.

Региональная общественная организация «*Союз криминалистов и криминологов*» была создана в 1995 году. Имеет тесные научные контакты с зарубежными партнерами. Проводит представительские научные мероприятия (конференции, круглые столы, семинары). Занимается выпуском востребованной юридической литературы. Президентом Союза криминалистов и криминологов является доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ Игорь Михайлович Мацкевич.

Углубленное изучение криминологии поможет в подготовке высококвалифицированных кадров для органов внутренних дел и других правоохранительных структур. Качественной подготовке специалистов в области правоохранительной деятельности и обеспечения национальной безопасности, по нашему мнению, будет способствовать изучение курсантами и слушателями специальных учебных курсов: «Виктимологическая профилактика», «Предупреждение преступлений и административных правонарушений органами внутренних дел», «Криминальная субкультура и ее предупреждение», «Профилактика преступности несовершеннолетних и молодежи», «Противодействие терроризму и экстремизму», «Профилактика преступлений коррупционной направленности» и др.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антонян Ю.М. Наука криминология: монография. М.: Юрлитинформ, 2015. 376 с.
2. Антонян Ю.М., Звизжова О.Ю. Преступность в истории человечества: монография. М.: Норма: ИНФРА-М, 2015. 208 с.
3. Гуров А.И. Профессиональная преступность: прошлое и современность. М.: Юридическая литература, 1990. 304 с.
4. Шалагин А.Е., Шляхтин Е.П. Проблемы предупреждения и противодействия организованной преступности // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2015. № 2 (20). С. 88-94.
5. Овчинский В.С., Чеботарева С.О. Матрица преступности. М.: Норма, 2008. 112 с.
6. Ларина Е.С., Овчинский В.С. Мировойна. Все против всех. Новейшие концепции боевых действий

англосаксов. М.: Книжный мир, 2015. 416 с.

7. Ларина Е.С., Овчинский В.С. Кибервойны XXI века. О чем умолчал Эдвард Сноуден. М.: Книжный мир, 2014. 352 с.

8. Лунеев В.В. Курс мировой и российской криминологии: учебник в 2-х томах. Общая часть. М.: Юрайт, 2011. Т. 1. 1003 с.

9. Криминология: учебник / под ред. А.И. Долговой. М.: Норма: Инфра-М, 2010. 1008 с.

10. Официальный сайт МВД России. Статистика и аналитика. Состояние преступности (архивные данные) [Электронный ресурс]. URL: <https://mvd.ru/folder/101762/item/6765514/>

11. Криминология: учебник / под ред. В.Н. Кудрявцева, В.Е. Эминова. М.: Норма: Инфра-М, 2010. 800с.

12. Козаченко И.Я., Корсаков К.В. Криминология: учебник. М.: Норма: Инфра-М, 2014. 304 с.

13. Шестаков Д.А. Криминология: Новые подходы к преступлению и преступности: Криминогенные законы и криминологическое законодательство. Противодействие преступности в изменяющемся мире. СПб.: Юридический центр Пресс, 2006. 561 с.

УДК 343.85

Е. В. Демидова-Петрова

КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ФАКТОРОВ В ПОВЕДЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

В статье отмечено, что для выявления особенностей криминологически значимого поведения несовершеннолетних следует использовать прием выделения фактора, который имеет нейтральное значение для формирования криминогенных и антикриминогенных условий взаимодействия социальной среды и личности. Отдельное внимание обращено на то, что социальная среда изменяется под влиянием множества факторов и в разном порядке. Прежде всего, воздействие на нее оказывает связь с другими явлениями и процессами, происходящими в научно-технической сфере, в области политики, экономики, культуры. Предлагается авторская точка зрения на значение информационных факторов в поведении несовершеннолетних.

Ключевые слова: криминология, криминализация несовершеннолетних, преступность, преступность несовершеннолетних, несовершеннолетний, социальная среда, информационные факторы.

Эффективную разработку мер борьбы с преступностью несовершеннолетних, а в последующем и их реализацию невозможно вести вне учета социальной реальности, в которой происходит зарождение причин и условий конкретных криминальных проявлений. Данная криминологическая истина, неоднократно утверждаемая в специальной литературе прошлого столетия [1], неоспорима и сейчас. Более того, она обретает особое, актуальное звучание в условиях динамично изменяющейся социальной среды, где реализуются общественные отношения, участниками которых выступают несовершеннолетние.

Социальная среда изменяется под влиянием множества факторов и в разном порядке. Прежде всего, воздействие на нее оказывает связь с другими явлениями и процессами, происходящими в научно-технической сфере, в области политики, экономики, культуры. Такое воздействие происходит не напрямую, а через участников общественных отношений в различных сферах жизнедеятельности, которые вступают во взаимодействие с социальной средой. Затем возникает корреляционная зависимость, при которой социальная среда в свою очередь начинает оказывать влияние на содержание общественных отношений, складывающихся между ее участниками.

В такой диалектической взаимосвязи изменений важно рассматривать криминологически значимую обусловленность поведения личности, де-

терминирующую преступные его формы. Однако одного лишь указания на структуру взаимосвязи не достаточно для объяснения криминологически значимых характеристик преступности, а тем более несовершеннолетних. Здесь важно использовать широкий детерминистский подход. Именно он способен дать объяснение, почему среди представителей одной социально-возрастной или профессиональной группы, находящейся под влиянием одинаковых факторов, продуцируется или, напротив, блокируется преступное поведение.

При использовании такого, не причинного, а детерминистского, подхода исключается поверхностное объяснение природы преступности и однозначное толкование влияния каких-либо факторов на продуцирование ее проявлений. Возможности борьбы с преступностью предстают здесь в сложных координатах поиска мер, которые, не разрушая позитивные социально одобряемые общественные отношения, могут препятствовать их криминальной подверженности.

Использование детерминистского подхода дает возможность диагностики содержания взаимодействия социальной среды и личности, обуславливающего преступное и не преступное поведение. Данные положения обладают актуальностью по отношению к общим задачам криминологической науки и практики. Однако в вопросах организации борьбы с преступностью несовершеннолетних они становятся сверхважными. Не-

Демидова-Петрова Елизавета Викторовна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права КЮИ МВД России. e-mail: demidova.liza@gmail.com

© Демидова-Петрова Е.В., 2016

Статья получена 08.08.2016

сложно представить, что одни и те же факторы изменения в разных своих сочетаниях и проявлениях действуют разнополярно на социальную обусловленность поведения несовершеннолетних. Одних они будут поглощать воздействием криминогенности, других, напротив, укреплять в позиции правомерного поведения. Такая разность может происходить ввиду неодинаковости уровня их материального благополучия, различий в условиях проживания, быта, близкого окружения, досуговой занятости, интересов, отличий в уровне образования и воспитания и многих других обстоятельств, составляющих в широком смысле слова социальное содержание жизнедеятельности несовершеннолетних. При этом криминологически значимо выделить не только индивидуально продуцирующие преступное поведение факторы, но и установить общие факторы, под влиянием которых находятся все без исключения несовершеннолетние, как «плохие», так и «хорошие».

Выявление и объяснение общих факторов не является самоцелью. Их анализ и оценка важны для того, чтобы получить ответы на главные метафизические вопросы, как-то: В чем причина причин? Каковы истоки истоков? Каковы начала начал? Находка искомым ответов позволит с большей точностью определить социальную обусловленность правомерного, предкриминального, криминального и посткриминального поведения лиц, находящихся в одних и тех же условиях взаимодействия с социальной средой, во всех ее позитивных и негативных проявлениях. При этом нельзя допускать сведения начал или причин социальной обусловленности криминологически значимого поведения личности к роли одного ведущего фактора.

Некоторое время, в период советского и раннего постсоветского периода криминологической науки, существовал подход, при котором материальному фактору в объяснении социальной обусловленности преступного поведения отводилось особое внимание. В определенном смысле причины подавляющего большинства видов преступности рассматривались через призму материального. Формулировались исследовательские выводы о том, «что преступления совершаются представителями различных социальных групп населения, но степень и интенсивность проявления преступлений статистически различаются в зависимости от показателей уровня материальной обеспеченности» [2, с.49].

Не вдаваясь в опровержение результатов подобных исследований и даже находя в них современное актуальное звучание объяснения причин и условий отдельных видов преступности, все же сводить социальную обусловленность криминологически значимого поведения несовер-

шеннолетних к одному материальному фактору не следует. Предпочтительным представляется комплексное рассмотрение совокупности социальных условий, так или иначе влияющих на преступность, при этом абстрагируясь от криминогенных и антикриминогенных факторов.

Для выявления особенностей криминологически значимого поведения несовершеннолетних можно использовать прием выделения фактора, который имеет нейтральное значение для формирования криминогенных и антикриминогенных условий взаимодействия социальной среды и личности. Такой фактор есть, его содержание современно, он активно себя проявляет в разных сферах общественных отношений. Можно даже отмечать комплексный характер воздействия этого фактора на изменение условий жизнедеятельности представителей разных социальных возрастных и профессиональных групп населения. Примечательно, но этот фактор способен поглощать или становиться ключевым в изменении структуры общественных отношений, социальных ролей, материальных и духовных потребностей, профессионального роста. Его роль в деле формирования нравственных и ценностных установок бесспорна. Для целей изучения вопросов, связанных с социальной обусловленностью криминологически значимого поведения несовершеннолетних, он идеально подходит, потому что в орбите действия этого фактора в большинстве и чаще всего оказываются несовершеннолетние. Более того, как правило, оказавшись в спектре его воздействия, они остаются с ним навсегда в качестве потребителя и носителя. Важно подчеркнуть, что его потребление можно рассматривать с позиции как исключения криминогенности, так и для производства ее проявлений в конкретные преступления, в том числе в новых и нетрадиционных формах.

Детальное обоснование фактора, пока не названного, не случайно, поскольку требует его операционального определения. Условно этот фактор можно определить как информационный. В него вкладывается широкое содержание категории научно-технического прогресса, производный продукт которого представлен в виде непрерывно обновляемой информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», коммуникативных средств общения (электронные мессенджеры, виртуальные социальные сети и форумы, мобильной телефонии), программных продуктов в сфере получения или удовлетворения услуг потребления.

По единодушному мнению разных специалистов (экономистов, социологов, педагогов, политологов, культурологов), информационный фактор и названные его производные достиже-

ния имеют революционное значение для развития всех сфер жизнедеятельности. Преимущественно отмечают позитивное влияние информационного фактора. Не вдаваясь в подробности описания преимуществ, которые предоставляет информационный фактор для обеспечения и реализации социально, политически, экономически, духовно значимых потребностей и интересов человека, предлагается остановиться на источниках и проявлениях возможного социально-негативного, а также криминогенного его влияния на детерминацию преступного поведения несовершеннолетних.

Свой криминогенный потенциал информационный фактор может проявлять при взаимодействии с различными явлениями и процессами, не находящими своевременного или удовлетворительного разрешения. При этом механизм участия информационного фактора в процессах детерминации преступности несовершеннолетних возникает не одномоментно. Сначала формируются и накапливаются проблемы в той или иной сфере общественных отношений, в которых участвуют несовершеннолетние.

Допустим, отсутствие дисциплины и плохое качество образования в учебном заведении в одних случаях могут привести к противоправным действиям, непосредственно связанным с пребыванием в нем учащихся. Например, выразиться в совершении такого преступления как ложное сообщение об акте терроризма. В других случаях указанные негативные условия (в сфере образования), отрицательно влияя на общую нравственную позицию личности несовершеннолетнего, на ее отношение к социальным ценностям, могут обуславливать криминальное поведение вне учебного заведения – распространение наркотиков или вымогательство, сопряженное с угрозой распространения сведений, способных причинить существенный вред правам или законным интересам потерпевшего. В данном случае несовершеннолетним может быть активно задействованы информационные возможности, предоставляемые сетью Интернет или коммуникативными электронными ресурсами при исполне-

нии роли наркокурьера или хакера.

В ходе исследования детерминации преступлений несовершеннолетних, поведение которых обусловлено проблемами социального порядка, важно дополнительно анализировать не только вопросы использования информационного фактора, но и его влияния на продуцирование криминальных явлений и процессов, участием в которых подвержены несовершеннолетние.

Вопросы криминогенного влияния информационного фактора можно рассмотреть на примере так называемых «цветных революций» или экстремизма. Такое влияние нельзя рассматривать непосредственно, поскольку оно базируется на сочетании проблем и их воспроизводстве в разных сферах социального бытия несовершеннолетних. Так, например, с позиции культурологии здесь проявят себя элементы информационной пропаганды различных субкультур (футбольные или музыкальные фанаты). С экономических позиций могут быть зафиксированы проблемы трудовой занятости подрастающего поколения и появление информационных ресурсов пропаганды экстремистских идей или вербовки участников формирований, разделяющих эти идеи. При наличии проблем реализации политических прав и удовлетворения соответствующих интересов можно рассмотреть попытки формирования негативного общественного мнения к тем или иным острым вопросам социального значения и его культивирование в той или иной групповой досуговой среде несовершеннолетних, объединенных общими интересами. В такой ситуации можно будет отмечать криминологически значимый процесс вовлечения больших социальных групп в спектр информационного воздействия.

Механизм взаимодействия личности несовершеннолетних и социальной среды, находящейся под воздействием влияния или использования информационного фактора, не прост. Следует еще раз подчеркнуть, что его нельзя определять в традиционно-диалектическом подходе [3] объяснения процессов детерминации и причинности, при котором причина порождает следствие.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. См.: Влияние социальных условий на преступность: сборник научных трудов. М.: Всесоюзный институт по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности, 1983. 123 с.
2. Серебрякова В.А. Криминологическое значение материальных условий жизни населения // Влияние социальных условий на преступность: сборник научных трудов. М., 1983.
3. Концепция такого подхода культивировалась в трудах криминологов 1970-х годов и наиболее яркое отражение нашла в ряде научных трудов: Кузнецова Н.Ф. Проблемы криминологической детерминации. М., 1984. С.44; Стручков Н.А. Преступность как социальное явление. Л., 1979. С. 29.

Н. Р. Шевко

З. И. Читая

ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ОБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СОВРЕМЕННЫХ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

В статье рассматриваются проблемы определения «преступлений, совершаемых с использованием информационных технологий». Авторами предложена своя трактовка данного определения, а также включение способа совершения киберпреступлений в перечень обстоятельств,отягчающих наказание.

Ключевые слова: информационные технологии, уголовно-правовая квалификация киберпреступлений, хакерская атака.

Стремительное внедрение в жизнь современных информационных технологий и информационных систем создало новые, уникальные возможности для эффективного развития экономики, политики, государства, всего общества в целом. Развитие высоких технологий обусловило расширение сфер их применения, в том числе мобильных технологий, мобильных платежей, интернет-банкинга с подтверждением транзакций по SMS и банковским мобильным приложениям. Однако, к сожалению, научно-технический прогресс создает предпосылки не только для улучшения жизни, но и для использования его достижений в преступных целях.

Так, по данным ведомственной статистики, в России в 2014 году было зарегистрировано 11 тысяч преступлений в сфере телекоммуникаций и компьютерной информации. При этом в 2013 году кражи и мошенничества составляли 30 % от всех зарегистрированных преступлений в информационной сфере, в 2014 году их доля составила уже 41%. Причем если количество зарегистрирован-

ных мошеннических действий изменилось незначительно, то число краж с использованием IT-технологий увеличилось почти в два раза [1].

В 2015 году в российские суды по делам, расследования которых были завершены, было направлено на 137% больше дел по киберпреступлениям, чем в 2014 году.

Как правило, злоумышленники используют IT-системы в двух направлениях:

- 1) как инструмент для совершения преступлений;
- 2) для высокотехнологичных операций с финансами.

К первому относится обычное мошенничество в сети Интернет: к примеру, обман граждан при торговле при помощи досок объявлений. Порядка 70% из 13 тыс. заявлений от пострадавших граждан приходятся именно на такие преступления.

К высокотехнологичным операциям относятся мошенничество в банковской сфере и сложные финансовые махинации.

Шевко Наиля Рашидовна, кандидат экономических наук, начальник кафедры экономики, финансового права и информационных технологий в деятельности ОВД Казанского юридического института МВД России, e-mail: nailya-shevko@ Rambler.ru

Читая Заури Иванович, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин КФ РГУП

© Шевко Н.Р., 2016

© Читая З.И., 2016

Статья поступила 12.07.2016

Рис. 1. Доля краж и мошенничеств в общем объеме киберпреступлений

Во всём мире ущерб от действий киберпреступников в 2015 году составил \$158 млрд. Жертвами преступлений хакеров стали 594 млн человек, каждый из них понёс убытки в среднем на \$358. В свою очередь, в 2015 году в России действиями хакеров был нанесён ущерб в пределах \$1 млрд, как проинформировал первый замглавы Сбербанка Лев Хасис. Сумма убытков от хакерских атак будет расти. Основные кибернетические угрозы связаны с действиями иностранных служб, криминальных группировок, террористов, хакеров-инсайдеров и активистов.

Однако следует четко разграничивать понятия «преступления в сфере компьютерной информации» и «преступления, совершаемые с использованием информационных технологий». Ответственность за первые предусмотрена главой 28 УК РФ, которая содержит три состава – неправомерный доступ к компьютерной информации (ст. 272); создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ (ст. 273); нарушение правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации и информационно-телекоммуникационных сетей (ст. 274). Понятия «преступления, совершаемые с использованием информационных технологий» или «киберпреступления» - собирательные, употребляются в тех случаях, когда для совершения традиционных преступлений используются информационные технологии. Ответственность за деяния такого рода предусматривается статьями из различных глав УК РФ, например, 159.3 (мошенничество с использованием платежных карт), 159.6 (мошенничество в сфере компьютерной информации), 146 (нарушение авторских и смежных прав при незаконном использовании программных продуктов), 187 (изготовление или сбыт поддельных кредитных либо расчетных карт и иных платежных документов с использованием средств компьютер-

ной техники) и т. п.

В большинстве случаев избранный преступниками способ обмена информацией посредством информационных сетей, в том числе сети Интернет, значительно повышает степень общественной опасности преступления, так как позволяет соучастникам за короткий период времени с минимальными материальными затратами получать необходимые для совершения преступления сведения. Кроме этого, указанный способ обмена информацией позволяет преступникам непосредственно не контактировать с заказчиками, что существенно затрудняет изобличение их законспирированной преступной деятельности.

Полагаем, что способ совершения преступления, связанный с использованием современных информационных технологий и позволяющий конспирировать преступную деятельность, повышает, и достаточно существенно, степень общественной опасности преступления. К примеру, цель сокрытия преступной деятельности в содержании субъективной стороны другого преступления рассматривается законодателем как признак, повышающий общественную опасность деяния, при наличии которого законом предусмотрено более строгое наказание (п. «е.1» ч. 1 ст. 63, 327 УК РФ). Кроме этого, применение преступником высоких технологий позволяет ему снизить риск привлечения к уголовной ответственности за совершенное преступление. Это, конечно, им осознается. Такая ситуация создает ориентацию на безнаказанность и возможность повторного совершения аналогичных преступлений, оставаясь «незамеченным». Сущность общественной опасности заключается в том, что антиобщественное деяние, обладая свойствами прецедента, создает угрозу повторения подобных нарушений в будущем.

В научных публикациях предложения по совершенствованию уголовно-правовой квалификации

преступлений, совершаемых с использованием высоких технологий, борьбы с высокотехнологичными способами и средствами совершения преступлений были высказаны целым рядом исследователей, но все эти предложения касались преимущественно только одного состава преступления - мошенничества.

Ряд исследователей предлагает унифицировать уголовное законодательство с европейскими нормами и сконструировать состав компьютерного мошенничества наиболее широко: предусмотреть ответственность за любой вред имущественного характера, причиненный неправомерными манипуляциями с компьютерной информацией [2].

Другие не одобряют выделение специального состава мошенничества в сфере компьютерной информации, так как оно от обычного мошенничества отличается только самим способом совершения хищения. Авторами этой идеи предлагается включить в ст. 159 УК РФ наиболее распространенные способы совершения мошенничества, в том числе и мошенничества с использованием электронной информации [3].

Третьи предлагают квалифицировать указанные преступления как специфическое тайное завладение чужим имуществом путем применения компьютерных технологий, т.е. как кражу, при этом указывают на необходимость введения специального квалифицирующего признака «- путем применения компьютерных технологий» [4].

Так, Т.Л. Тропина предложила дополнить гл. 21 УК РФ нормой (ст. 159.1 УК РФ), предусматривающей ответственность за «компьютерное хищение», которое формулируется как «хищение чужого имущества или приобретение права на имущество, совершенное путем ввода, изменения, удаления или блокирования компьютерных данных либо другого вмешательства в функци-

онирование компьютера или компьютерной системы» [5]. Как видно, данный подход был поддержан Пленумом Верховного Суда РФ [6], а в последующем и законодателем.

Есть мнение, что необходимо ввести в уголовный закон специальную норму, не связанную с составом мошенничества, предусматривающую ответственность за хищение с использованием нового специфического способа совершения преступления «путем модификации результатов автоматизированной обработки данных компьютерной системы» [7]. Данный подход не нарушает традиционного для отечественного уголовного права понимания таких форм хищения, как кража и мошенничество. Вполне очевидно, что хищение с использованием модифицированных компьютерных данных не является частным случаем кражи или мошенничества, так как указанное хищение не заключается в непосредственном тайном изъятии чужого имущества и не связано с обманом собственника или иного владельца имущества. По нашему мнению, данный вид преступлений может быть квалифицирован как подделка документов.

Что же касается киберпреступлений, то, наверное, правильное было бы ввести применение или использование информационных технологий как обстоятельство, отягчающее наказание. На наш взгляд, повышенная общественная опасность подобного рода преступлений должна быть принята во внимание законодателем в качестве одного из направлений совершенствования уголовного законодательства.

В связи с изложенным, на наш взгляд, следует определить соответствующий признак объективной стороны как «использование информационных технологий» и целесообразно включение указанного признака в предусмотренный ст. 63 УК РФ перечень обстоятельств, отягчающих наказание.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Официальный сайт МВД РФ // www.mvdrf.ru.
2. См.: Комаров А.А. Об уточнении понятия «компьютерное мошенничество» в сфере законодательных инициатив Верховного Суда РФ // СПС «КонсультантПлюс»: [Электронный ресурс].
3. Ефремова М.А. Мошенничество с использованием электронной информации // Информационное право. 2013. № 4 (35).
4. Лопашенко Н.А. Посягательства на собственность: монография. М., 2012 // СПС «КонсультантПлюс»: [Электронный ресурс].
5. Тропина Т.Л. Киберпреступность: Понятие, состояние, уголовно-правовые меры борьбы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2005.
6. Тюнин В. Реструктуризация уголовного законодательства об ответственности за мошенничество // Уголовное право. 2013. N 2.
7. Фефелов П.А. Механизм уголовно-правовой охраны (основные методологические проблемы). М.: Наука, 1992.

УДК 343.214

И. Р. Шикула

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОНЯТИЯ «БЕСПОМОЩНОЕ СОСТОЯНИЕ» В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ РОССИИ

В статье раскрывается понятие «беспомощное состояние потерпевшего», анализируются особенности уголовно-правовой оценки беспомощного состояния потерпевшего, проблемные вопросы квалификации общественно-опасных деяний в отношении лиц, находящихся в беспомощном состоянии.

Ключевые слова: потерпевший, беспомощный, защита, преступление, малолетние, престарелые, экспертиза.

В связи с высоким уровнем преступности в стране актуализируется необходимость всесторонней защиты прав и интересов потерпевших. По данным ГИАЦ МВД России, ежегодно совершается около 2 млн преступлений и, соответственно, около 1,5 млн. физических и юридических лиц оказываются потерпевшими (2008 г. – 2340375, 2009 г. – 2241710, 2010 г. – 2062937, 2011 г. – 1924192, 2012 г. – 1895970, 2013 г. – 1822767, 2014 г. – 1819811), материальный ущерб, нанесенный потерпевшим в 2015 г., составил около 550 млрд рублей, что свидетельствует о сложной криминогенной обстановке, наличии в российском обществе тревожной тенденции, которая выражается в высоком уровне жестокости, незащищенности человека от преступного насилия.

Обеспечение эффективной защиты всего комплекса прав потерпевших от преступлений является важной задачей государства. Гарантии прав потерпевших должны быть незыблемыми, особенно в тех случаях, когда в силу своей беспомощности они не могут самостоятельно осуществлять свои права и юридические обязанности. Это самые уязвимые в социальном отношении граждане, к которым относятся лица, страдающие физическими или психическими недостатками, какими-либо соматическими заболеваниями, а также малолетние и престарелые.

Однако жизнь показывает, что в отношении беспомощного потерпевшего может быть совершенно практически любое предусмотренное уголовным законодательством преступление, которое посягает на жизнь, здоровье, достоинство личности, на личную собственность граждан, а также преступления против общественного порядка и военной службы,

при этом научно-технический прогресс и развитие общественных отношений, катаклизмы, потрясающие нашу страну, вызывают к жизни новые, ранее не практиковавшиеся формы преступных проявлений, связанных с умышленным приведением жертвы преступления в беспомощное состояние либо с использованием уже существующего беспомощного состояния потерпевшего.

В условиях падения уровня жизни в стране участились случаи избавления криминальным путем от беспомощных членов семьи преступное завладение имуществом беспомощных лиц. Понятие беспомощности потерпевшего давно перешагнуло рамки некоего элемента в контексте отдельных составов преступлений, приобрело глобальный характер затрагивает не только материальное, но и процессуальное право. Несмотря на то, что защита прав и свобод потерпевших является одной из основных несущих конструкций правового государства, многие механизмы, обеспечивающие эффективную защиту прав беспомощных потерпевших, действуют неудовлетворительно, что обоснованно порождает у последних чувство безысходности и недоверия правоохранительным органам. К тому же, многие положения уголовного и уголовно-процессуального законодательства, касающиеся защиты жертв преступления, носят декларативный характер и не применяются на практике.

В юридической науке отсутствует четкое и однозначное понятие «беспомощное состояние потерпевшего», имеющее уголовно-правовое и криминологическое значение, не определены критерии его оценки; не в полной мере разработаны конкретные рекомендации по квалификации преступлений, совершаемых в отношении беспомощных потерпев-

Шикула Ильмира Рифкатьевна, кандидат юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник ФГКУ «ВНИИ МВД России», e-mail: ila.vnii@mail.ru

© Шикула И.Р., 2016

Статья получена 16.11.2015

ших, которые могут оказать существенную помощь сотрудникам правоохранительных органов при расследовании данной категории дел, слабо изучены психологические особенности беспомощных потерпевших, не до конца раскрыт механизм влияния различных сенсорных и умственных дефектов на поведение потерпевшего; не в полной мере исследовалась проблема виктимности беспомощных потерпевших как криминогенного фактора, влияющего на повышение степени общественной опасности преступных посягательств, а без составления виктимологической характеристики насильственных преступлений в отношении беспомощных лиц невозможно ожидать определенного успеха в области криминологической профилактики данных преступных посягательств.

На практике нередко возникают проблемы, связанные с квалификацией преступлений, совершенных в отношении лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии, т.к. «беспомощное состояние» относится к категории оценочных признаков и не получило однозначного толкования в документах высшего судебного органа.

Одним из основных изъянов любого закона, в частности уголовного, является смысловая и терминологическая полисемия термина.

К примерам такого рода следует отнести, в частности, признак «беспомощное состояние», который неоднозначно трактуется в теории отечественного уголовного права и практике использования его отдельных положений и статей. Подобное, прежде всего, относится к так называемым оценочным понятиям, которыми, по нашему мнению, так бесосновательно богат существующий УК РФ.

В соответствии с исследованиями, проведенными Е.В. Кобзевой, нормы 56,44% статей УК РФ 1996 года имеют оценочные признаки [1, с.14]. Из всего числа опрошенных нами сотрудников правоохранительной сферы (301 человек) 45,5% судей, 4,0% прокурорских работников, 19,8% адвокатов и 30,6% следователей сказали, что «беспомощное состояние» - это оценочная категория. На вопрос о том, необходимо ли официальное толкование понятия «беспомощное состояние» как оценочной категории, все респонденты дали утвердительный ответ.

Давая определение понятию беспомощное состояние, большая часть авторов, которые посвятили свои научные труды решению данного вопроса, раскрывает ее суть только посредством указания на категории людей, которые могут находиться в беспомощном состоянии, а именно: малолетних, пожилых, тяжелобольных, а также лиц, имеющих психические расстройства.

Впрочем, на этом солидарность авторов и заканчивается, хотя этот список находящихся в беспомощном состоянии у разных авторов включает от одного до двух, трех и более.

Так как у каждого автора названный список имеет открытый, а довольно часто еще и произвольный характер, то определения беспомощного состояния чаще всего обосновываются по известному народному изречению: «Сколько юристов, столько и мнений».

В связи с этим невозможно не согласиться с утверждением Плаксиной Т.А [2, с. 43], которая заметила, что «беспомощное состояние не стоит превращать в безразмерную категорию и подменять неспособность индивида активно сопротивляться неспособностью эффективно сопротивляться, что в конкретном случае могло бы предупредить смерть пострадавшего».

Самую оживленную дискуссию среди ученых вызывает установление категории лиц, которые в момент их убийства могут быть признанными находящимися в беспомощном состоянии, и, прежде всего, лиц, которые находятся в бессознательном состоянии, например, в состоянии сна или в состоянии сильного опьянения.

Так, например, А.И. Игнатов и Ю.А. Красиков [3, с. 43] относят к беспомощному состоянию малолетний возраст, физические изъяны, расстройство душевной деятельности, прочие болезненные или бессознательные состояния.

Н.К. Семернева к беспомощным потерпевшим относит пострадавших, которые не осознают происходящее по причине малолетства, нахождения в состоянии глубокого сна, сильного опьянения, обморока [4, с.125].

К лицам, находящимся в беспомощном состоянии, Л.В. Иногамова - Хегай, относит тяжелобольных и пожилых, малолетних детей, лиц, которые страдают психическими расстройствами, вследствие которых они лишены способности адекватно воспринимать действительность, а также лиц, которые находятся в состоянии сильного алкогольного опьянения, под влиянием наркотических препаратов или психотропных средств, в состоянии обморока, сна, гипноза и пр.[5, с. 19].

В судебной практике беспомощное состояние расценивается как неспособность лица в силу физического или психического состояния защитить себя, оказать активное сопротивление виновному, когда последний, совершая преступное посягательство, осознает это обстоятельство (п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 N 1 (ред. от 03.03.2015) «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)»).

К иным лицам, находящимся в беспомощном

состоянии, судебная практика также относит тяжелобольных, престарелых, лиц, страдающих психическими расстройствами, лишаящими их способности правильно воспринимать происходящее.

Это положение вышеуказанного постановления представляется нам очень важным, потому что обязанность осознания беспомощного состояния лежит не на потерпевшем, а на лице, совершающем преступное деяние.

По справедливому замечанию А. Е. Меркушова [6, с. 21], в основании квалификации по п «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ лежит не осознание потерпевшим опасности для жизни действий виновного, а осознание виновным факта того, что потерпевший находится в беспомощном состоянии. Не много ли чести для убийцы, чтобы перекладывать бремя сознания о наличии беспомощного состояния жертвы с его плеч на плечи потерпевшего, который зачастую лишен возможности как-либо реагировать на происходящее не по своей воле.

В противном случае большое число потерпевших при наличии у них беспомощного состояния: младенцы, старчески немощные люди, люди, страдающие психическим расстройством или находящиеся в силу ряда причин в бессознательном состоянии, состоянии сильной степени опьянения, спящие и т.п. – остаются беспомощными не только перед убийцей, но и перед уголовным законом.

Э. А. Саркисова тяжелое заболевание, невменяемость либо иное состояние (в частности, сон, алкогольное или наркотическое опьянение сильной степени) относит к числу факторов, создающих беспомощное состояние при убийстве [7, с.61].

Разделяя последние две точки зрения, все же считаем необходимым заметить, что череду авторских интерпретаций понятия беспомощного состояния вообще и применительно к составу убийства можно продолжать сколь угодно долго, но уже из того, что было нами проиллюстрировано, можно убедиться, насколько широк диапазон оценок, насколько разительны по своей сути подходы к решению анализируемой нами проблемы.

На доктринальную и правоприменительную оценку беспомощного состояния как квалифицирующего признака состава убийства вольно или невольно, но достаточно сильное влияние оказывало (кстати, оказывает и в настоящее время), во-первых, официальное и неофициальное толкование особой жестокости, которая в период действия УК РСФСР 1960г. охватывала своим содержанием и беспомощное состояние убитого; во-вторых, официальная трактовка беспомощного состояния применительно к составам сексуальной агрессии и, в частности, к составу изнасилования.

Дифференцируя индивидуальные особенности

человека (в том числе и психические), влияющие на степень переживаемых им страданий и используемые при учете меры переносимых страданий, Т.Будякова, прежде всего, называет болезнь, наличие увечья, преклонный возраст и другие подобные признаки, отражающие параметры беспомощности человека, наличие которых всегда усиливает нравственные или физические страдания, и в силу этого они, безусловно, должны учитываться при любых обстоятельствах [8, с.15].

В ряде уголовно-правовых источников как вариант беспомощности также указывается на «бессознательное состояние»: в частности, об этом упоминается в Артикулах Петра I и Уголовном кодексе Японии. Бессознательное состояние в контексте, например, УК Голландии обосновано не отождествляется с умственным недостатком или душевной болезнью потерпевшего, в силу которых он не способен или недостаточно способен проявить либо выразить свою волю по данному вопросу либо оказать сопротивление.

Беспомощное и бессознательное состояния не являются синонимами. Беспомощное состояние потерпевшего есть тогда, когда он может (физическая беспомощность) или не может (психическая беспомощность) сознавать окружающую его действительность, но в силу своего физического или психического состояния не может предотвратить грозящую его жизни опасность. Бессознательное состояние - это такое состояние человека, когда его сознание и воля зачастую на короткое время, но полностью блокированы психофизиологическими процессами и потому он не может предпринять меры к самосохранению при посягательстве на его жизнь.

Бессознательное состояние может быть в случаях сна, обморока, наркоза, сильной степени алкогольного либо наркотического опьянения, гипнотического безволия, шока, вызванного травмой, и тому подобных состояний. Причиной, вызывающей бессознательное состояние, могут выступать различные экстремальные ситуации, нередко спровоцированные виновным.

З. Фрейд понимал под бессознательным состоянием наличие прямых связей между неврастеническими симптомами и воспоминаниями травматического характера, которые не осознаются из-за действия особого защитного механизма вытеснения [9, с.426]. В плане изложенного вполне обоснованно говорить о бессознательном состоянии как об одном из вариантов беспомощности человека.

Мы разделяем данную позицию в силу следующих причин. Прежде всего, как верно замечает А. Н. Попов, не осознание «опасности в момент посягательства и бессознательное состояние - это

не одно и то же» [10, с.270].

Бессознательное состояние человека, в какой бы форме не проявило себя и вне зависимости от того, что именно лежало в основе его возникновения, и какой бы временной промежуток оно ни длилось, полностью лишает его возможности выразить свою волю, а тем более предпринять меры к самосохранению, если в данный период на его жизнь (при убийстве) происходит преступное посягательство.

Как мы убедились, мнения учёных и практических работников различны и в вопросах видовых проявлений беспомощности, и по поводу определения понятия «беспомощное состояние», которое требует учёта демографического, медицинского, психологического, правового и уголовно-правового содержания указанной категории.

В целях единообразного понимания беспомощного состояния потерпевшего необходимо внести в п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ действующего Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 N 1 (ред. от 03.03.2015) «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» следующие изменения, указав, что *«беспомощное состояние потерпевшего в уголовно-правовом смысле следует рассматривать как физическое, психическое или психофизиологическое состояние человека, при котором он лишен способности принимать меры, необходимые для самосохранения, в момент преступного посягательства на его жизнь, что обусловлено тяжким заболеванием, психическим расстройством, возрастом, умственной неразвитостью или бессознательным состоянием, внешними факторами.*

К физиологической беспомощности относится состояние человека, когда для него невозмож-

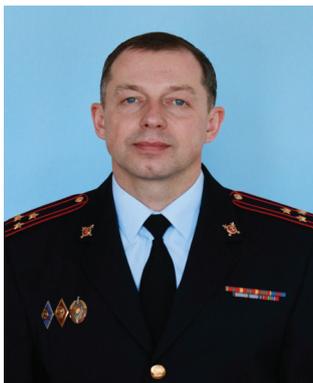
но активное вмешательство в окружающий мир и противодействие посягательству по причинам, заключающимся в процессах развития и жизнедеятельности человеческого организма (например, из-за заболевания, влияющего на общий тонус организма или двигательные функции, а также по причине младенческого или дряхлого возраста)

Психической беспомощностью следует считать неспособность потерпевшего понимать характер и значение совершаемых с ним действий из-за обратимых или необратимых процессов, протекающих в коре его головного мозга. К таким патологическим состояниям относятся психические заболевания, временные расстройства душевной деятельности, слабоумие, а также бессознательное состояние и состояние сильного опьянения.

К находящимся в беспомощном состоянии могут быть отнесены лица, страдающие психическими расстройствами или умственной недоразвитостью, лишаящими их способности правильно воспринимать происходящее; лица, находящиеся в бессознательном состоянии в силу обморока, коматозного состояния, глубокого сна (в том числе и летаргического), гипнотического безволия; малолетние; лица в состоянии старческой немощности или сильной степени алкогольного, наркотического или токсического опьянения (в том числе и патологического), а также иные лица, временное состояние организма которых в силу природных катаклизмов, а равно обстановка вынужденного и насильственного содержания которых исключала возможность оказать сопротивление виновному или предпринять иные меры самосохранения в момент их убийства».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кобзева Е.В. Оценочные признаки в уголовном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2002. 18 с.
2. Плаксина Т.А. Уголовная ответственность за убийство. Часть 2. Квалифицированные виды убийств со специальным потерпевшим (п. «а» - «г» ч. 2 ст. 105 УК РФ) / под ред. С.В. Землюкова. М.: Норма - Инфра, 2000. 250 с.
3. Игнатов А. Н., Красиков Ю.А. Курс российского уголовного права. В 2-х т. Т. 2. Особенная часть. М.: Норма-Инфра, 2002. 450с.
4. Семернёва Н.К. Квалификация преступлений (части Общая и Особенная): научно-практическое пособие. М.: Проспект, 2010. 380 с.
5. Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть. Конспект лекций /под ред. Л.В. Иногамовой - Хегай. М.: Норма – Инфра, 2002. 495с.
6. Меркушев А.Е. О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях, предусмотренных ст. 105 УК РФ // Бюллетень Верховного Суда РФ.1999. № 6.50 с.
7. Саркисова Э.А. Преступления против жизни и здоровья// Уголовное право Республики Беларусь. Особенная часть/ под общей ред. А.И. Лукашова.Минск, 2001. 325 с.
8. Будякова Т. Индивидуальные особенности потерпевшего как критерий степени нравственных физических страданий // Российская юстиция. 2003. № 2. С.15-20.
9. Фрейд З. Психология бессознательного. М.: Просвещение, 1990. 255 с.
10. Попов А.Н. Убийства приотягчающих обстоятельствах. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. 125с.

УДК 343.232

В. Н. Борков**РАЗГРАНИЧЕНИЕ КОРРУПЦИОННЫХ ПРОСТУПКОВ
И КОРРУПЦИОННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ
СОТРУДНИКАМИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ**

В статье исследуются актуальные проблемы сочетания мер уголовно-правового воздействия и дисциплинарной ответственности при осуществлении государственной политики в сфере противодействия коррупции. Автор анализирует смежные коррупционные правонарушения и криминообразующие признаки, которые позволяют отличить грубые нарушения служебной дисциплины, выразившиеся в нарушении антикоррупционных ограничений и запретов, от общественно опасных посягательств.

Ключевые слова: коррупционный проступок, коррупционное правонарушение, незаконное вознаграждение, взятка, использование государственного имущества, злоупотребление должностными полномочиями.

Осуществление государственной политики в сфере противодействия коррупции предполагает использование норм различной отраслевой принадлежности. Важнейшее предупредительное значение имеет правильное сочетание мер уголовно-правового воздействия и дисциплинарной ответственности. Подобно тому, как обеспечение справедливости является предназначением права, справедливое наказание за совершенное коррупционное правонарушение выступает целью правоприменительной деятельности. Обеспечение режима законности при осуществлении антикоррупционной функции государства достигается путем правильного решения вопросов отграничения общественно опасных посягательств, ответственность за которые предусмотрена в уголовном законодательстве, от дисциплинарных проступков.

В соответствии с ч. 2 ст. 14 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ (ред. от 05.10.2015) «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [1] на сотрудника органов внутренних дел распространяются ограничения, запреты и обязанности, установленные Федеральным законом от 25 декабря 2008 года № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» [2], и статьями 17, 18 и 20 Федерального закона от 27 июля 2004 года № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» [3]. Несоблюдение сотрудником ограничений и запре-

тов, а также сокрытие им фактов обращения к нему каких-либо лиц в целях склонения его к совершению коррупционного правонарушения является грубым нарушением служебной дисциплины. Проблема соотношения коррупционных проступков и коррупционных преступлений особенно актуальна при обращении к следующим запретам:

- заниматься предпринимательской деятельностью лично или через доверенных лиц, а также участвовать в управлении хозяйствующим субъектом;
- быть поверенным или представителем по делам третьих лиц в государственном органе, в котором он замещает должность;
- получать в связи с исполнением должностных обязанностей вознаграждения от физических и юридических лиц (подарки, денежное вознаграждение, ссуды, услуги, оплату развлечений, отдыха, транспортных расходов и иные вознаграждения);
- использовать в целях, не связанных с исполнением должностных обязанностей, средства материально-технического и иного обеспечения, другое государственное имущество, а также передавать их другим лицам.

Должностные лица должны иметь четкое представление об отграничении коррупционных дисциплинарных проступков от соответствующих должностных преступлений. Так, само по себе занятие предпринимательской деятельностью является для служащего грубым нарушением служебной дисциплины, выражающимся в нарушении запрета, уста-

Борков Виктор Николаевич, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права Омской академии МВД России, e-mail: borkovv@mail.ru

© Борков В.Н., 2016

Статья получена 07.12.2015

новленного законодательством Российской Федерации. Но в случае, если должностное лицо в ходе осуществления предпринимательской деятельности лично или через доверенное лицо, используя свои полномочия или положение, предоставляет своей организации льготы и преимущества или покровительствует ей в иной форме, ответственность должна наступать за преступление, предусмотренное ст. 289 УК РФ «Незаконное участие в предпринимательской деятельности».

Например, судебная коллегия по гражданским делам Вологодского областного суда признала обоснованным увольнение в связи с несоблюдением запрета сотрудника полиции, который лично систематически участвовал в управлении хозяйствующим субъектом, а именно торговыми точками, оформленными на его жену и брата. Полицейский координировал деятельность торговых точек, разрешал необходимые вопросы, забирал накладные, денежные средства из кассы, проводил собеседование при приеме на работу [4]. В свою очередь, в совершении преступления, предусмотренного ст. 289 УК РФ, обвинялся заместитель начальника следственного отдела, который одновременно управлял коммерческой организацией, осуществляющей деятельность по выращиванию декоративных растений. Сотрудник органов внутренних дел «...подписывал все документы, касающиеся финансово-хозяйственной деятельности организации, принимал на работу и увольнял работников, распоряжался денежными средствами организации. При этом, используя занимаемую должность в органах полиции, оказывал покровительство возглавляемой организации путем личного участия в проведении проверок надзирающими органами, склонения должностных лиц к лояльному проведению проверочных мероприятий» [5].

Адресованному служащим запрету получать в связи с исполнением должностных обязанностей вознаграждения и иные услуги имущественного характера от физических и юридических лиц соответствует уголовно-правовая норма, предусматривающая ответственность за получение взятки (ст. 290 УК РФ). Вопрос об отграничении взяточничества от дисциплинарного проступка не стоит, когда взятка заранее обусловлена конкретным поведением должностного лица или передается за совершение незаконных действий. Важно понимать, что критерием отграничения здесь не может выступать и сумма вознаграждения, передаваемого должностному лицу. В ст. 575 ГК РФ, якобы допускающей дарение служащим подарков стоимостью до трех тысяч рублей, исключение делается только для «обычных подарков». «Обычность» предполагает традиционность обстановки, в ко-

торой дарится подарок. Это общепринятая реакция на общепринятый повод, например, юбилей, профессиональные успехи, иные торжественные события. Одним из признаков обычного подарка является наличие неслужебных, возможно, приятельских отношений между одариваемым и дарителем. Вряд ли допустимо признавать обычным подарок должностному лицу от незнакомого или малоизвестного гражданина, даже если он преподнесен в день рождения. С другой стороны, обычным следует считать подарок подчиненного своему руководителю, если между ними, кроме служебных, существуют, что вполне нормально, хорошие товарищеские взаимоотношения.

Статья 575 УК РФ достаточно противоречива, так как, с одной стороны, в ней исключается запрет на дарение только обычных подарков, а с другой, таковыми фактически признаются подарки государственным служащим в связи с их должностным положением или в связи с исполнением ими служебных обязанностей. Следует подчеркнуть, что российское законодательство не дает оснований для поиска общих черт между взяткой и подарком. Должностное лицо, совершая преступление, предусмотренное ст. 290 УК РФ, получает взятку за использование своих служебных полномочий или положения в интересах дающего или представляемых им лиц. В свою очередь, ст. 572 ГК РФ подчеркивает, что при наличии встречной передачи вещи или права либо встречного обязательства договор не признается дарением. Кроме того, гражданское законодательство не может как устанавливать запреты для государственных служащих, так и делать из них исключения – это не его предмет регулирования. В ст. 575 ГК РФ, которая называется «Запрещение дарения», речь идет, скорее, о разновидности оснований признания сделки недействительной.

Таким образом, основное отличие преступления от коррупционного проступка здесь состоит в том, что взятка может быть получена за действия (бездействие) в пользу взяткодателя или предоставляемых им лиц, если такие действия входят в его служебные полномочия, или он в силу служебного положения может способствовать совершению подобных действий другими должностными лицами. В свою очередь, получение служащим вознаграждения только связано с исполнением им должностных обязанностей. Поэтому спорным является решение Главного управления МВД России по Воронежской области, которым руководитель одного из подразделений подполковник полиции К. был уволен в связи с совершением проступка, порочащего честь сотрудника органов внутренних дел. Согласно заключению служебной проверки, К. незаконно получил от подчиненного сотрудника – участкового

уполномоченного полиции Ш. - денежные средства за непривлечение последнего к дисциплинарной ответственности [6]. Исходя из приведенной в судебном решении факты, К. совершил не дисциплинарный проступок, а преступление – получение взятки за незаконные действия (ч. 3 ст. 290 УК РФ).

Заметим, что одним из возможных видов преступления, предусмотренного ст. 290 УК РФ, является получение взятки за общее покровительство или попустительству по службе, когда «... конкретные действия (бездействие), за которые она получена, на момент ее принятия не оговариваются взяткодателем и взяткополучателем, а лишь осознаются ими как вероятные, возможные в будущем» [7]. Здесь возникает проблема отграничения коррупционного проступка от преступления. Получается, если между чиновником и передающим ему материальные ценности лицом существует служебная или иная, вытекающая из служебного положения, зависимость и они осознают реальную возможность возникновения ситуации, когда должностное лицо будет принимать управленческие решения, предоставляющие гражданину права или освобождающие его от обязанностей, передачу и получение ими материальных ценностей следует квалифицировать как взятничество (ст.ст. 290 и 291 УК РФ). Но дисциплинарный проступок, состоящий в получении служащим вознаграждения, также связан с исполнением им своих обязанностей. Это не подарок супруги, родителей или родственников в связи с днем рождения. Выходит, что получение незаконного вознаграждения, как грубое нарушение служебной дисциплины, также как и получение взятки, связано с исполнением служебных обязанностей, обусловлено должностным положением государственного служащего и вытекающими из него возможностями. Последние предполагают полномочия по принятию управленческих решений, в том числе, и в отношении лица, которое передает материальные ценности, оказывает услуги имущественного характера.

Полагаем, различие состоит в особенности содержания общего покровительства или попустительства по службе как предполагаемого поведения должностного лица, за которое может быть получена взятка. В Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взятничестве и об иных коррупционных преступлениях» разъясняется, что «общее покровительство по службе может проявляться, в частности, в необоснованном назначении подчиненного, в том числе в нарушение установленного порядка, на более высокую должность, во включении

его в списки лиц, представляемых к поощрительным выплатам. К попустительству по службе относится, например, согласие должностного лица контролирующего органа не применять входящие в его полномочия меры ответственности в случае выявления совершенного взяткодателем нарушения» [7]. В соответствии с правовой позицией высшей судебной инстанции покровительство и попустительство – это необоснованные и незаконные действия (бездействие) руководителей, а также должностных лиц, осуществляющих контрольно-надзорные функции. Таким образом, в отличие от служащего, совершающего коррупционный проступок, взяткополучатель осознает, что получает материальное вознаграждение не просто в связи со своим должностным положением, а за реально возможные в будущем необоснованные и незаконные действия (бездействие) в интересах взяткодателя или представляемых им лиц.

Судебная коллегия по гражданским делам Кемеровского областного суда признала обоснованным представление прокурора в адрес руководителя УФССП России по Кемеровской области об устранении нарушений законодательства о гражданской государственной службе в части несоблюдения запрета на получение денежного вознаграждения от юридических лиц в связи с исполнением должностных обязанностей. Нарушение состояло в получении судебными приставами на основании постановлений главы одного из городских округов денежных премий в связи с «Днем судебного пристава», «Днем защитника Отечества», «Международным женским днем 8 Марта» [8]. В свою очередь, виновным в получении взятки за общее покровительство по службе признан С., который, являясь должностным лицом, получил денежные средства от предпринимателя при заключении договора о продаже государственной недвижимости. Чиновник обещал предпринимателю покровительствовать при получении его фирмой регистрационных удостоверений для осуществления обработки ювелирных изделий и драгоценных металлов, а также при проведении в будущем проверок [9]. В отличие от получившего взятку должностного лица, обещавшего возможные необоснованные преференции бизнесмену, судебными приставами не осознавалась возможность совершения в будущем каких-либо незаконных действий в интересах муниципалитета, передавшего им денежные средства.

Такой дисциплинарный проступок, как использование в целях, не связанных с исполнением должностных обязанностей, средств материально-технического и иного обеспечения, другого государственного имущества, а также передача их

другим лицам, следует ограничивать от злоупотребления должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ) и превышения должностных полномочий (ст. 286 УК РФ), совершенных из корыстной заинтересованности. В пункте 17 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16 октября 2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» прямо указывается, что «...злоупотребление должностными полномочиями из корыстной заинтересованности образуют такие деяния должностного лица, которые либо не связаны с изъятием чужого имущества (например, получение имущественной выгоды от использования имущества не по назначению), либо связаны с временным и (или) возмездным изъятием имущества» [10]. Получается, что объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 285 УК РФ, и дисциплинарного проступка может состоять в использовании государственного имущества в личных целях. При определении вида противоправности нужно учитывать, что обязательным признаком злоупотребления должностными полномочиями является существенное нарушение интересов личности, общества и государства, что не характерно для грубого нарушения служебной дисциплины. Таким образом, в качестве критерия, позволяющего ограничивать дисциплинарный проступок от коррупционного преступления (ст.ст. 285, 286 УК РФ), выступает такой криминообразующий признак должностного злоупотребления, как существенность нарушения интересов личности, общества и государства. По ч. 1 ст. 285 УК РФ были квалифицированы действия следователя, которая после вынесения постановления об изменении меры пресечения с ареста на залог, получив от законного представителя деньги, на депозит суда их не внесла, а приобрела себе шубу, намереваясь вернуть деньги позже. Сумма залога была возвращена начальником следственного отдела [11].

В Постановлении Верховного Суда Российской Федерации от 16 октября 2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» разъясняется, что «...при оценке

существенности вреда необходимо учитывать степень отрицательного влияния противоправного деяния на нормальную работу организации, характер и размер понесенного ею материального ущерба, число потерпевших граждан, тяжесть причиненного им физического, морального или имущественного вреда и т.п.» [10].

Как коррупционный дисциплинарный проступок следует оценивать, например, использование должностным лицом служебного автомобиля в личных целях. Так, заместитель начальника тыла одного из специальных подразделений МВД по Кабардино-Балкарской Республике был уволен со службы в органах внутренних дел за нарушение условий контракта, которое выразилось в использовании служебных транспортных средств при производстве строительных работ на территории частного домовладения, принадлежащего родителям его супруги [12]. В свою очередь, по ч. 1 ст. 286 УК РФ, предусматривающей ответственность за превышение должностных полномочий, были квалифицированы действия заместителя начальника Центра специального назначения вневедомственной охраны МВД России и инспектора группы организации эксплуатации автотранспорта, которые организовали перевозку граждан из аэропорта «Домодедово» за незаконное денежное вознаграждение на служебной автомашине «Форд» с проблесковыми маячками синего цвета и надписью «полиция». Следствием установлен факт незаконного получения сотрудниками полиции 210 тыс. рублей [13]. Приведенные примеры позволяют определить критерий ограничения коррупционного проступка от преступления применительно к фактам использования с корыстной целью служебного имущества. Если транспортные средства и другое государственное имущество используется разово, не систематически для удовлетворения личных интересов служащего и членов его семьи, то содеянное является грубым нарушением служебной дисциплины. Систематическое использование служебного имущества, фактически имеющего характер предпринимательской деятельности, в целях незаконного обогащения самого служащего или других лиц следует квалифицировать как коррупционное преступление.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Рос. газета. 2011. 7 дек.
2. Рос. газета. 2008. 30 дек.
3. Рос. газета. 2004. 31 июля.
4. Апелляционное определение Вологодского областного суда от 26 октября 2012 г. № 33-4322/2012// Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. В Адыгее в суд направлено уголовное дело в отношении бывшего сотрудника полиции, незаконно принимавшего участие в предпринимательской деятельности. URL: <http://genproc.gov.ru/smi/news/>

news-842504/ (дата обращения: 27.11.2015).

6. Апелляционное определение Воронежского областного суда от 19 декабря 2013 г. № 33-6507// Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

7. О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2013 г. № 24 // Рос. газета. 2013. 17 июля.

8. Апелляционное определение Кемеровского областного суда от 16 октября 2012 г. по делу № 33-10081// Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

9. Определение Верховного Суда РФ от 24 декабря 2002 г. № 9-О02-106// Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

10. Рос. газета. 2009. 30 октября.

11. Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 1997. № 4. С. 13.

12. Апелляционное определение Верховного суда Кабардино-Балкарской Республики от 24 июля 2014 г. по делу № 33-1174/2014// Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

13. Трое сотрудников полиции обвиняются в превышении должностных полномочий, связанном с незаконным использованием служебного транспорта и специальных средств. URL: <http://skrf.su/66069> (дата обращения: 27.11.2015).

УДК 343.17

В. Ю. Стельмах

ПОНЯТИЕ, ПРИЗНАКИ И ОСНОВАНИЯ ПРИОСТАНОВЛЕНИЯ ПРОИЗВОДСТВА ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

В статье систематизируются признаки приостановления предварительного расследования, анализируются предусмотренные уголовно-процессуальным законом основания и условия приостановления, обосновывается возможность приостановления дела в связи с обращением в Конституционный Суд Российской Федерации только на судебных стадиях уголовного судопроизводства, рассматриваются предложения по введению дополнительных оснований приостановления предварительного расследования.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, предварительное расследование, приостановление.

В уголовно-процессуальной науке под приостановлением предварительного расследования понимается временный перерыв в процессуальной деятельности, вызванный предусмотренными законом обстоятельствами [1]. Данное определение в целом верно, но не совсем точно. Анализ обстоятельств, являющихся основаниями приостановления расследования и указанных в ч. 1 ст. 208 УПК РФ, позволяет сделать важный вывод: все они связаны исключительно с невозможностью продолжения уголовного преследования в отношении конкретного лица и касаются только отсутствия подозреваемого или обвиняемого.

Все остальные обстоятельства, аналогичные по своей сути изложенным в ч. 1 ст. 208 УПК РФ и которые также могут значительно замедлить процесс доказывания по делу (например, неустановление места нахождения потерпевшего или свидетеля либо их заболевание), но не касающиеся лица, в отношении которого осуществляется уголовное преследование, не рассматриваются законодателем в качестве оснований для приостановления расследования.

Системный анализ законодательных положений позволяет сформулировать понятие приостановления предварительного расследования: это оформленный мотивированным постановлением следователя (дознателя) временный и вынужденный перерыв в осуществлении процессуальной деятельности по уголовному делу, наступающий при возникновении обстоятельств, прямо предусмотренных уголовно-процессуальным законом

и заключающихся в невозможности продолжения уголовного преследования подозреваемого или обвиняемого, сопровождающийся остановкой процессуальных сроков расследования, в течение которого невозможно установление процессуальным путем обстоятельств, подлежащих доказыванию, производство следственных действий, применение мер принуждения и принятие процессуальных решений, продолжающийся вплоть до отпадения соответствующих обстоятельств и принятия процессуального решения о возобновлении предварительного расследования.

Необходимо отметить, что в УПК РФ употреблены различные наименования данного правового феномена: «приостановление производства предварительного расследования», «приостановление предварительного расследования», «приостановление производства по уголовному делу». Вместе с тем все эти термины означают одно и то же и не имеют смысловой разницы.

Системный анализ законодательных положений позволяет выделить существенные признаки приостановления предварительного расследования.

1. Это перерыв в процессуальной деятельности, который носит временный характер и обусловлен наличием определенных обстоятельств, при отпадении которых предварительное расследование возобновляется. Приостановление расследования не является и не может являться окончательным решением по уголовному делу, поскольку оно обусловлено невозможностью выполнения главной задачи предварительного расследования – установ-

Стельмах Владимир Юрьевич, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса Уральского юридического института МВД России (г. Екатеринбург), e-mail: vlstelmah@mail.ru.

© Стельмах В.Ю., 2016

Статья получена 20.08.2015

ления лица, совершившего преступление, собирания доказательств его виновности и направления уголовного дела в суд для принятия решения по существу [2].

2. Данный перерыв имеет вынужденный характер [3]. Приостановление предварительного расследования – своего рода нарушение нормального хода указанной стадии судопроизводства, констатация того, что поставленные перед расследованием задачи выполнить не удалось и их реализация отложена до устранения соответствующих препятствий [4].

3. Приостановление расследования допускается исключительно из-за невозможности продолжения уголовного преследования конкретного подозреваемого или обвиняемого ввиду того, что данные лица либо не установлены как таковые, либо у следователя (дознателя) отсутствует физическая возможность совершения с ними процессуальных действий.

4. Приостановление допускается только при наличии одного из оснований, перечень которых исчерпывающим образом приведен в уголовно-процессуальном законе и не подлежит расширительному толкованию.

5. Приостановление расследования возможно лишь после производства всех следственных действий, которые могут быть проведены в отсутствие подозреваемого или обвиняемого (данный признак одновременно является и общим условием приостановления предварительного расследования, распространяющимся на все основания приостановления) [5].

5. Приостановление расследования производится по мотивированному постановлению следователя (дознателя).

6. Процессуальные сроки расследования в период приостановления производства по делу прекращают свое течение.

7. В период приостановления недопустимо осуществлять доказывание по делу, прежде всего, путем производства следственных действий, применять меры принуждения, принимать процессуальные решения (кроме решения о возобновлении расследования). Кроме того, после приостановления предварительного расследования должны быть отменены некоторые меры уголовно-процессуального принуждения, избранные до принятия соответствующего решения (например, такие меры пресечения, как заключение под стражу и домашний арест).

Именно потому, что приостановление производства по делу влечет прекращение процессуальной деятельности, его нельзя считать ни формой расследования, ни тем более самостоятельной стадией уголовного процесса, на чем настаивают отдельные

ученые [6].

Для приостановления предварительного расследования требуются основания и условия.

Основаниями приостановления предварительного расследования являются закрепленные в уголовно-процессуальном законе достоверно установленные реальные фактические обстоятельства, препятствующие продолжению и окончанию предварительного расследования, при отпадении которых оно должно быть продолжено [7].

Основания приостановления предварительного расследования исчерпывающим образом перечислены в ч. 1 ст. 208 УПК РФ. К ним относятся:

1. Лицо, подлежащее привлечению в качестве обвиняемого, не установлено (п. 1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ).

2. Подозреваемый или обвиняемый скрылся от расследования либо место его нахождения не установлено по иным причинам (п. 2 ч. 1 ст. 208 УПК РФ).

3. Место нахождения подозреваемого или обвиняемого известно, однако реальная возможность его участия в уголовном деле отсутствует (п. 3 ч. 1 ст. 208 УПК РФ).

4. Временное тяжелое заболевание подозреваемого или обвиняемого, удостоверенное медицинским заключением, препятствует его участию в следственных и иных процессуальных действиях (п. 4 ч. 1 ст. 208 УПК РФ).

В п. 3 ч. 1 ст. 238 УПК РФ содержится еще одно основание приостановления производства по делу – направление запроса в Конституционный Суд судом, рассматривающим дело, или жалобы невластным участником уголовного судопроизводства. Однако по смыслу закона приостановление производства по делу по данному основанию допускается только в судебных стадиях уголовного процесса, в ходе предварительного расследования указанное основание не применяется.

Такой вывод базируется не только на формальном расположении соответствующей нормы в главе, регламентирующей судебное производство, и том, что в п. 3 ч. 1 ст. 238 УПК РФ полномочие обращения в Конституционный Суд закреплено лишь за судом. Данные аргументы как раз не являются решающими, поскольку положения федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», по своей юридической силе превосходящего УПК РФ, предусматривают возможность обращения любых субъектов в Конституционный Суд с жалобой на неконституционность закона, применяемого в конкретном деле. Данное право является универсальным и не ограничивается ни видом судопроизводства (конституционное, гражданское, уголовное, административное), ни

тем более его стадией или этапом. Участник уголовного судопроизводства вправе по своему субъективному усмотрению расценить норму материального или процессуального закона, подлежащую применению в уголовном деле, противоречащей Конституции Российской Федерации. Если с точки зрения данного лица принятие окончательного решения в стадии предварительного расследования (направление дела в суд или прекращение уголовного преследования) зависит от толкования указанной нормы, соответствующее лицо может обратиться по данному поводу в Конституционный Суд. Следовательно, если даже необходимое правомочие прямо не закреплено в УПК РФ, лицо вправе реализовать его, ссылаясь непосредственно на федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации». Таким образом, принципиальная возможность обращения в Конституционный Суд с жалобой на конституционность закона, применяемого в конкретном уголовном деле, для участников уголовного судопроизводства существует не только в судебном разбирательстве, но и в стадии предварительного расследования.

Однако для установления того, имеются ли фактические основания для приостановления предварительного расследования в связи с обращением в Конституционный Суд, необходимо учитывать правовую природу данной стадии уголовного судопроизводства и характер принимаемых в ее ходе решений. Досудебное расследование является предварительным в том смысле, что оно производится до суда и для суда. Подавляющее большинство решений, принимаемых в ходе предварительного расследования, с точки зрения уголовного судопроизводства, в целом имеют промежуточный характер, поскольку окончательные решения по тем же самым фактам выносятся судом при рассмотрении дела по существу. В силу отмеченных обстоятельств законодатель, предоставляя возможность обжалования решений, принимаемых в процессе предварительного расследования, предусматривает, что такое обжалование должно производиться не в рамках отдельной стадии уголовного судопроизводства (как это имеет место при обжаловании приговора), а непосредственно во время расследования и в достаточно сжатые сроки, позволяющие вместить процедуру обжалования в стадию предварительного расследования.

Все изложенные факты свидетельствуют об одном: обжалование решений, принимаемых в стадии предварительного расследования, не должно радикальным образом затягивать производство на этой стадии и откладывать его на неопределенные длительные сроки, не позволяя тем самым перейти к судебному рассмотрению дела. Именно такие

последствия могут наступить, если допустить возможность приостановления расследования из-за обжалования кем-либо из участников решений, принятых на данной стадии уголовного судопроизводства. Иными словами, значимость решений, принимаемых в ходе предварительного расследования, для уголовного судопроизводства в целом не настолько велика, чтобы проверка их обоснованности влекла приостановление расследования.

Данный подход в полной мере разделяется правоприменительной практикой, приостановление предварительного расследования в связи с обращением в Конституционный Суд в практической деятельности не производится.

Действующая конструкция уголовно-процессуального закона означает, что по иным основаниям, кроме перечисленных в ч. 1 ст. 208 УПК РФ, приостанавливать производство предварительного расследования недопустимо. Такие решения, если они были приняты, незаконны и подлежат отмене. В практической деятельности подобные случаи, к сожалению, имеют место. Например, до относительно недавнего времени достаточно часто по делам о причинении вреда здоровью, по дорожно-транспортным преступлениям производство предварительного расследования приостанавливалось в связи с длительным заболеванием потерпевшего. Это было связано с тем, что методики проведения судебно-медицинской экспертизы допускали возможность определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью потерпевшего, только после полного завершения им лечения, продолжавшегося подчас несколько месяцев. Пытаясь избежать продления сроков расследования для проведения судебно-медицинской экспертизы, следователи принимали решение о приостановлении производства предварительного расследования в связи с заболеванием потерпевшего. Вместе с тем данное основание приостановления расследования не предусмотрено УПК РФ, поэтому указанные решения являлись надуманными и незаконными и традиционно отменялись надзорными органами.

В юридической науке были высказаны предложения о расширении перечня оснований приостановления предварительного расследования за счет, в частности, таких обстоятельств, как заболевание потерпевшего [8], необходимость восстановления утраченного уголовного дела [9], и даже достижение согласия обвиняемого с потерпевшим о возмещении ущерба с целью их последующего примирения и прекращения уголовного дела [10].

Представляется, однако, что законодательное расширение перечня оснований приостановления предварительного расследования не требуется. Во всяком случае, недопустимо приостанавливать

производство по уголовному делу из-за его утраты или соглашения о примирении между обвиняемым и потерпевшим. В обоих случаях ничто не мешает, осуществляя дальнейшее производство по делу, производить следственные действия, собирать доказательства, а также восстанавливать утраченные материалы уголовного дела. Кроме того, представляется очевидным, что при примирении обвиняемого и потерпевшего, при наличии предусмотренных законом условий, уголовное дело может быть прекращено, и совершенно непонятно, зачем предвзят принятие этого итогового решения временным приостановлением производства по делу.

Заболевание потерпевшего, конечно, является гораздо более серьезным обстоятельством, объективно затрудняющим процесс доказывания по уголовному делу. Вместе с тем практически во всех случаях существует реальная возможность получения доказательственной информации из альтернативных источников. Кроме того, в правовом государстве принципиально недопустима ситуация, когда движение уголовного дела останавливается по обстоятельствам, не связанным с отсутствием в распоряжении органов предварительного расследования и суда лица, виновного в совершении преступления [11].

Установленные в ч. 1 ст. 208 УПК РФ основания приостановления предварительного расследования в одинаковой мере применимы к обеим формам расследования – и предварительному следствию, и дознанию. При этом необходимо учитывать, что по смыслу закона приостановление расследования при производстве дознания в сокращенной форме невозможно. Данная форма дознания введена в уголовный процесс для максимального ускорения досудебного производства по делу и направлено исключительно на направление дела в суд. Подтверждением этого являются и сжатые сроки дознания в сокращенной форме, и единственная предусмотренная законом форма его окончания – составление обвинительного постановления и направление дела прокурору, а затем в суд (ст. 2267 УПК РФ). Поэтому, если в ходе производства дознания в сокращенной форме возникнут основания для приостановления расследования, перед принятием решения о приостановлении дознания должно быть вынесено постановление о производстве дознания в общей форме.

Помимо оснований, уголовно-процессуальный закон предусматривает общие и специальные условия приостановления предварительного расследования.

Общие условия требуются для приостановления производства по делу по всем основаниям, а специальные – только по некоторым.

Общими условиями приостановления предварительного расследования являются следующие обстоятельства.

1. Отсутствие оснований для прекращения производства по делу. Приостановление не должно использоваться для маскировки дефектов расследования (прежде всего – необоснованного предъявления обвинения). При одновременном наличии оснований для прекращения и приостановления производства должно приниматься решение о прекращении уголовного дела, поскольку именно данное решение, в отличие от приостановления, является окончательным.

2. Производство всех следственных и иных процессуальных действий, возможных в отсутствие подозреваемого или обвиняемого. Это правило позволяет своевременно собрать по уголовному делу доказательства и не допустить их утраты.

Некоторыми процессуалистами выделяется такое общее условие приостановления расследования, как доказанность оснований приостановления [12]. Думается, однако, что такой подход является результатом смешения понятий. Основания и условия – различные категории, существующие в известной мере «параллельно» друг другу. Условия дополняют основания, выступая определенными добавочными требованиями ко всем или некоторым основаниям. Условия не должны «накладываться» на основания и «перекрывать» их. Категория «доказанности оснований» относится именно к самим основаниям, характеризуя их реальную обоснованность, а не является отдельным условием приостановления расследования.

Специальные условия относятся к отдельным основаниям приостановления (одному или нескольким). Выделяются следующие специальные условия.

1. Для оснований, предусмотренных п. 1 и 2 ч. 1 ст. 208 УПК РФ (в связи с неустановлением лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого, и с неустановлением местонахождения подозреваемого или обвиняемого) – истечение срока расследования. При этом имеется в виду не первоначальный срок расследования (2 месяца для предварительного следствия и 30 суток для дознания), а существующий на момент принятия решения о приостановлении. В случае если срок расследования продлен руководителем следственного органа или прокурором (в зависимости от формы расследования), приостановить расследование возможно только после полного истечения этого срока. Использованная законодателем формулировка «по истечении срока» означает, что датой приостановления производства по делу будут последние сутки соответствующего срока. Если окончание

срока выпадает на выходной или праздничный день, принятие решения о приостановлении расследования может быть принято как в этот день, так и в первый рабочий день. Вместе с тем в практической деятельности органов предварительного следствия и дознания правило о возможности принятия решения о приостановлении предварительного расследования в первый рабочий день не используется. Следователи и дознаватели, как правило, выносят соответствующее постановление в последний день срока, независимо от того, выпадает он на рабочий или выходной день.

Приостановление расследования по основаниям, предусмотренным п. 3 и 4 ч. 1 ст. 208 УПК РФ (в связи с невозможностью участия в деле подозреваемого или обвиняемого или временным тяжелым заболеванием подозреваемого или обвиняемого, препятствующим его участию в следственных и иных процессуальных действиях), допускается и до истечения срока расследования. Такое решение может быть принято непосредственно после установления указанных обстоятельств.

2. Для оснований, предусмотренных п. 1 и 2 ч. 1 ст. 208 УПК РФ (в связи с неустановлением лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого, и с неустановлением местонахождения подозреваемого или обвиняемого) – обязанность следователя (дознателя) лично принять меры по установлению соответствующих лиц.

3. Для оснований, установленных п. 2-4 ч. 1 ст.

208 УПК РФ (в связи с тем, что подозреваемый или обвиняемый скрылся от расследования либо место его нахождения не установлено, когда место нахождения подозреваемого или обвиняемого известно, однако реальная возможность его участия в уголовном деле отсутствует, а также в случаях при наличии у подозреваемого или обвиняемого временного тяжелого заболевания, препятствующего его участию в следственных и иных процессуальных действиях) – наличие по делу подозреваемого или обвиняемого как участников уголовного судопроизводства. Недопустимо приостановление расследования по указанным основаниям в отношении лица, имеющего по делу процессуальный статус свидетеля либо вообще не наделенного самостоятельным процессуальным статусом.

4. Для основания, предусмотренного п. 2 ч. 1 ст. 208 УПК РФ (в связи с тем, что подозреваемый или обвиняемый скрылся или его местонахождение не установлено) – объявление розыска соответствующего лица. Данное условие не зафиксировано непосредственно в тексте УПК РФ, но однозначно следует из смысла закона и выдерживается правоприменительной практикой. Это совершенно правильно, поскольку только объявление розыска может выступать официальным юридическим подтверждением того, что лицо действительно скрывается от уголовного преследования, а также производимой работы по установлению его местонахождения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Манова Н.С., Францифоров Ю.В. Уголовный процесс: краткий курс лекций. 8-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2014. С.81; Уголовно-процессуальное право: учебник для бакалавриата и магистратуры / под общ. ред. В.М. Лебедева. 2-е изд., перераб и доп. М.: Издательство Юрайт, 2014. С.623; Уголовный процесс: учебник / под ред. В.С. Балакшина, Ю.В. Козубенко, А.Д. Прошлякова. М.: Волтерс Клувер, 2011. С.472-473.
2. Зиннуров Ф.К. Уголовно-процессуальное законодательство, регламентирующее предварительное следствие по делам, по которым не установлено лицо, совершившее преступление // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2011. № 3. С.72; Уголовный процесс: учебник для вузов / под ред. Б.Б. Булатова, А.М. Баранова. 4-е изд., перераб. и доп. М., Издательство Юрайт; ИД Юрайт, 2013. С.354; Уголовный процесс: учебник для вузов / под ред. В.П. Божьева. 4-е изд., перераб. и доп. М., Издательство Юрайт; ИД Юрайт, 2014. С.291.
3. Кривонос И.С. Понятие института приостановления досудебного расследования как временного прекращения уголовной процессуальной деятельности // Вестник Воронежского института МВД России. 2013. № 3. С.195.
4. Кулеева И.Ю. Понятие и значение приостановления предварительного следствия // Современное право. 2007. № 11-1. С.65.
5. Уголовный процесс: учебник для бакалавров / под ред. А.И. Бастрыкина, А.А. Усачева. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2014. С.266; Солодовник В.В. Уголовно-процессуальные проблемы института приостановления предварительного следствия: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2011. С.8.
6. Рябчиков В.В. Приостановление и возобновление предварительного расследования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2006. С.7.
7. Павлик М.Ю., Солодовник В.В., Роганов С.А., Николаева Т.Г. Особенности правового регулирования оснований приостановления предварительного следствия // Вестник Санкт-Петербургского универси-

тета МВД России. 2012. Т.54. № 2. С.109.

8. Королев М.В. Приостановление предварительного следствия в связи с психическим или иным тяжким заболеванием обвиняемого: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2000. С.9; Скоморохов О.Н. Альтернативные основания приостановления уголовного дела // Вестник Владимирского юридического института. 2009. № 4. С.135-136.

9. Сергеев К.А. Приостановление предварительного расследования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2002. С.31.

10. Черкасова Е.К. Правовое регулирование приостановления и возобновления предварительного расследования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2004. С.19.

11. Клюкова М.Е. Приостановление дела в советском уголовном процессе. Казань, 1990. С.86.

12. Вандышев В.В. Уголовный процесс. Общая и Особенная части: учебник для юридических вузов и факультетов. М.: Волтерс Клувер, 2010. С.208.

УДК 343.156

А. А. Юнусов

Н. Н. Мазина

ВИДЫ РЕШЕНИЙ СУДА АПЕЛЛЯЦИОННОЙ ИНСТАНЦИИ КАК ЭЛЕМЕНТ ПРОЦЕССА ЭФФЕКТИВНОЙ АПЕЛЛЯЦИОННОЙ ЗАЩИТЫ

В статье, в контексте новелл, внесенных Федеральным законом № 433-ФЗ от 29 декабря 2010 года, исследуются проблемы принятия решения судом апелляционной инстанции при отказе прокурора от обвинения в апелляционном суде, а также при примирении сторон.

Ключевые слова: суд апелляционной инстанции; отказ прокурора от обвинения; апелляционное определение; прекращение уголовного дела; примирение; приговор; подсудимый; прокурор.

Анализ оптимальности обновленной апелляционной проверки объективно требует обсуждения видов актов суда, принимаемых по итогам реализации этой формы судебной защиты. По идее, этот вопрос не должен вызывать затруднений в своем понимании, поскольку виды итоговых актов суда апелляционной инстанции исчерпывающе определены законодателем непосредственно в нормах ст. 389.20 УПК РФ. Столь же исчерпывающе приведено нормативное разъяснение элементов их содержания (ст. 389.21-389.33 УПК РФ). Дополнительно законодатель поясняет, что в случаях, предусмотренных пп. 1, 4, 7-10 ч. 1 ст. 389.20 УПК РФ, суд апелляционной инстанции оформляет итоговое решение апелляционным определением или постановлением. При вынесении итогового акта по основаниям пп. 2, 3, 5 ч. 1 ст. 389.20 УПК РФ суд обязан постановить апелляционный приговор. При постановлении решения, предусмотренного п. 6 ч. 1 ст. 389.20 УПК РФ, суд (в зависимости от ситуации) вправе постановить как приговор, так и апелляционное определение или постановление.

Общеизвестно, что перечень приведенных решений не должен оцениваться апелляционными судебными составами как а priori исчерпывающий.

В соответствии с разъяснениями, предложенными в постановлении Пленума № 26 от 27 ноября 2012 года, суд апелляционной инстанции также вправе отменить обвинительный приговор и вынести определение (постановление) об освобождении лица от уголовной ответственности или наказания и применении к данному лицу принудительных мер медицинского характера. Правомерным является и решение суда об отмене обвинительного приговора и вынесении апелляционного определения (постановления) о прекращении уголовного дела в отношении несовершеннолетнего подсудимого с применением к нему принудительной меры воспитательного воздействия.

В. Смирнов уточняет, что вполне легитимным будет также решение суда о снятии уголовного дела с апелляционного рассмотрения и возвращении его в суд первой инстанции для устранения обстоятельств, препятствующих рассмотрению по существу. Суть указанных препятствий, прежде всего, в нормах ст. 389.6 и 389.7 УПК РФ; при этом эти обстоятельства не были своевременно устранены и устранены при подготовке дела к апелляционному пересмотру [1].

Как видим, и законодатель, и высшая судебная

Юнусов Ахат Ахнафович, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и процесса Института экономики, управления и права (г. Казань). e-mail: axatuk@rambler.ru

Мазина Наталья Николаевна, мировой судья судебного участка № 10 г. Набережные Челны, РТ

© Юнусов А.А., 2016

© Мазина Н.Н., 2016

Статья получена 19.01.2016

инстанция страны, и доктрина допускают весьма широкое дискреционное усмотрение апелляционного состава суда в определении видов итоговых апелляционных решений. Указанная дискреция не могла не сказаться, как на практике отправления правосудия в данном процессуальном порядке, так и на подходах деятелей российской уголовно-процессуальной доктрины, озвучиваемых публично. Несмотря на крайне незначительный срок функционирования этой формы судебной защиты, и практика апелляционной формы проверки, и доктрина все весомее ставят вопросы:

- о значении акта отказа прокурора от обвинения в суде апелляционной инстанции и легитимных видах решений суда в указанной ситуации [2, 3];
- о (потенциальной) возможности и процессуальных последствиях для процесса апелляционной проверки возможного примирения сторон непосредственно в апелляционном суде [3, с.66];
- о юридических основаниях оформления итоговых решений суда апелляционным определением или апелляционным приговором [4, с.25-26; 2, с.58,60-61];
- о перечне и сути неустраняемых нарушений закона, императивно обязывающих суд апелляционной инстанции к отмене приговора (иного судебного акта) и направлении дела на новое судебное разбирательство в суд нижестоящей инстанции (направлении его прокурору) [2,4,5; с.53-54];
- о правовых последствиях для видов итоговых решений суда изменения квалификации содеянного непосредственно в ходе разбирательства в апелляционном суде [4].

Каждый из поставленных вопросов в той или иной мере связан с категорией правосудности итоговых актов суда, принимаемых по итогам апелляционной проверки. В данном случае правильное их разрешение, как представляется, должно быть оценено в неразрывной диалектической связи, как с назначением данной формы судебной защиты, так и в контексте оптимальности предложенной законодательной воли, которая либо нуждается в уточнении, либо в принципе исключает дискуссии и коллизии текущего правоприменительного процесса. Исключительно с этих позиций определимся в подходах по сути каждой из предложенных к обсуждению проблем.

Правовые последствия отказа прокурора от обвинения в апелляционном суде. Прежде всего, укажем, что в ходе реализованного нами исследования не выявлено ни одного из указанных фактов. Не известно о наличии подобных отказов и в практике Верховного Суда РФ. На данное обстоятельство, в частности, справедливо указывает М. С.Шалумов [3]. Тем не менее, подходы к решению данной кол-

лизии обозначены и, видимо, нуждаются в обсуждении.

Д. В. Сопов, например, отмечает, что производство в суде апелляционной инстанции реализуется по правилам гл. 35-39 УПК РФ, но с установленными законом изъятиями (ч. 1 ст. 389.13 УПК РФ). Относительно акта прокурора, связанного с отказом от обвинения в апелляционном суде, нормы ст. 389.13 УПК РФ оговоренных изъятий не содержат. Следовательно, при возможном отказе прокурора от обвинения в ходе апелляционной проверки суду следует руководствоваться общими положениями ч. 7 ст. 246 УПК РФ, принимая указанный отказ в качестве императива. Следствием последнего должно быть безусловное прекращение уголовного дела по основаниям пп. 1 и 2 ч. 1 ст. 24 и пп. 1 и 2 ч. 1 ст. 27 УПК РФ. При этом по смыслу чч. 1, 2 ст. 389.20 и ст. 389.21 УПК РФ решение должно выноситься в форме апелляционного определения [2]. По сути, из аналогичных позиций исходит судья Нижегородского областного суда А. К. Аниканов [6, с.13-20].

Отметим, указанный автор не поясняет: должны ли приниматься указанное решение апелляционным судом с учетом правовых позиций и итоговых выводов, изложенных Конституционным Судом РФ в Постановлении № 18-П от 8 декабря 2003 года, или указанные позиции не служат императивом для апелляционной формы проверки. Между тем, по сути конституционных позиций, отказ прокурора от обвинения может быть принят судом лишь по исследовании всех доказательств по делу в рамках судебного следствия и заслушивании позиций сторон. Тем самым, перед судом апелляционной инстанции объективно заявлен вопрос о предмете и пределах апелляционной проверки и непосредственном исследовании доказательств по делу, как императиве для деятельности. Однако последнее, как отмечается целым рядом исследователей, не очень «приветствуется» обновленным апелляционным судом. Не указывает Д. В. Сопов и на необходимость отмены приговора суда первой инстанции перед актом прекращения производства по делу, что объективно формирует кассационные основания к проверке и отмене постановленного апелляционного акта. Наконец, не можем мы согласиться с указанным автором в вопросе о том, что итоговое решение в исследуемой ситуации должно оформляться в виде апелляционного определения. Основания для этих сомнений в нормах ч. 8 ст. 302 УПК РФ. По смыслу последних в суде апелляционной инстанции, вследствие указанного отказа, вполне могут объявить себя основания для постановления оправдательного приговора или для вынесения приговора обвинительного (Указанные противоречия отмечаются и практи-

кующими судьями [4]). Не учитывать указанные моменты, повторимся, изначально формировать основания для кассационной/надзорной проверки итоговых апелляционных актов суда.

Принципиально отлична в этом вопросе позиция судьи Верховного Суда РФ М. С. Шалумова, который, прежде всего, отмечает отсутствие единства мнений при обсуждении исследуемой проблемы в Верховном Суде РФ, в т. ч. при подготовке разъяснений пленума. Указанный автор исходит из правовых позиций Конституционного Суда РФ, приведенных в Определении № 295-О от 21 декабря 2000 года по жалобе гр. Красильникова С. Е. [7], согласно которым отказ прокурора от обвинения может иметь место только при рассмотрении дела в суде первой инстанции. В дальнейшем прокурор может выступать лишь в качестве «рядового» апеллятора или кассатора, оспаривая своим представлением те или иные моменты неправосудности приговора. В связи с этим суды вышестоящих инстанций в принципе не обязаны следовать позициям прокурора. Иное, резюмируется, подрывает основы отправления правосудия исключительно судом, ставит отправление указанной деятельности в зависимость от воли иных заинтересованных лиц [3]. Отсюда, по мнению М.С. Шалумова, в суде апелляционной инстанции прокурор максимум может отказаться от притязаний, изложенных в представлении. Последнее, в зависимости от ситуации, видимо, влечет полное прекращение апелляционной проверки либо ее продолжение, но уже в пределах и предмете ревизионных усилий апелляционного состава суда.

Указанные подходы, признаем, более продуктивны; однако в той ситуации, когда апелляционная форма защиты трактуется и применяется исключительно как форма контроля за правосудностью обжалованных актов суда, а не нового и всестороннего рассмотрения дела по существу более опытным и компетентным составом суда. Последний подход к назначению апелляционной формы защиты, как известно, также широко обсуждаем. И с этих позиций право прокурора на отказ от поддержания обвинения в вышестоящем суде видится не столь абсурдным и невозможным. Дело в итоге «за малым» – в обеспечении реального права сторон на эффективность установленной апелляционной защиты, которая так широко декларируется ссылками законодателя на нормы главы 35-39 УПК РФ.

Примирение сторон в апелляционном суде. М.С. Шалумов, к примеру, считает, что ситуация, при которой потерпевший заявляет о примирении с подсудимым в апелляционном суде и, соответственно, требует прекращения уголовного дела, не принципиально отлична от ситуации, связанной с

отказом прокурора от обвинения. Отсюда, итоговый вывод, согласно которому законность, обоснованность и справедливость приговора суда первой инстанции не может быть поставлена в фактическую зависимость от изменившегося к моменту апелляции мнения частного лица/апеллятора. Правомерность данного вывода, полагает указанный автор, подтверждается буквальная законодательной волей. Анализируя полномочия апелляционного суда отменить приговор и прекратить уголовное дело при наличии оснований, предусмотренных ст.ст. 24, 25, 27 и 28 УПК РФ (ст. 389.21 УПК РФ), М.С. Шалумов прямо подчеркивает, что данная воля закона относится не к основаниям апелляционной отмены приговора, а к основаниям последующего прекращения уголовного дела. Соответственно, настаивает он, суть воли, изложенной в нормах ст. 389.21 УПК РФ, должна трактоваться исключительно в диалектической связи с нормами ст. 389.15 УПК РФ, более подробно расшифрованными в ст.ст. 389.16-389.18 УПК РФ.[3]

Сложно согласиться с данным подходом. Во-первых, в силу того, что отказ прокурора от обвинения и примирение потерпевшего с подсудимым, как основание к прекращению дела – суть не тождественные правовые явления. Как отмечалось, при отказе прокурора от обвинения суд императивно обязан проверить, как все доказательства по данному делу, так и заслушать и исследовать позиции иных заинтересованных лиц. Во многом в основе этой позиции полное отсутствие в российском уголовном процессе фигуры субсидиарного обвинителя в лице потерпевшего, которому посредством (выше) указанных действий-гарантий пытаются обеспечить хотя бы видимость соблюдения интересов и прав в суде первой инстанции. Примирение сторон, напротив, обязывает суд к безусловному прекращению дела, ибо если последнее не было прекращено при наличии оснований, установленных нормами ст. 254 УПК РФ, в наличии безусловное основание к отмене приговора – ввиду существенного нарушения уголовно-процессуального закона (п. 1 ч. 2 ст. 389.17 УПК РФ). В связи с этим, возразим М.С. Шалумову, нет и не может быть непреодолимых противоречий между нормами ст. 389.21 УПК РФ (обязывающими суд прекратить уголовное дело по основаниям ст. ст. 25, 27 или 28 УПК РФ) и нормами ст. 389.15 УПК РФ (достаточно определенно указывающими на данные основания). Первые указывают апелляционному составу суда на императивную обязанность прекращения дела при наличии установленных оснований; вторые – на процессуальное основание для отмены приговора суда первой инстанции, перед принятием указанного

(выше) решения. Продолжение апелляционного процесса в указанной ситуации – исключительно по воле суда, если возможно, то лишь в ревизионном порядке и при наличии столь существенных нарушений закона, которые в принципе несовместимы с правосудностью итоговых актов суда, с сутью реализованного правосудия.

О сути неустранимых нарушений закона, обязывающих суд апелляционной инстанции к отмене приговора и направлению дела на новое судебное разбирательство в суд нижестоящей инстанции (направлению прокурору). Как известно, в нормах главы 45.1 УПК РФ российский законодатель в принципе не воспринял известное правило эвокации, обязывающее суд апелляционной инстанции всегда при наличии существенных нарушений закона принимать меры к всестороннему и полному рассмотрению уголовного дела и разрешению спора по существу. Настаивая на наличии (якобы) неустранимых нарушений закона и объективной невозможности их исправления эффективными средствами апелляционной проверки, российский законодатель сформулировал однозначный, по сути, посыл, согласно которому в указанной ситуации приговор всегда подлежит отмене, а дело направлению на новое рассмотрение в суд нижестоящей инстанции (или прокурору). Ни перечня, ни объективных критериев указанных нарушений законодатель при этом не привел. Данный пробел законодательной воли отчасти восполнен разъяснениями пленума, который в п. 19 Постановления № 26 пояснил, что неустранимыми в суде апелляционной инстанции следует признавать такие нарушения фундаментальных основ уголовного судопроизводства, последствием которых является процессуальная недействительность предыдущего производства по делу. По сути, речь идет о фундаментальных нарушениях закона, которые применительно к обновленной кассации или надзору (гл. 47.1 и 48.1 УПК РФ) позволяют ставить вопрос не просто об опровержении приговора, вступившего в законную силу, а об основаниях поворота к худшему в положении осужденного, о преодолении правила *non bis in idem*.

Указанный подход отчасти оправдан и призван к объяснению, в силу каких обстоятельств указанные нарушения не могут быть исправлены эффективными апелляционными средствами и высоким профессионализмом более опытного и компетентного состава суда. Несколько настораживает, правда, то обстоятельство, что в качестве необходимых ориентиров указанных нарушений (пленумом) названо лишь рассмотрение дела незаконным составом суда и нарушение правил подсудности. Складывается впечатление, что либо у высших судебных инстан-

ций страны явные затруднения с пониманием указанных нарушений, либо позиция принципиальна и вопрос о сути и перечне указанных нарушений отдан на усмотрение судей и доктрины.

Как первые, так и вторые вполне ожидаемо отреагировали своим пониманием сути указанных нарушений. К примеру, А. В. Кудрявцева и В. П. Смирнов при исследовании данной проблемы, с одной стороны, апеллируют к нормативному содержанию ч. 2 ст. 389.17 УПК РФ, усматривая в последней явные критерии фундаментальности и неустранимости искомых нарушений. С другой стороны, тут же оговариваются, что не все из юридических норм данной статьи могут служить апелляционным основанием для направления дела на новое рассмотрение в суд нижестоящей инстанции. Непредоставление подсудимому последнего слова в суде первой инстанции или возможности его участия в судебных прениях, как они полагают, нарушения существенные, но исправимые и вполне могут быть исправлены в апелляционном суде, не требуя столь кардинальных, по сути, решений [4; 1, с.100].

Система рассмотренных выше коллизий диалектически связана с проблемой **юридических оснований оформления итоговых решений суда апелляционным определением или апелляционным приговором.** Мы отчасти обозначили подходы в этом вопросе, дискутируя по сути указанных выше проблем. Тем не менее, практика апелляционного производства практически ежедневно являет примеры новых сторон данной проблемы, нюансы которых также требуют определенности.

К примеру, зам. председателя Челябинского областного суда Российской Федерации В. Смирнов ставит на обсуждение вопрос: какие виды решений должны быть приняты апелляционным судом в ситуации, когда по делу осуждено несколько подсудимых, а суд апелляционной инстанции приходит к выводу о необходимости оправдания одного из них? При ответе на данный вопрос он же считает в принципе неприемлемыми позиции тех оппонентов, которые полагают, что в исследуемой ситуации может быть вынесено два вида решений: (1) приговор об отмене обвинительного приговора суда первой инстанции в отношении одного из осужденных и его оправдании; (2) апелляционное определение об изменении или оставлении без изменения приговора суда первой инстанции в отношении иных осужденных.

Изначальная ошибочность данного подхода, по мнению В. Смирнова, заключается в том, что действующий уголовно-процессуальный закон не предусматривает возможности одновременного вынесения двух итоговых апелляционных решений. Следовательно, резюмирует он, в указанной

ситуации должно быть вынесено апелляционное определение, которым будет отменен обвинительный приговор в отношении одного осужденного. Этим же определением будет принято решение о прекращении уголовного дела в отношении данного подсудимого по ст. 24 или ст. 27 УПК РФ, а также о признании за ним права на реабилитацию. Наконец, этим же определением апелляционный суд изменяет или оставляет без изменения приговор суда первой инстанции в отношении иных осужденных [1, с.99-100; 2, с.60-61].

По идее, все согласовано; однако ранее уже отмечалось явное несоответствие предлагаемых подходов нормам ч. 8 ст. 302 УПК РФ, согласно которым суд (в рамках рассмотрения дела по существу) не вправе вынести решение о прекращении уголовного дела по реабилитирующим основаниям, а обязан постановить оправдательный приговор. При прямом указании законодателя на нормы гл. 35-39 УПК РФ, как на явные императивы для апелляционного состава суда, предлагаемое В. Смирновым решение, как видим, уже не будет бесспорным; особенно в части прекращения дела. В данной связи, видимо, надо ставить на обсуждение вопрос о вынесении нового приговора, в резолютивной части которого должно быть обосновано решение об оправдании одних подсудимых и осуждении других [1]. Однако, на наш взгляд, указанный вариант лишен методологической точности и вряд ли уместен.

Вместе с тем согласимся с (высказанными) подходами, согласно которым суд апелляционной инстанции вовсе не обязан к постановлению нового приговора, а может исправить допущенное нарушение посредством вынесения апелляционного определения (постановления):

– при неправильном разрешении судом первой инстанции вопросов, связанных с разрешением гражданского иска по делу (определение об изменении приговора);

– при необходимости исправления в приговоре суда первой инстанции явной технической описки, не ставящей под сомнение суть итоговых выводов суда первой инстанции (определение об изменении приговора);

– когда посредством назначенной экспертизы суд апелляционной инстанции убедился во вменяемости осужденного и законности и обоснованности постановленного в суде первой инстанции приговора (определение об оставлении приговора без изменения);

– в ситуации, связанной с изменением оснований оправдания подсудимого в оправдательном приговоре суда первой инстанции (определение об изменении приговора);

– при отмене или изменении незаконных про-

межуточных решений суда первой инстанции с вынесением апелляционным судом прямо противоположных решений (например, об избрании меры пресечения - заключение под стражу - вопреки «отказному» решению суда первой инстанции [8]);

– при наличии оснований для прекращения апелляционного производства, которые имели место при назначении процесса проверки, но не были своевременно выявлены судьей, изучавшим апелляционные отзывы, возражения, дело (ненадлежащий субъект обжалования, отзыв жалобы, требование проверки решения, не подлежащего самостоятельному обжалованию). [1, с.99-104]

Отдельно должен быть рассмотрен вопрос о видах решений суда апелляционной инстанции и в той ситуации, когда по итогам проверки возникает вопрос об **изменении квалификации содеянного** в итоговом решении суда. Практика апелляционной проверки свидетельствует, что указанная необходимость, как правило, возникает в тех ситуациях, когда:

(1) судом первой инстанции правильно установлены фактические обстоятельства уголовного дела, но в итоговом приговоре указанным обстоятельствам дана неверная юридическая оценка;

(2) судом первой инстанции изначально неверно установлены действительные фактические обстоятельства дела, что в итоге, в качестве причинно-следственной связи, повлекло неправильную квалификацию содеянного в итоговом приговоре суда. [4]

В первой ситуации в наличии нет спора сторон относительно фактической стороны содеянного. Сторона презюмируется установленной достоверно. Она не оспаривается сторонами. Указанное в принципе не требует непосредственного исследования доказательств апелляционным составом суда, проблема лишь в правильной юридической переоценке содеянного и отраженного в приговоре. В этом отношении для исправления допущенной в нижестоящем суде ошибки нет необходимости в постановлении нового приговора, более качественном или «количественном» его обосновании системой «перепроверенных» в апелляции доказательств; ошибка легко исправляется апелляционным определением суда об изменении приговора.

Вторая ситуация принципиально отлична. Здесь судом первой инстанции изначально неверно установлена именно фактическая сторона спора; выводы судей, изложенные в приговоре, в принципе не соответствуют объективной реальности; внутреннее убеждение суда оторвано от имеющихся фактических данных. Как следствие – неверное описание в приговоре фактической стороны спора, неверная оценка доказательств, во многом искусственное обоснование итоговых выводов суда по основному вопросу уголовного дела. Устранить указанное

нарушение путем сугубо логически-мыслительной (оценочной) деятельности апелляционного состава суда – в принципе невозможно. Суд апелляционной инстанции просто обязан самостоятельно, непосредственно исследовать доказательства, сформировать на этой основе внутреннее убеждение, дать самостоятельную юридическую оценку содеянно-

го. Все это возможно лишь посредством вынесения и обоснования нового приговора, призванного полностью заменить собой акт суда первой инстанции. В связи с этим дискреционное усмотрение апелляционных судебных составов, на наш взгляд, в принципе исключено.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Смирнов В. О видах решений суда апелляционной инстанции по уголовным делам // Уголовное право. 2014. № 1. С. 99.
2. Сопов Д.В. Применение норм УПК РФ об апелляции: вопросы практики // Уголовный процесс. 2013. № 9.
3. Шалумов М.С. Апелляция в уголовном процессе: спорные вопросы и развитие // Уголовный процесс. 2013. № 10.
4. Кудрявцева А.В., Смирнов В.П. Решения, принимаемые судом апелляционной инстанции // Уголовный процесс. 2013. № 7.
5. Туленков Д.П. Применение новых норм об апелляции в судебной практике // Уголовное право. 2013. № 7.
6. Аниканов А. К вопросу об определении предмета апелляционного рассмотрения // Апелляция: реалии, тенденции и перспективы: Матер. всерос. межвед. научно-практ. конф. к 75-летию Нижегородского областного суда (г. Нижний Новгород, 24-25 октября 2013 г.). М.: «Акцион-Медиа», 2013. С. 13-20.
7. Определение Конституционного Суда РФ № 295-О от 21.12.2000 «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гр. Красильникова С.Е. на нарушение его конституционных прав ч. 1 ст. 379 и ч. 1 ст. 380 Уголовно-процессуального кодекса РФ».
8. Апелляционное определение СК по уголовным делам Челябинского областного суда № 10-1469/13.

УДК 343.985

А. И. Музеев

О МЕРАХ ПО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЮ АНАЛИТИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ПО БОРЬБЕ С ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТЬЮ

В статье на основе анализа данных, полученных в ходе научного исследования, рассмотрен один из элементов организации оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел (ОРД ОВД) в сфере борьбы с организованной преступностью. Предложены меры по совершенствованию аналитического обеспечения ОРД ОВД в названной сфере.

Ключевые слова: организованная преступность, оперативно-розыскная деятельность, аналитическая работа.

Изучение проблем информационного обеспечения оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел приводит к основному выводу о том, что извлечение значимой оперативно-розыскной информации предполагает работу с большими массивами неструктурированных данных, сведений, сообщений и требует использования самых разнообразных знаний. В этой связи можно утверждать, что «получение собственно оперативно-розыскной информации происходит уже в процессе аналитической обработки некоторых информационных продуктов» [1, с. 61]. Поэтому термин «информационное обеспечение» все чаще стал замещаться терминами «информационно-аналитическое обеспечение», «информационно-аналитическая работа», «аналитический поиск».

Как показал опыт работы оперативных подразделений органов внутренних дел, первичных сведений о криминальных проявлениях организованных преступных структур (ОПС), полученных в ходе оперативного поиска, бывает недостаточно. Требуется расширение информационного пространства с сочетанием аналитической обработки данных, необходимых для выявления и документирования организованной преступной деятельности. В связи с этим оперативно-розыскная деятельность подразделений по борьбе с организованной преступностью дополняется новым весьма существенным качеством, основанным на сочетании оперативного поиска информации с аналитическим поиском.

Это подтверждается данными, полученными в

ходе проведенных исследований – большинство специалистов (51%) оценивают состояние аналитической работы по борьбе с организованной преступностью как удовлетворительное, при том что объем информации, необходимой для качественного и всестороннего анализа оперативной обстановки, остается недостаточным.

В этой связи особое место в информационно-аналитической работе по борьбе с организованной преступностью отводится такому ее компоненту, как аналитический поиск. В литературе новые направления аналитического обеспечения ОРД в борьбе с организованной преступностью, помимо приведенного термина, обозначаются различными категориями: «аналитическая разведка», «информационная разведка», «криминальная разведка», «компьютерная разведка» [3, с. 171; 4, с. 13].

Суть аналитического поиска, по мнению некоторых исследователей, составляет совокупность мероприятий по осмыслению, анализу и обобщению информации о криминогенных и иных процессах и явлениях, происходящих в государстве и обществе, а также получению на этой основе новых знаний, необходимых для принятия решений в борьбе с преступлениями определенного вида [5].

Аналитический поиск в самом общем виде можно определить как «разведку в информационной среде» [о сущности информационной среды: 6,7,8] и с другой стороны – как «получение новых знаний о разведываемом объекте или явлении на основе аналитической обработки добытой разведывательной информации и сведений об извест-

Музеев Айдар Иршатович, кандидат юридических наук, доцент кафедры оперативно-розыскной деятельности Казанского юридического института МВД России, e-mail: a_mouzeev@mail.ru

©Музеев А.А., 2016

Статья получена 22.07.2016

ных фактах»[1, с. 318].

По целям и задачам аналитический поиск как часть оперативно-розыскной деятельности по борьбе с организованной преступностью можно условно разделить на поиск стратегической и тактической информации.

К стратегической информации можно отнести сведения о тенденциях развития организованной преступности, коррумпированности властных структур, контроле над средствами массовой информации, о возможностях, намерениях организованных групп и преступных сообществ (ОГ и ПС), их уязвимости по отношению к действиям правоохранительных и иных государственных органов.

Тактическая информация – это сведения о конкретных организованных группах, лицах и фактах их преступной деятельности, имеющие значение для достижения ближайших (конкретных) целей и служащие основой для принятия решений по частным (локальным) проблемам борьбы с преступностью.

Следует иметь в виду, что конечные результаты и объективность выводов аналитического поиска зависят от ряда факторов:

- качества получаемой информации;
- квалификации и достаточного числа исполнителей-аналитиков и наличия условий для их работы (42,1% из числа респондентов, непосредственно осуществляющих борьбу с бандитизмом, указали на отсутствие навыков аналитической работы у сотрудников оперативных подразделений ОВД. [2, с. 172]);

- адекватности применяемых методов анализа особенностям конкретно решаемой оперативной задачи; способности и желания лица, принимающего решение, воспринимать результаты анализа и его готовности использовать эти результаты при выработке и принятии управленческого решения [3, с.187].

Таким образом, аналитический поиск в целом более четко обозначает состояние организованной преступности в регионах, отграничивает ее от неорганизованных групповых преступных проявлений. Это позволяет сконцентрировать усилия оперативных подразделений ОВД как на борьбе с ОПС, так и решении проблем борьбы с серийными, получившими общественный резонанс преступлениями, совершаемыми организованными группами и преступными сообществами (организациями).

Осуществление информационно-аналитических функций имеет особое значение в условиях, когда оказалась разрушенной единая система подразделений по борьбе с организованной преступностью, а система информационного обеспечения еще не выстроена. Функционирование в Главном управ-

лении уголовного розыска МВД России Управления организации борьбы с организованной преступностью общеуголовной направленности (УОБОП) диктует необходимость решения комплекса задач, обеспечивающих информационно-аналитическое обеспечение подразделений ОВД по борьбе с организованной преступностью, включающее:

- 1) построение собственной вертикали системы информационного и аналитического обеспечения подразделений уголовного розыска органов внутренних дел на региональном, окружном и федеральном уровнях;

- 2) организацию информационного взаимодействия подразделений органов внутренних дел по борьбе с организованной преступностью с подразделениями оперативно-розыскной информации, созданных на всех уровнях системы органов внутренних дел;

- 3) осуществление по горизонтали информационного взаимодействия с другими оперативными подразделениями, иными службами ОВД;

- 4) организацию информационного взаимодействия между подразделениями ОВД по борьбе с организованной преступностью с оперативными подразделениями других правоохранительных органов и спецслужб России.

Мы поддерживаем мнение специалистов о том, что для налаживания эффективной аналитической работы в каждом органе внутренних дел необходимо образовать инфраструктуру, обеспечивающую потребности различных ее субъектов, – единое информационное пространство оперативных подразделений данного ОВД [9, с.280].

Опираясь на результаты проведенного нами исследования, мы полагаем, что элементы данной инфраструктуры должны быть представлены, в том числе, подразделениями уголовного розыска, осуществляющими информационно-аналитическое обеспечение борьбы с организованной преступностью.

В качестве названных подразделений нами предлагается выделить в штате подразделений уголовного розыска территориальных органов внутренних дел регионального уровня отделения (группы) информационно-аналитического поиска.

В целях определения задач и функций данных подразделений нами разработано примерное Положение об отделении (группе) информационно-аналитического поиска (О(Г)ИАП) (по линии борьбы с организованной преступностью) в составе управления уголовного розыска МВД по республике, ГУ МВД, УМВД России по иному субъекту РФ.

Основными задачами О(Г)ИАП, в соответствии с названным Положением, определены:

- организация информационно-аналитического

обеспечения оперативно-розыскной деятельности ОВД по борьбе с организованной преступностью;

- использование единой для подразделений по борьбе с организованной преступностью ОВД системы сбора, обработки, хранения и реализации оперативно-розыскной и иной информации о преступных группах, преступных сообществах (организациях), бандах, их участниках, проявлениях организованной преступности и коррумпированных должностных лицах органов государственной власти и управления;

- проведение единой технической политики по автоматизации процессов информационно-аналитического обеспечения ОРД. Внедрение современных средств вычислительной техники и пакетов

прикладных программ, систем защиты информации от несанкционированного доступа;

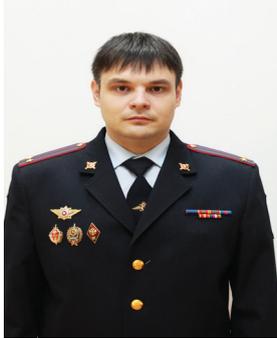
- разработка и реализация концепции информатизации подразделений ОВД по борьбе с организованной преступностью.

В заключение необходимо отметить, что информационно-аналитическое обеспечение является важнейшим элементом организации оперативно-розыскной деятельности ОВД по борьбе с организованной преступностью. Информационно-аналитическое обеспечение в исследуемой сфере является фундаментом для планирования, прогнозирования и осуществления оперативно-розыскной деятельности, принятия оптимальных управленческих решений, контроля за их выполнением.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Овчинский С. С. Оперативно-розыскная информация. Теоретические основы информационно-прогностического обеспечения оперативно-розыскной и профилактической деятельности органов внутренних дел по борьбе с организованной преступностью. М., 2000. 367 с.
2. Музеев А.И. Организация оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел по борьбе с бандитизмом: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. 475 с.
3. Климов М. В. Организация оперативно-розыскной деятельности подразделений по борьбе с организованной преступностью МВД России в субъектах Российской Федерации: дис... канд. юрид. наук. М., 2001. 337 с.
4. Яппаров Р. М. Автоматизированные информационные системы подразделений по борьбе с организованной преступностью: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. 282 с.
5. Ларичев В. Д., Исаров О.Б. Актуальные проблемы теории оперативно-розыскной деятельности ОВД по обеспечению экономической безопасности. М.: ВНИИ МВД России, 2007.
6. Смирнов М. А. Информационная среда и развитие общества. URL: <http://emag.iis.ru/arc/infosoc/emag.nsf/BPA/ed5b20026789b14ac3256d0600676a7f> (дата обращения: 05.01.2016).
7. Пронина Л. А. Современная информационная среда как новая форма бытия человека. URL: <http://analiculturolog.ru/component/k2/item/177> (дата обращения: 05.01.2016).
8. Петрова Е. В. Человек и информационная среда: проблемы взаимодействия. URL: <http://www.congress2008.dialog21.ru/Doklady/16410.htm> (дата обращения: 05.01.2016).
9. Яковец Е. Н. Основы совершенствования аналитической работы в сфере оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел // Информатизация и информационная безопасность правоохранительных органов. М.: Академия управления МВД России, 2011.

УДК 343.10

А. А. Хайдаров**СОЕДИНЕНИЕ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ**

В статье рассматриваются проблемы, возникающие при соединении уголовных дел, из-за несоответствия процессуальных статусов участников уголовного процесса при параллельном расследовании этих уголовных дел. Кроме того, обозначается проблема возбуждения уголовного дела следователем и дознавателем по двум и более составам преступления. При этом обосновывается вывод о том, что возбуждать уголовные дела по двум и более составам преступления имеют право только руководитель следственного органа и прокурор в соответствии с процессуальными правилами соединения уголовных дел.

Ключевые слова: соединение уголовных дел, выделение уголовных дел, правомочия руководителя следственного органа, правомочия прокурора, правовой статус подозреваемого по уголовному делу, возбуждение уголовного дела.

Проблемы, возникающие при соединении уголовных дел либо при их не соединении, продолжают оставаться актуальными в следственно-судебной практике Российской Федерации.

Так, в настоящее время подготовлен новый законопроект №938850-6 «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» [1], где предлагается предусмотреть в УПК РФ новую статью 239.2 следующего содержания: «По поступившим уголовным делам суд при наличии оснований, предусмотренных настоящим Кодексом, вправе принять решение о соединении уголовных дел в одно производство». Несмотря на то, что законопроект в итоге был отклонен Советом Федерации ФС РФ, вопросы соединения уголовных дел являются предметом обсуждения на законодательном уровне.

Мы обнаружили явное несоответствие положений законопроекта теории уголовного процесса в части, касающейся института предъявления обвинения и субъекта предъявления обвинения. Очевидно, что объем обвинения после соединения уголовных дел в суде изменится в сторону его увеличения. Из текста законопроекта можно сделать вывод, что суд (судья) выступает в роли обвинителя и распоряжается уголовным иском по своему усмотрению. Кроме того, законопроектом не учитываются случаи, если другое уголовное дело рассматривается судом (судьей) другого уровня. Мы предлагаем воздержаться от предоставления суду

(судьей) полномочий, направленных на увеличение объема обвинения. Данный вопрос должен оставаться прерогативой стороны обвинения.

Проблема возникновения конфликтов уголовных дел в случае их несоединения руководителем следственного органа (прокурором) либо выделения уголовного дела в отдельное производство, а также пути решения этих конфликтов ранее уже были обозначены в литературе [2, с.150-155].

В настоящей статье мы подробно рассмотрим конфликты уголовных дел, возникающие из-за несоответствия процессуальных статусов участников уголовного процесса при параллельном расследовании этих уголовных дел.

Так, например, в соответствии со ст. 422 УПК РФ уголовное дело в отношении несовершеннолетнего, участвовавшего в совершении преступления вместе с лицом, достигшим совершеннолетия, может быть выделено в отдельное производство. Актуальным является вопрос о процессуальном статусе, который приобретает несовершеннолетний подозреваемый (обвиняемый) в случае необходимости его допроса (очной ставки) по делу, по которому продолжается производство в отношении совершеннолетнего подозреваемого (обвиняемого).

Представляется противоречивой ситуация, когда он будет допрашиваться в качестве подозреваемого по уголовному делу, по которому в отношении него уголовное преследование не осуществляется, поскольку подозреваемым (обвиня-

Хайдаров Альберт Анварович, кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры уголовного процесса Казанского юридического института МВД России, e-mail: skywriter_al@mail.ru

©Хайдаров А.А., 2016

Статья получена 04.07.2016

емым) по этому делу он не является.

По нашему мнению, по этому уголовному делу недопустимо допрашивать несовершеннолетнего подозреваемого (обвиняемого) и в качестве свидетеля, поскольку процессуальный статус свидетеля не соответствует его фактическому статусу. Возможность не свидетельствовать против самого себя, если он будет допрашиваться по первому уголовному делу в качестве свидетеля, полностью статус несовершеннолетнего подозреваемого (обвиняемого) не покрывает. Однако, очевидно, что определенными правами несовершеннолетний по первому уголовному делу обладает, например, правом пользоваться услугами адвоката бесплатно.

В связи с этим интересным является пример решения такого конфликта в уголовном процессе Швейцарии. Согласно п. f ст.178 УПК Швейцарии в качестве лица, являющегося источником сведений, может быть допрошено лицо, обвиняемое в преступлении, которое взаимосвязано с данным преступлением, но расследуется в другом производстве [3, с. 92]. Очевидно, что это лицо по УПК Швейцарии имеет определенный процессуальный статус по уголовному делу, по которому оно допрашивается не в качестве обвиняемого, но он отличен от статуса по уголовному делу, по которому это лицо является обвиняемым.

С точки зрения теории уголовного процесса, разработка правового статуса таких участников уголовного процесса в отечественном уголовном процессе является актуальной. По нашему мнению, этот статус должен иметь строго определенный характер, а наименование не имеет существенного значения. Мы не имеем возражений против наименования этого лица участником уголовного процесса, являющимся источником сведений.

Выявив подобное противоречие, мы столкнулись с еще одним подобным случаем. В соответствии с п. 3 ч.1 ст. 153 УПК РФ уголовные дела могут быть соединены в одно производство в отношении лица, обвиняемого в заранее не обещанном укрывательстве преступлений, расследуемых по этим уголовным делам.

В теории уголовного права под укрывательством преступлений в ст. 316 УК РФ понимается заранее не обещанное сокрытие преступника, орудий или средств совершения преступления, следов преступления либо предметов, добытых преступным путем. Очевидно, что преступление, предусмотренное ст. 316 УК РФ, не может совершить лицо, совершившее основное преступление. Речь идет об ином лице.

Профессор В. П. Малков подчеркивал, что заранее не обещанное укрывательство следует отличать от укрывательства, являющегося соучастием в пре-

ступлении. Если обещание скрыть преступника, добытые им в результате совершения преступления ценности и имущество, орудия и средства совершения преступления было дано до совершения лицом преступления, то укрывательские действия рассматриваются как пособничество в совершении преступления (п. 5 ст. 33). Если речь идет о соучастии, то соединение уголовных дел должно быть произведено по п.1 ч.1 ст. 153 УПК РФ.

В случае если идет речь о другом лице (предположим, что руководитель следственного органа соединяет в одно производство два уголовных дела по п. 3 ч.1 ст. 153 УПК РФ), то получается, что следователь должен параллельно расследовать два преступления, безусловно, связанных между собой, но одно лицо обвиняется в совершении основного (особо тяжкого) преступления, а другое лицо обвиняется по ст. 316 УК РФ. Таким образом, следователь должен составить два постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого по разным преступлениям. Интересным представляется вопрос о том, каково должно быть содержание обвинительного заключения по такому соединенному делу. Очевидно, что в обвинительном заключении будут указаны данные двух обвиняемых и описание двух разных преступлений.

По нашему мнению, смысл такого процессуального действия как соединение уголовных дел в данном случае теряется, поскольку по уголовному делу параллельно существуют два подозреваемых (обвиняемых). При этом каждый из них не является подозреваемым (обвиняемым) по вменяемому другому подозреваемому преступлению. В данном случае следует рассмотреть вопрос о введении в ходе предварительного следствия института уведомления о подозрении в совершении конкретного преступления. Предположим, что по такому уголовному делу следователь принимает решение о производстве очной ставки между подозреваемыми, то получается, что один из них подозревается в одном преступлении, а второй - в другом преступлении. Получается, подозрения разные, подозреваемые разные, преступления разные, хотя и связаны между собой, а уголовное дело одно.

Преступлений, которые могут быть соединены в одно производство по такому принципу, можно предложить, значительное количество. Содержание некоторых статей УК РФ, указанных в ч.6 ст. 151 УПК РФ, может рассматриваться как самостоятельное основание для соединения уголовных дел. Например, уголовное дело, возбужденное при признаках преступления, предусмотренного ст. 307 УК РФ, может ли быть соединено в одно производство с основным уголовным делом? Очевидно, что такого основания в УПК РФ не пред-

усматривается, а значит, в этом случае эти два уголовных дела должны расследоваться параллельно.

Таким образом, необходимы научные обоснования существования п.3 ч.1 ст. 153 УПК РФ в отечественном уголовно-процессуальном законе. Может показаться, что мы ратуем за продолжение расширения круга оснований по такому принципу и выделение перечня преступлений, по которым такое соединение возможно. Но это не так. Мы рекомендуем отказать от данного основания для соединения уголовных дел, поскольку практическая значимость этого основания сомнительна. Два различных преступления, совершенные разными лицами, должны расследоваться в разных уголовных делах.

Нас могут критиковать за то, что параллельное расследование двух уголовных дел не экономит силы и средства органов предварительного следствия. Однако попробуем взглянуть на эту проблему с другой стороны. Почему именно только эти составы преступлений могут расследоваться совместно, а как быть с другими аналогичными составами.

В заключение статьи мы обозначим и другую проблему, существующую в практике органов предварительного следствия и дознания при расследовании двух преступлений в одном уголовном деле.

На факультете профессиональной подготовки, переподготовки и повышения квалификации КЮИ МВД России были опрошены дознаватели (следователи), которые отметили, что случаи возбуждения уголовных дел по двум и более преступлениям не являются редкими. Например, один из следователей указал на возбуждение им в одном постановлении уголовного дела по признакам составов преступлений, предусмотренных ч.2 ст. 162 УК РФ и ч.2 ст. 325 УК РФ, один из опрошенных дознавателей указал на возбуждении им уголовного дела о преступлениях, предусмотренных ст. 119 УК РФ и п. «д» ч.2 ст. 117 УК РФ.

Напомним, что в соответствии с ч.3 ст. 153

УПК соединение уголовных дел, находящихся в производстве следователя, производится на основании постановления руководителя следственного органа. Соединение уголовных дел, находящихся в производстве дознавателя, производится на основании постановления прокурора.

Однако в случае возбуждения уголовного дела следователем (дознавателем) по двум преступлениям решение о расследовании этих преступлений в одном производстве принимает не руководитель следственного органа (прокурор). Мы задались вопросом, а законно ли принятие решения следователем (дознавателем) о начале производства расследования по двум преступлениям в одном производстве. Мы должны отрицательно ответить на данный вопрос, поскольку подобное решение находится в исключительной компетенции руководителя следственного органа (прокурора).

Следователь (дознаватель) лишь вправе принять решение о возбуждении уголовного дела в отношении одного преступления, а затем подобное решение в отношении – другого. Затем поставить вопрос о возможности соединения этих уголовных дел перед руководителем следственного органа (прокурором). Законным следует признать процессуальное решение о возбуждении уголовного дела руководителем следственного органа по двум и более преступлениям в одном постановлении, а затем передача такого дела для расследования следователю. Подобной возможности у дознавателя не существует: прокурор не может возбудить уголовное дело в принципе.

По нашему мнению, правовым последствием возбуждения уголовного дела следователем (дознавателем) по двум и более преступлениям в одном постановлении должно стать признание по такому уголовному делу всех собранных доказательств недопустимыми.

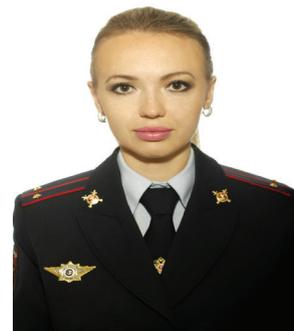
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. О внесении проекта Федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части наделения суда правом соединения в одно производство)» [http://asozd2c.duma.gov.ru/addwork/scans.nsf/ID/0FC335F609E6165543257F0900256ED4/\\$FILE/938850-6.PDF?OpenElement](http://asozd2c.duma.gov.ru/addwork/scans.nsf/ID/0FC335F609E6165543257F0900256ED4/$FILE/938850-6.PDF?OpenElement)
2. Хайдаров А.А. Причины возникновения конфликтных ситуаций по уголовным делам и пути их решения // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2016. № 2 (25).
3. Трефилов А.А. Уголовно-процессуальный кодекс Швейцарии от 5 октября 2007 года. М.: НИПКЦ Восход-А, 2012. 224 с.

УДК 316.482.5: 342.724:3.08:351.745

А. А. Коноплева

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КРОСС-КУЛЬТУРНЫХ
ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ В КОНТЕКСТЕ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ
ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

Статья посвящена изучению специфики осуществления правоохранительной деятельности в условиях поликультурного общества. Отдельное внимание уделяется особенностям деятельности сотрудников ОВД в многонациональной Республике Крым. Даны рекомендации по предупреждению конфликтов на межкультурной почве в среде правоохранительных органов.

Ключевые слова: правоохранительная деятельность, этнопрофайлинг, Республика Крым, кросс-культурные взаимодействия.

В современном обществе происходит резкая интенсификация кросс-культурных взаимодействий, проявляющаяся в бурном росте прецедентов коммуникации. Открытость границ и свобода доступа к информации значительно ускоряют процессы информационного обмена, что делает межкультурные взаимодействия более насыщенными и требует подготовленности носителей культур к контактам. Масштабность происходящих процессов вовлекает в коммуникацию практически все государства, мировые культуры и социальные слои, создавая новые угрозы для мирового сообщества. Возникший сегодня раскол подтверждает пессимистичные предположения С. Хантингтона относительно того, что в недалеком будущем самые значительные мировые конфликты и кровопролитные войны будут разворачиваться как раз на междивизиационной почве, что связано не только с наличием сложнейших политических и экономических проблем, но и резкой поляризацией взглядов на проблемы духовной жизни народов.

Неоспоримым является тот факт, что изучение культурных особенностей в современном поликультурном мире приобретает чрезвычайно большое значение в контексте осуществления профессиональной деятельности. Культурные особенности, будучи индикатором уровня эрудиции специалиста, в его профессиональной деятельности также позволяют избежать ошибок, которые часто становятся причиной радикальных проявлений.

Не является исключением и деятельность сотрудников правоохранительных органов. Специфика правоохранительной деятельности заключается

не только в защите и охране права как такового, но и оказании мер по предупреждению его нарушения. Учитывая разветвленную структуру правоохранительных органов, следует отметить, что межкультурные контакты являются наиболее актуальными для правоохранительной деятельности органов внутренних дел (далее – ОВД). В силу своей специфики работа сотрудников ОВД предполагает постоянное общение с представителями разнообразных социальных слоев, этнических и культурных групп. Это требует развития высокого уровня кросс-культурной осведомленности полицейского, что способствует предупреждению межкультурных конфликтов и позволяет направить коммуникацию в верное русло, а значит, предоставляет больше возможностей для выполнения служебных обязанностей. В свою очередь, игнорирование в профессиональной деятельности культурных отличий чревато снижением эффективности проводимых ОВД мероприятий, подрывом авторитета правоохранительных органов в глазах населения, а также разжиганием межнациональной вражды.

Исходя из вышеизложенного, цель нашего исследования заключается в анализе современных аспектов организации кросс-культурных взаимодействий как основы межнационального согласия поликультурных регионов, отражающихся на процессе осуществления деятельности сотрудников правоохранительных органов. Реализация намеченной цели предполагает решение следующих задач: рассмотреть специфику кросс-культурных взаимодействий в многонациональном обществе; изучить основные проблемы кросс-культурного

Коноплева Анна Алексеевна, кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Крымского филиала Краснодарского университета МВД России, e-mail: konoplyova.artcrimea@gmail.com

©Коноплева А.А., 2016

Статья получена 20.08.2015

характера, влияющие на деятельность сотрудников ОВД и являющиеся источником экстремистских настроений; наметить основные пути предупреждения меж-культурных конфликтов в деятельности правоохранительных органов. Объектом исследования являются кросс-культурные взаимодействия, предметом изучения – влияние кросс-культурных взаимодействий на деятельность правоохранительных органов.

Исследование основывается на данных, полученных в результате опроса действующих сотрудников ОВД Республики Крым, проводимого в ходе реализации научного проекта «Профилактика и урегулирование межэтнических и межкультурных конфликтов в рамках предупреждения развития экстремизма и терроризма в Республике Крым», поддержанного Государственным Советом Республики Крым.

Научная новизна работы заключается в систематизации существующих проблем кросс-культурного характера через призму осуществления правоохранительной деятельности, предоставлении на основе эмпирических данных соответствующих рекомендаций по оптимизации оперативно-служебной деятельности ОВД и прогнозированию динамики организации отношений между сотрудниками ОВД и межнациональным населением в Российской Федерации, что определяет практическую ориентированность исследования.

Проблема изучения кросс-культурных взаимодействий обрела актуальность относительно недавно (в XX в.), что вызвано, прежде всего, активизацией воздействия глобализационных процессов на все сферы жизни общества. Но если на заре человеческой цивилизации миграция народов была связана с обменом товарами, технологиями, развитием общественных отношений, то сегодня неконтролируемая миграция населения, попытка унификации культурных ценностей и паттернов, пропаганда идей мультикультурализма, направленные изначально на объединение народов, стали причинами возникновения межкультурных конфликтов. Мировая практика отчетливо демонстрирует, что сегодня в многонациональных регионах возникает острая потребность в изучении и контроле данных процессов, поскольку конфликт, как известно, легче предупредить, чем искать пути для его решения.

Разнообразие и многоаспектность подходов к изучению кросс-культурных контактов стали причиной утопичности сведения их к единой схеме. В своем исследовании мы преимущественно основываемся на работах М. Бахтина, Д. Бернланда, П. Бернса, Р. Билза, Ф. Боаса, М. Гирдхама, К. Гирца, А. Кребера, М. Новелли, Э. Сепира, А. Тойнби, Б. Уорфа, А. Халлоуэла, С. Хантингтона, Э. Холла, А.

Шоркина, О. Шпенглера и др. В итоге, анализ работ перечисленных авторов позволяет сделать вывод о том, что под кросс-культурным взаимодействием следует понимать вынужденный или случайный, безотчетный или сознательный процесс установления контактов, при котором происходит обоюдное воздействие отличных или сходных систем паттернов под влиянием различного рода факторов (политика, экономика, борьба за ресурсы, интерес и т.д.) и внутренних особенностей участников интеракции. Рассматривая итоги кросс-культурных взаимодействий, следует согласиться с А. Шоркиным, который считает, что они не всегда имеют позитивное значение, а иногда могут завершиться конфликтом, способным разрушить культуру, что, главным образом, детерминировано деятельностью их носителей [1]. В результате конфликтов на почве культурных различий происходит развитие национального и религиозного экстремизма, субъекты которого, кроме политического подтекста, преследуют цель сохранения и распространения (часто в искаженном виде) своих национальных и религиозных традиций. Поэтому предупреждение конфликтов на межкультурной почве является необходимым условием профилактики экстремизма.

Проблемы кросс-культурных взаимодействий являются актуальными, прежде всего, для сотрудников подразделений ОВД, имеющих непосредственное отношение к коммуникации с гражданами. Это, как правило, участковые уполномоченные полиции, сотрудники патрульно-постовых служб, уголовного розыска, дознаватели, ежедневно сталкивающиеся с представителями разных национальностей, вероисповеданий, культур. Особенно остро данная проблема стоит в поликультурной Республике Крым, где проживает свыше 80 национальностей, представителей более 50 конфессий, ряд которых представляют собой радикальные организации, и где любой конфликт может перерасти в деяния экстремистской направленности.

Если говорить о межкультурных коммуникациях, имеющих место в деятельности правоохранительных органов, то основным фактором, вовлекающим стороны в контакт, является все же профессиональный долг. Поэтому данное взаимодействие носит скорее вынужденный характер, что чревато возникновением стрессовой, экстремальной ситуации. Примечательно то, что в поликультурных регионах процессы межкультурного общения протекают намного легче. В данном случае необходимо учесть тот факт, что существуют регионы, которые исторически складывались как поликультурные (к примеру, Республика Крым). Современные государства, которые обрели поликультурный статус в связи с активизацией мигра-

ционных процессов, будут сталкиваться с конфликтами в сфере межкультурного общения чаще.

На данный момент, как бы ни усложнялись актуальные процессы кросс-культурных взаимодействий, в их основе все же лежит принцип разделения окружающих на «своих» и «чужих». Данный подход основан на врожденном инстинкте самосохранения, поэтому само по себе явление толерантности, которое стремятся активно противопоставить ксенофобии, не может стать панацеей против межкультурных конфликтов. Толерантность невозможна без интеллектуального осмысления равенства народов, а ксенофобия имеет в себе чувственное, иррациональное начало. В этой ситуации возникновение кросс-культурных проблем в деятельности сотрудников ОВД вполне естественно, а борьба с дискриминацией, имеющая императивный характер, будет неэффективна. Решение данных проблем должно быть основано, в первую очередь, на изучении природы их возникновения.

Принимая во внимание тот факт, что источником кросс-культурных конфликтов является наличие рациональных и чувственных проблем восприятия другой культуры, следует выделить ряд характеристик (свойств), актуальных для сотрудника правоохранительных органов как представителя определенной культурной системы.

В основе рационального подхода к организации кросс-культурных коммуникаций лежит межкультурная компетентность сотрудника, которая основывается на знании полицейской специфики иной культуры (жизненных привычек, традиций, обычаев, нравов, системы ценностей, установок). Структуру межкультурной компетентности формируют культурно-специфические и общекультурные знания, навыки межкультурного общения, которые обеспечивают способность осуществлять эффективную интеракцию в кросс-культурном контексте.

Следует согласиться с В. Гудикунстом, который настаивает на важности мотивации, знаний и навыков участников интеракции. Говоря о знаниях, исследователь имеет в виду информированность сторон (не только о незнакомой, но и о своей культуре), широту кругозора контактирующих сторон. Фактор навыков получает практическое применение, проявляясь в эмпатии, толерантности к культурной множественности [2, с. 207–308]. Основываясь на данной гипотезе, считаем, что высокая степень кросс-культурной осведомленности, развитая у сотрудника ОВД, ослабляет чувства неопределенности и тревожности, возникающие при встрече с представителем другой культуры, а следовательно, приводит к результативной, беспрепятственной коммуникации. Если опираться на результаты опроса, проводимого среди сотрудников ОВД

Крымского федерального округа в ноябре – декабре 2014 года [3], то 6,9% опрошенных считают, что хорошо знают культурные и религиозные особенности соседних с ними народов, 77,5% ответили, что владеют информацией лишь на бытовом уровне, 8,1% – практически не осведомлены об особенностях других культур, а 7,5% отметили, что никогда не испытывали потребности в получении информации о другой культуре.

Опираясь на мысли немецкого философа К.Ясперса, интерпретировавшего коммуникацию как акт обнаружения «Я» в «Другом», М. Гардиан справедливо отмечал, что человек, который знает только Англию, не может знать об Англии [4, с.226]. То есть оценка собственной культуры возможна лишь в результате ее сравнения с чужой – только кросс-культурный контакт предоставляет возможность выявить отличие и найти схожие элементы, окунуться в чужую культуру, а значит, и лучше узнать свою. Это позволяет правоохранителю составить прогноз относительно модели поведения правонарушителя, оценить степень возможности совершения преступлений экстремистской направленности. Анализ компетенции сотрудников полиции в области собственных культурных традиций показал, что 32,5% опрошенных считают, что хорошо осведомлены в области традиций и обычаев своей культуры, 65,6% респондентов ответили, что разбираются в особенностях своей культуры на среднем уровне, а 1,9% отметили, что вовсе не владеют информацией о традициях и обычаях культуры, к которой принадлежат. Приведенные цифры свидетельствуют о среднем уровне межкультурной компетентности опрошенных, а значит, недостаточной готовности сотрудников к коммуникации с представителями других культур и высокой вероятности возникновения конфликтных ситуаций.

В свою очередь, чувственная составляющая межкультурного общения формируется под влиянием степени межкультурной сенситивности и стереотипизации участников коммуникации. В данном аспекте можно выделить два полярных состояния личности: полное отрицание культурных различий («этнорелятивизм») и резкое отделение своего культурного образования от других и убежденность в превосходстве собственной культуры («этноцентризм»). И первое, и второе явления несут в себе определенную опасность для сотрудника ОВД. Полицейский, придерживающийся этнорелятивистских взглядов, собственной деятельностью может оскорбить носителя определенной культуры, что особенно актуально для представителей традиционных религиозных социокультурных образований. В частности, от этого предостерегает ст.7 Федерального закона Российской Федерации от 7 февраля

2011 года № 3-ФЗ «О полиции», согласно которой «сотрудник полиции должен проявлять уважение к национальным обычаям и традициям граждан, учитывать культурные и иные особенности различных этнических и социальных групп, религиозных организаций и способствовать межнациональному и межконфессиональному согласию» [5]. Этноцентристские убеждения, проявляющиеся в желании превознести свой этнос за счет уменьшения значимости других, обособление какой-либо религиозной группы, навязывание собственных традиций, бескомпромиссность и нежелание устанавливать межкультурный диалог, в свою очередь, являются предпосылками развития расизма и экстремистских взглядов на почве культурных особенностей. Подобные настроения должны стать индикатором для выявления экстремистских угроз и способствовать организации антитеррористической деятельности. В частности, описанной проблемы касается С. Буткевич, рассматривая различные предпосылки проявления терроризма и анализируя правовые основы проведения антитеррористических операций [6].

Степень чувствительности к чужому воздействию определяется культурной избирательностью, которая основывается на контекстуальной специфике культуры и степени ее индивидуализма. Опираясь на мысли антропологов Э. Холла и Т. Гудикунста, можно отметить, что русская, японская, ближневосточная, итальянская, французская и испанская культуры высококонтекстуальны и коллективистичны, а значит, более избирательны. Культуры же США, Германии, Швейцарии и ряда других североевропейских стран являются низкоконтекстуальными и индивидуалистичными, что предполагает их открытость в принятии изменений, что также чревато потерей культурой самобытности. Представители индивидуалистических культур склонны к большей мобильности, частой перемене места проживания, способны быстрее установить коммуникацию, чего не скажешь о представителях коллективистских культур, чья коммуникация будет иметь более прочный характер, но устанавливаться с большими трудностями [7, с. 154]. В деятельности ОВД принадлежность сотрудника к высококонтекстуальной культуре означает наличие определенной настороженности, рассудительности в общении с представителем другой национальности. Поэтому в процессе контакта с гражданином-представителем высококонтекстуальной культуры большое внимание следует уделять манере общения, тону, жестам. В низкоконтекстуальной культуре большее значение будет иметь суть сказанного, а не эмоциональная окраска речи.

Особое значение в процессе организации кросс-культурных взаимодействий имеет склон-

ность сотрудников ОВД к руководству в профессиональной деятельности этнокультурными стереотипами. Этнокультурные стереотипы – устойчивые, исторически сформировавшиеся представления о психологических и культурных особенностях своего (автостереотипы) или чужого (гетеростереотипы) народа. Имея схематичный и обобщенный характер, этнокультурные стереотипные представления подготавливают сотрудника ОВД к коммуникации, отчасти амортизируют воздействие иностранной культуры на психическое состояние, ослабляют проявления культурного шока, поскольку в процессе кросс-культурного взаимодействия участники коммуникации воспринимают друг друга, прежде всего, в совокупности с его действиями и непосредственно через них. Данную информацию как нельзя абсолютизировать, так и нельзя полностью от нее отказываться. Стереотипы складываются исторически и проверяются временем. Однако слепое следование информации, полученной на основе этнокультурных стереотипов, может ввести сотрудника ОВД в заблуждение и стать почвой для развития дискриминационных настроений.

В процессе изучения степени влияния этнокультурных стереотипов на деятельность сотрудников ОВД [3] все респонденты были разделены на две группы: сотрудники полиции с выслугой до 10 лет (группа А) и полицейские со сроком службы в ОВД более 10 лет (группа Б). Опрашиваемым предлагалось ответить на два смежных вопроса: 1) как часто они поддаются стереотипному мышлению в повседневной жизни, 2) используют ли они этнокультурные стереотипы в процессе реализации профессиональной деятельности. Более 70% опрошенных групп А и Б ответили, что опираются на стереотипы и в работе, и в обыденной жизни. При этом 30,1% респондентов группы А отметили, что никогда не используют этнокультурные стереотипы в профессиональной деятельности; у группы Б – 23,9%. Это несколько меньше, чем в повседневной жизни (А – 26,9%, Б – 19,4%). Примечательно то, что чаще основываются на стереотипах сотрудники со сроком службы менее 10 лет. Однако анализ сложившихся в сознании у респондентов образов о представителях других этносов позволил выявить ряд тенденций, отражающих общий характер кросс-культурных проблем. Респондентам было предложено написать два слова, с которыми у них ассоциируется представитель конкретного этноса. Среди предложенных вариантов были как этносы, проживающие в Крымском федеральном округе в большом количестве (русские, украинцы, крымские татары, армяне, евреи, цыгане, грузины, чеченцы), так и народы, представители которых практически не встречаются в Крыму (чукчи, эфиопы, китайцы).

Кроме вышеперечисленных этносов, предлагалось сформулировать понятия, отражающие образ американцев.

В результате проведенного анализа можно сделать ряд выводов. В частности, предложенные респондентами понятия, как правило, касались материальной культуры (еда, одежда, жилище, род деятельности); фенотипических признаков этноса (кожа, глаза, нос, рост); особенностей природно-климатических условий проживания (снег, песок, климат, животный и растительный мир, присутствующие в ареале проживания); личных качеств (доброта, подлость, склонность ко лжи, гордость, ум и т.д.); конкретных известных персон (ученые, политические и общественные лидеры). Примечательно то, что наиболее обобщенными характеристиками наделялись представители малознакомых этносов, определения которых носили нейтральный характер. Что же касается народов, которые проживают в пределах субъекта федерации, то, кроме описания их личностных черт, респонденты наделили их широкой палитрой негативных качеств, значительная часть которых имела криминальный оттенок либо косвенно указывала на принадлежность к преступному миру. В свою очередь, собственный этнос характеризовался позитивно. Подобное явление свидетельствует о серьезном влиянии этнокультурных стереотипов на профессиональную деятельность, которое имеет преимущественно неосознанный характер. Широкое использование подобных установок в работе сотрудников полиции становится почвой для развития этнического профайлинга, то есть действий, предпринятых представителем власти в отношении лица или группы лиц, которые основываются на факторах, позволяющих отнести их к представителям того или иного этнического образования. На основании такой идентификации лицо подвергается проверке без наличия для этого правовых оснований. В современной науке активно используется понятие расового профайлинга, который в основном актуален для США, где проблема расовой дискриминации стоит достаточно остро. На это обращает внимание Д. Харрис [8], который отмечает, что темнокожих водителей в США останавливают для проверок намного чаще, чем светлокожих. Этнический и расовый профайлинги являются прямым проявлением дискриминации, в связи с этим любые конфликтные ситуации с иностранцами могут автоматически быть восприняты как проявление культурной нетерпимости.

Невзирая на запрет на государственном уровне профайлинга на этнической или расовой почве, инциденты, связанные с этими явлениями встречаются в юридической практике Великобритании, Венгрии, Германии, Испании, Канады, Нидерландов.

Как правило, объектами дискриминации становятся туристы и иммигранты. Это чревато и обратным процессом: проверка документов у представителя определенного этноса, соответствующего ориентировке, оборачивается обвинением полицейского в том, что он при этом руководствовался принципами этнического или расового профайлинга.

Большинство респондентов (свыше 80%), задействованных в опросе, характеризуя американский народ, пользовались либо определениями, отражающими негативные качества личности, либо использовали понятия, имеющие политический оттенок. Это подтверждает наше предположение о том, что весомым фактором, влияющим на установление кросс-культурных контактов в деятельности сотрудников полиции, являются социально-политические процессы.

Политика государства во многом имеет определяющее значение в обеспечении условий для деятельности правоохранительных органов. Актуальные события наглядно подтверждают факт существования межкультурной напряженности именно в государствах западной цивилизации. Яркий пример этому – серия конфликтов, произошедших в 2014 году в США, которые в итоге приобрели кросс-культурный оттенок. На наш взгляд, кризис, возникший сегодня в США, является вполне закономерным явлением и может стать точкой отсчета для развития нового витка экстремизма.

США складывались из различных этносов и культур и проблемы расовой и этнической дискриминации имели особую актуальность (отношение к темнокожему населению, притеснение коренного народа индейцев). По мнению граждан США, эти явления уже давно укоренились в крупных городах и на волне обострения демографических проблем приобрели в США институционный характер. Можно предположить, что в России, несмотря на ее поликультурность, риск возникновения подобных проблем не так вероятен, поскольку все кросс-культурные взаимоотношения, складывающиеся между народами, ее населяющими, имеют исторический характер, организовывались естественным образом, постепенно, что подразумевает поэтапную выработку механизмов взаимодействия. Намного сложнее обстоит дело с мигрантами, по отношению к которым негативные эмоции выражаются чаще – это позволяет сделать вывод о возможности разжигания в РФ кросс-культурных конфликтов именно в этой плоскости и радикальных настроений в качестве ответной реакции.

Таким образом, кросс-культурные взаимодействия становятся основой для возникновения конфликтов в правоохранительной деятельности, имеющих межнациональный, межэтнический и

межрелигиозный контекст и формирующих почву для развития экстремистских настроений. В связи с этим предупреждение кросс-культурных проблем в деятельности правоохранительных органов должно иметь системный характер. В частности, с целью оптимизации служебной деятельности ОВД и обеспечения соблюдения принципов беспристрастности, законности и гуманности рекомендуется сосредоточить внимание на решении проблем социально-политического и морально-психологического плана. Решение социально-политических проблем подразумевает совершенствование международного и национального законодательства с учетом рекомендаций международных правозащитных организаций и передового опыта правоохранительных органов [9]. Рассмотрение кросс-культурных конфликтов в нормативных документах не должно сводиться к апеллированию абстракциями, а представлять собой четкий алгоритм действий сотрудника ОВД по недопущению дискриминации, принижению религиозных и национальных чувств. Кроме этого, следует усилить контроль над миграцией населения, а также обеспечить защиту сотрудников полиции от противоправных действий, ложных обвинений в дискриминации по культурному признаку.

Морально-психологическую подготовку сотрудника правоохранительных органов следует осуществлять сразу в нескольких направлениях. Отбор кандидатов на службу должен предполагать наблюдение и анализ комплекса личностных качеств претендента, влияющих на развитие неприязни по отношению к представителю той или иной культуры. В дальнейшем следует контролировать процесс развития экстремизма, этнорелятивизма и межкультурной нетерпимости с помощью регулярных опросов и анкетирования сотрудников и граждан.

Сокращение фактов проявления этнического и расового профайлинга в деятельности правоохранительных органов достижимо с помощью углубления и применения правоохранителями знаний о культурной специфике этносов: уровне контекстуальности культуры, ее традиционном или инновационном характере, однородности или многообразии, степе-

ни индивидуалистичности. Кроме того, повышение межкультурной компетентности позволит уменьшить негативное влияние этнокультурных стереотипов на профессиональную деятельность сотрудников ОВД. Для повышения уровня межкультурной компетенции необходимо углублять знания о собственной и чужой культуре, понимать имеющиеся различия, воспитывать уважительное отношение к проявлениям иной культуры.

Одним из способов предупреждения кросс-культурных проблем в среде правоохранительных органов является организация полиции по принципу мультикультурности. Это действительно эффективный метод обеспечения доверия к ОВД у населения поликультурных регионов. Однако если речь идет о местах компактного проживания народа, уклад жизни которого тесно связан с традициями, а также присутствует отчетливо выраженный принцип родового коллективизма (преимущественно народы Кавказа), то правоохранитель – представитель этого же этноса, несущий службу в родном крае, вряд ли сможет руководствоваться в своей деятельности принципом объективности. С другой стороны, в таких поликультурных регионах, как Республика Крым, безусловно, необходимо расширение штата сотрудников, осуществляющих деятельность по борьбе с экстремизмом.

Обобщая изложенное выше, следует отметить, что проблемы кросс-культурных взаимодействий в правоохранительной деятельности имеют естественный характер, отличаются многоуровневостью и амбивалентностью. Современная мировая практика доказывает, что необходимость немедленного изучения причин возникновения и выработки механизмов по предупреждению и урегулированию проблем кросс-культурного характера в деятельности ОВД обусловлена стремительной социальной миграцией. В связи с этим в условиях современного поликультурного мира и с целью предупреждения кросс-культурных конфликтов как основы для развития экстремизма сотрудник правоохранительных органов обязан учитывать культурные особенности населения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шоркин А.Д. Этнос в пространствах культур и цивилизаций // Межэтническое согласие в Крыму: пути достижения / под ред. О. Габриеляна, К. Коростелиной, А. Шоркина. Симферополь: ДОЛЯ, 2002. 300 с.
2. Мацумото Д. Психология и культура. СПб.: Прайм-Еврознак, 2002. 416 с.
3. Коноплева А.А. Профилактика и урегулирование межэтнических и межкультурных конфликтов в рамках предупреждения развития экстремизма и терроризма в Республике Крым // Проект на конкурс на назначение гранта Республики Крым молодым ученым Крыма. Симферополь: КФ КрУ МВД России, 2014. 9 с.
4. James Mr. Paul W. Globalization and Culture // Central Currents in Globalization. London, Publisher: Sage Publications Ltd, 2009. Vol. 1. –1720 p.

5. О полиции: Федеральный закон Российской Федерации от 07 февраля 2011 г. № 3-ФЗ // Российская газета. 2011. № 25. Ст. 7.
6. Буткевич С.А. Концепция борьбы с терроризмом в Украине // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. Калининград, 2013. № 3 (33). С. 62–67.
7. Hall E.T. Beyond Culture. NJ: Doubleday. 1976. 256 p.
8. Harris David A. Driving While Black: Racial Profiling On Our Nation's Highways 1999 [Electronic Resource. URL: <https://www.aclu.org/racial-justice/driving-while-black-racial-profiling-our-nations-highways> (дата обращения 19.03.2015).
9. Миронова О.А. Право на права: практикум. Симферополь-Ялта: РИО КГУ, 2012. 150 с.
10. Боровая С.А., Гаврилова Т.В., Ткач Е.В. Экстремизм в современном обществе: сущность, формы проявления, пути противостояния: учебное пособие. М.: ДГСК МВД России, 2014. 192 с.

УДК 343.01

И. Р. Бегишев

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ МОШЕННИЧЕСТВУ В СФЕРЕ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ

В статье проанализирована диспозиция статьи 159.6 УК РФ и выявлены недостатки в её терминологическом обеспечении. Рассмотрены вопросы совершенствования нормы, предусматривающей ответственность за мошенничество в сфере компьютерной информации. Доказано, что мошенническое программное обеспечение относится к категории вредоносных компьютерных программ. Определены некоторые механизмы противодействию мошенничеству в сфере компьютерной информации.

Ключевые слова: мошенничество; информация, компьютерная информация, цифровая информация; Интернет; вредоносные компьютерные программы; мошенническое программное обеспечение, уголовное право, противодействие мошенничеству, преступления.

Игнорирование вопросов хищения чужого имущества или приобретения права на чужое имущество в сфере обращения цифровой информации представляется недопустимым. Многие ошибочно считают, что цифровые технологии надежно защищены от мошенничества. Такой постулат неверен, чему есть большое количество практических примеров. Законодатель, убедившись в этом, Федеральным законом Российской Федерации от 29 ноября 2012 г. № 207-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» включил статью 159.6 в УК РФ. Она устанавливает ответственность за «хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путем ввода, удаления, блокирования, модификации компьютерной информации либо иного вмешательства в функционирование средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации или информационно-телекоммуникационных сетей» [1].

Введение нормы, предусматривающей ответственность за мошенничество в сфере компьютерной информации, назрело давно, хотя не все ученые считают эту норму удачной и завершённой. Не окончательно решен вопрос толкования терминов, использованных в данном составе.

Еще в 2008 г. С. С. Медведев пришел к выводу, что мошенничество в сфере высоких технологий гиперлатентно, поэтому оно общественно опасно в гораздо более высокой степени, чем «традицион-

ное», следовательно, необходима его криминализация [2, с. 14]. Он предлагал изменить ст. 159 УК РФ путем введения в нее нового квалифицирующего признака - «с использованием результата автоматизированной обработки данных» [2, с. 7]. Данное утверждение считаем вполне обоснованным.

В. В. Хилота до принятия указанного закона также отмечал, что применение таких терминов, как «компьютерное мошенничество», «компьютерная кража», является юридической фикцией, поскольку ни одна из существующих форм хищений сегодня не отражает в полной мере той специфики общественных отношений, которые подвергаются посягательствам, совершаемым с использованием компьютерной техники [3, с. 30]. Он полагал, что к компьютерным преступлениям должны относиться только противозаконные действия в сфере автоматизированной обработки информации, а УК РФ должен содержать норму, которая бы предусматривала ответственность за «хищение имущества путем модификации результатов автоматизированной обработки данных компьютерной системы». Предполагаемой нормой охватывались бы противоправные деяния, совершаемые с использованием средств компьютерной техники, сотовой связи, сети Интернет, поддельных банковских пластиковых карточек и т.д. [3, с. 30].

Вводя в язык уголовного закона немало новых терминов, законодатель, к сожалению, не определил их значения. Очевидно, что в правоприменительной практике в рамках статьи 159.6 УК РФ

Бегишев Ильдар Рустамович, аспирант кафедры уголовного права и процесса Казанского инновационного университета имени В.Г. Тимирязова (ИЭУП), e-mail: begishev@mail.ru

©Бегишев И.Р., 2016

Статья получена 04.07.2016

возникнут вопросы о том, какие действия следует относить к «вводу» и «удалению» компьютерной информации. Статья 272 УК РФ оперирует понятием «уничтожение» компьютерной информации, но не упоминает ни о «вводе», ни об «удалении». В связи с этим закономерно возникает вопрос: существует ли какая-либо разница между «удалением» и «уничтожением» компьютерной информации? [4, с. 69]. В. Г. Степанов-Егиянц справедливо отметил, что целесообразно дополнить ст. 159.6 УК РФ примечанием, в котором следует дать определение понятиям «ввод» и «уничтожение» компьютерной информации [4, с. 70]. Подобный подход, выраженный в единообразном толковании указанных терминов, представляется нам корректным.

Спорно и содержание ст. 159.6 УК РФ. Способ совершения данного преступления как обязательный признак объективной стороны представляется самостоятельным деянием из категории преступлений в сфере компьютерной информации (ст. 272 УК РФ). При этом максимальная санкция по ч. 1 ст. 159.6 УК РФ ограничивается арестом на срок до четырех месяцев, а по ч. 1 ст. 272 УК РФ - лишением свободы до двух лет. Такая ситуация вызывает неоднозначное толкование и применение закона, так как неясно, каким образом квалифицировать содеянное: только по ст. 159.6 УК РФ или по совокупности преступлений. А. В. Шеслер, например, считает, что если мошенничество, предусмотренное статьей 159.6 УК РФ, совершается с использованием вредоносных компьютерных программ, то его следует квалифицировать по совокупности с ч. 2 ст. 273 УК РФ как создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ, совершаемое из корыстной заинтересованности [5, с. 70].

Однако квалификация по совокупности преступлений может иногда означать двойное, чрезмерное вменение. Идя на преступление, предусмотренное ст. 159.6 УК РФ, лицо осознает, что совершить его может, если сначала совершит иное преступление - неправомерный доступ к компьютерной информации (ст. 272 УК РФ). Вследствие этого А. В. Кузнецов предлагает изменить диспозицию ст. 159.6 УК РФ таким образом, чтобы способ совершения этого мошенничества не ограничивался только неправомерным доступом к компьютерной информации (поскольку доступ может быть и правомерным), но и предусматривал иные возможности использования компьютерной техники, например, введение вредоносных программ и др. [6, с. 30].

А. В. Кузнецов предлагает изложить диспозицию ст. 159.6 УК РФ в следующей редакции: «Мошенничество в сфере компьютерной инфор-

мации, то есть хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путем изменения информации, обрабатываемой в компьютерной системе, хранящейся на машинных носителях или направляемой по сетям передачи данных, либо путем введения в компьютерную систему ложной информации ...». [10, с. 30]. Такой вывод тоже имеет право на существование и, по нашему мнению, является наиболее удачным.

Нам видится, что не только путем изменения компьютерной информации, но и вмешиваясь в технические средства её обращения, злоумышленник может похитить чужое имущество или приобрести право на чужое имущество.

В свою очередь, возникает вопрос, что следует понимать под иным вмешательством в функционирование средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации или информационно-телекоммуникационных сетей. На практике описаны случаи иного вмешательства в функционирование средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации или информационно-телекоммуникационных сетей. Так, гр. А в 2013 году обнаружил документ с паспортными данными гр. Ф, после чего у него из корыстных побуждений возник преступный умысел на совершение хищения чужого имущества, а именно денежных средств гр. Ф.

Гр. А, используя обнаруженные им паспортные данные гр. Ф, установил номер принадлежащей ему банковской карты, далее установил абонентский номер данного лица, к которому была подключена услуга «Мобильный банк» ОАО «Сбербанк России», предоставляющая право распоряжаться денежными средствами, находящимися на расчетном счету гр. Ф, после чего посредством услуги «Мобильный банк» совершил хищение денежных средств, находящихся на расчетном счету гр. Ф.

Гр. А, введя в заблуждение сотрудников ОАО «Сбербанк России», узнал номер банковской карты гр. Ф, а также абонентский номер с подключенной услугой «Мобильный банк» ОАО «Сбербанк России», предоставляющей право распоряжаться денежными средствами, находящимися на расчетном счету.

Далее гр. А в Центре обслуживания абонентов «Билайн», воспользовавшись найденными им паспортными данными гр. Ф, обманным путем оформил от имени последней заявление о замене по причине утери сим-карты, зарегистрированной на имя гр. Ф.

Таким образом, восстановив сим-карту, зарегистрированную на имя гр. Ф, путем ввода компьютерной информации в форме электрических

сигналов – «смс-сообщений» на номер «900», посредством телекоммуникационной сети оператора сотовой связи «Билайн», гр. А перечислил, то есть похитил денежные средства, на счет своей сим-карты, а затем со счета сим-карты гр. Ф, посредством услуги «Мобильный Банк» ОАО «Сбербанк России», на лицевой счет принадлежащей ему банковской карты ОАО «Сбербанк России». Таким образом, гр. А умышленно из корыстных побуждений, путем иного вмешательства в функционирование информационно-телекоммуникационных сетей похитил денежные средства, принадлежащие гр. Ф, причинив ей значительный материальный ущерб, незаконно изъяв похищенные денежные средства из владения потерпевшего, и распорядился ими впоследствии по своему усмотрению [7].

Также открытым остается вопрос о таком способе совершения рассматриваемого преступления, как копирование компьютерной информации. Путем копирования компьютерной информации с последующим изменением скопированной информации и перенаправлением её в нужном векторе также может быть совершено хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество. Данный вопрос остается открытым и не решенным законодателем.

Нам представляется, что мошенничество в сфере компьютерной информации может совершаться не только вышеописанными способами, но и с использованием вредоносных компьютерных программ. К такому классу вредоносных компьютерных программ можно отнести и мошенническое программное обеспечение по следующим основаниям.

Согласно статье 273 УК РФ «Создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ» под вредоносной программой понимаются программы, заведомо предназначенные для несанкционированного уничтожения, блокирования, модификации, копирования компьютерной информации или нейтрализации средств защиты компьютерной информации. В свою очередь, проанализировав диспозицию статьи 159.6 УК РФ, можно сделать вывод о том, что мошенническое программное обеспечение (мошеннические программы) – это программы, позволяющие вводить, удалять, блокировать, модифицировать компьютерную информацию либо осуществлять иное вмешательство в функционирование средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации или информационно-телекоммуникационных сетей. Таким образом, мошеннические программы по способу деструктивного воздействия на компьютерную информацию, результату воздействия, наличию целей и мотивов являются

аналогичными вредоносным программам.

На сегодняшний день таким мошенническим программным обеспечением выступают, например: программы-баннеры, всплывающие в окнах браузера;

программы-блокираторы, блокирующие: доступ в Интернет, возможности операционной системы Windows, действия с файлами и данными; программы-шифровальщики файлов и данных.

Общей особенностью для этого вида мошеннических программ является то, что устранение деструктивных действий указанных программ происходит путем отправки на известный номер телефона платного SMS сообщения.

Однако уже сегодня можно с уверенностью констатировать, что мошенничество в сфере компьютерной информации будет только наращивать обороты и появляться в электронной коммерции, службах заказа билетов, на электронных площадках оплаты товаров и услуг, в секторе дистанционного банковского обслуживания и т.д. Опасность распространения угрозы цифрового мошенничество налицо.

Рассуждая о мошенничестве в сфере цифровой информации, нельзя не сказать о мошенническом программном обеспечении, позволяющем нарушать системы защиты цифровой информации. Сегодня зачастую такое программное обеспечение находится в свободном доступе в сети Интернет или же нелегально приобретается на соответствующих виртуальных площадках у их разработчиков. Таким образом, ограничение в создании, использовании и распространении такого программного обеспечения существенно затруднило бы злоумышленникам совершение такого рода мошенничеств. Это также касается вредоносных компьютерных программ и программных средств, предназначенных для нарушения систем защиты информации информационно-телекоммуникационных устройств, их систем и сетей.

Поэтому предлагаем включить в единый реестр доменных имен, указателей страниц сайтов в сети «Интернет» и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в сети «Интернет», содержащие информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено, сайты, содержащие или распространяющие вредоносные компьютерные программы, мошенническое программное обеспечение и программные средства, предназначенные для нарушения систем защиты информации информационно-телекоммуникационных устройств, их систем и сетей.

Следует отметить, что Правилами создания, формирования и ведения единой автоматизированной информационной системы «Единый ре-

есть доменных имен, указателей страниц сайтов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», содержащие информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено», утвержденными постановлением Правительства Российской Федерации от 26 октября 2012 г. № 1101 «О единой автоматизированной информационной системе «Единый реестр доменных имен, указателей страниц сайтов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», содержащие информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено» [8] за создание единого реестра отвечает Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Кроме того, ведение единого реестра осуществляется в электронной форме в ежедневном круглосуточном режиме.

Такой механизм предупреждения мошенничества в сфере компьютерной информации, по нашему мнению, является наиболее эффективным. Провайдеры хостинга и операторы связи используют указанный единый реестр и успешно ограничивают доступ к этим ресурсам. Необходимо отметить, что аналогичные схемы уже работают и успешно применяются на практике в отношении:

а) материалов с порнографическими изображениями несовершеннолетних и (или) объявлений о привлечении несовершеннолетних в качестве исполнителей для участия в зрелищных мероприятиях порнографического характера;

б) информации о способах, методах разработки, изготовления и использования наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, местах приобретения таких средств, веществ и их прекурсоров, о способах и местах культивирования наркосодержащих растений;

в) информации о способах совершения самоубийства, а также призывов к совершению самоубийства;

г) информации о несовершеннолетнем, пострадавшем в результате противоправных действий (бездействия), распространение которой запрещено федеральными законами;

д) информации, нарушающей требования Федерального закона от 29 декабря 2006 года № 244-ФЗ «О государственном регулировании деятельности по организации и проведению азартных игр и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» и

Федерального закона от 11 ноября 2003 года № 138-ФЗ «О лотереях» о запрете деятельности по организации и проведению азартных игр и лотерей с использованием сети «Интернет» и иных средств связи [9].

Следует отметить, что многие современные антивирусные программы в своем составе имеют модули, позволяющие распознать и прекратить распространение мошеннического программного обеспечения. Однако некоторые пользователи сети «Интернет» не могут или не желают платить за антивирусное программное обеспечение и не устанавливают его на свои компьютеры, тем самым позволяя совершать в отношении их мошеннические действия в сфере компьютерной информации.

Представляется, что мошенничество в сфере компьютерной информации может совершаться не только с использованием вредоносных компьютерных программ, но и с нарушением систем защиты информации информационно-телекоммуникационных устройств, их систем и сетей. В действующей редакции ст. 159.6 УК РФ об этом ничего не сказано, хотя данное деяние часто встречается на практике. Видится, что данный массив преступлений тесно связан с незаконным изготовлением, сбытом или приобретением специальных технических средств, предназначенных для нарушения систем защиты цифровой информации. Проблемы правового ограничения обращения и применения специальных технических средств, предназначенных для нарушения систем защиты цифровой информации, подробно рассмотрены в специальных источниках информации [10, с. 255-258].

К схожим выводам пришли Р. Б. Иванченко и А. Н. Малышев, считающие, что хищение или приобретение права на чужое имущество сопряжено с преодолением компьютерной защиты имущества (имущественных прав) и осуществляется путем ввода, удаления, модификации или блокирования компьютерной информации либо иного вмешательства в функционирование средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации или информационно-телекоммуникационных сетей. При этом авторы отмечают, что в действующей редакции ст. 159.6 УК РФ о сопряженности хищения с преодолением компьютерной защиты имущества (имущественных прав) ничего не сказано [11, с. 196].

Н.А. Лопашенко пришла к выводу, что мошенничество с использованием информационных технологий - это деяние, совершаемое с корыстной направленностью, связанное с внесением изменений в компьютерные данные, либо распространением ложных сведений по компьютерным

сетям [12, с. 370]. Распространение ложных сведений по компьютерным сетям, в контексте рассматриваемой статьи, тоже имеет место.

В. М. Елин считает, что диспозиция статьи 159.6 УК РФ с учетом особенностей российского информационного законодательства должна определять мошенничество с использованием информационно-коммуникационных технологий или компьютерной информации как хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путем неправомерных действий, связанных с вводом, удалением, блокированием, модификацией компьютерной информации либо иным неправомерным вмешательством в функционирование средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации или информационно-телекоммуникационных сетей [13, с. 75]. Мы разделяем данную позицию.

Существуют и иные точки зрения. Так, Р. Б. Иванченко и А. Н. Малышев полагают необоснованной криминализацию деяний, предусмотренную в ст. 159.6 УК РФ. Они считают, что с учетом специфики предмета, способа и средств совершения анализируемых преступлений в УК РФ следует предусмотреть статью «Хищение с использованием компьютерной информации», в которой установить ответственность за хищение чужого имущества или обращение права на чужое имущество в пользу виновного или третьих лиц вне зависимости от способа хищения, если при этом используется несанкционированное вмешательство в функционирование средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации или информационно-телекоммуникационных сетей [11, с. 198]. Аналогичной точки зрения придерживается М. А. Ефремова, сделавшая вывод о том, что не совсем ясна цель, которую преследовал законодатель, включив ст. 159.6 в УК РФ [14, с. 20]. Нам видится, что норма, предусматривающая ответственность за мошенничество в сфере компьютерной информации, несовершенна и ещё досконально не изучена, а авторы предлагают уточнить диспозицию статьи и дают толчок к её дальнейшему совершенствованию.

Существует и противоположная точка зрения. Так, А. Ю. Филаненко в целях отграничения мошенничества в сфере компьютерной информации от неправомерного доступа предлагает внести изменения в ст. 272 УК РФ путем включения в ч. 1 ст. 272 УК РФ после слов «компьютерной информации» слов «без целей хищения чужого имущества или приобретения права на чужое имущество» [15, с. 62]. Такое решение тоже имеет право

на существование и, по сути, частично решает существующую проблему.

В заключение сформулируем некоторые предложения, направленные на совершенствование нормы, предусматривающей ответственность за мошенничество в сфере компьютерной информации и некоторые механизмы противодействия мошенничеству в сфере компьютерной информации:

1. Поскольку деяние, предусмотренное ст. 159.6 УК РФ, относится к преступлениям в сфере обращения цифровой информации и совершается с её использованием, то указанную статью предлагается назвать «Мошенничество с использованием цифровой информации».

2. С целью дифференциации ответственности за мошенничество в сфере цифровой информации предлагается дополнить ст. 159.6 УК РФ частью пятой следующего содержания:

«Деяния, предусмотренные предыдущими частями настоящей статьи, если они:

а) сопряжены с нарушением системы защиты цифровой информации - наказываются лишением свободы на срок до трех лет».

3. Обосновано, что мошенническое программное обеспечение относится к категории вредоносных компьютерных программ. Уголовная ответственность за создание, использование и распространение мошеннического программного обеспечения (мошеннических программ) должна наступать по статье 273 УК РФ.

В связи с этим предлагаем дополнить название и диспозицию статьи 273 УК РФ «Создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ» после слова «вредоносных», - словами «в том числе мошеннических».

4. Дополнить диспозицию статьи 273 УК РФ «Создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ» после слова «ввода» - словом «копирования».

5. Дополнить пункт 1 части 5 статьи 15.1 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Единый реестр доменных имен, указателей страниц сайтов в сети «Интернет» и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в сети «Интернет», содержащие информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено» следующим пунктом:

е) вредоносных компьютерных программ и программных средств, предназначенных для нарушения систем защиты информации информационно-телекоммуникационных устройств, их систем и сетей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 49. Ст. 6752.
2. Медведев С.С. Мошенничество в сфере высоких технологий: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2008.
3. Хилюта В.В. Необходимость установления уголовной ответственности за хищения, совершаемые с использованием компьютерной техники // Криминологический журнал БГУЭП. 2012. № 1.
4. Степанов-Егиянц В.Г. Совершение кражи и мошенничества с использованием с компьютера или информационно-телекоммуникационных сетей // Финансовая жизнь. 2013. № 2.
5. Шеслер А.В. Мошенничество: проблемы реализации законодательных новелл // Уголовное право. 2013. № 2.
6. Кузнецов А. В. Совершенствование правового регулирования уголовной ответственности за отдельные виды мошенничества // Научный вестник Омской академии МВД России. 2014. № 3.
7. Приговор Андроповского районного суда Ставропольского края. URL.: http://andropovsky.stv.sudrf.ru/modules.php?name=press_dep&op=1&did=173.
8. Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 44. Ст. 6044.
9. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 31 (часть I). Ст. 3448.
10. Бегишев И.Р. Изготовление, сбыт и приобретение специальных технических средств, предназначенных для нарушения систем защиты цифровой информации: правовой аспект // Информация и безопасность. 2010. № 2.
11. Иванченко Р.Б., Малышев А.Н. Проблемы квалификации мошенничества в сфере компьютерной информации // Вестник Воронежского института МВД России. 2014. № 1.
12. Преступность, уголовная политика, уголовный закон : сб. науч. тр. / под ред. Н.А. Лопашенко; Саратовский Центр по исследованию проблем организованной преступности и коррупции. Саратов : Изд-во ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия», 2013.
13. Елин В.М. Мошенничество в сфере компьютерной информации как новый состав преступления // Правовые вопросы бизнес-информатики. 2013. № 2.
14. Ефремова М.А. Мошенничество с использованием электронной информации // Информационное право . 2013. № 4.
15. Филаненко А.Ю. Отграничения мошенничества в компьютерной информации от неправомерного доступа // Право и государство: теория и практика. 2013. № 1.

УДК 343.985

Е. А. Марина**ТАКТИЧЕСКИЕ ПРИЕМЫ ОПРОСА,
ПРИМЕНЯЕМЫЕ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ США
НА СТАДИИ ДОСУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА**

Статья посвящается анализу тактических приемов опроса, применяемых органами полиции в США. Приводятся конкретные виды тактических приемов. Особое внимание уделено специальным методическим разработкам, созданным с целью более эффективного выбора и применения тактических приемов опросов.

Ключевые слова: тактические приемы, опрос, криминалистика, США, полиция, преступление, личность.

Криминалистическая наука всегда была достаточно восприимчива к зарубежным особенностям расследования преступлений. Полезный опыт их изучения можно проследить по работам ученых О.М. Глотова, В.М. Николайчика, А.Р. Ратинова, О.А. Гаврилова, В.Н. Махова, А.М. Пешкова, К.Ф. Гуценко, Л.В. Головки, И.О. Цоколовой и других.

Ввиду схожести ряда проблем, разрешаемых российской криминалистикой и криминалистикой других стран, возникает необходимость исследования таких проблем с целью выявления путей их единообразного разрешения с учетом особенностей процессуальной формы уголовного преследования.

Криминалистика в зарубежных странах, включая США, считается полицейской наукой, направленной на собирание и исследование доказательств вины лица, совершившего преступление.

Одним из основных средств изобличения лица является его опрос. Нужно отметить, что показания подозреваемого, обвиняемого не выделяются в уголовном процессе США, по крайней мере, до судебного разбирательства. Все показания имеют статус свидетельских показаний.

Своеобразие американского процесса дает основание сделать вывод, что важное значение имеют такие показания, в которых лицо само признается в совершении преступления и дает против себя уличающие показания. Хотя это связано с нарушением «привилегии против самообвинения», закрепленной в Конституции США, тем не менее, как пишет В. М. Николайчик, «расследование надо проводить быстро, а результат его должен быть убедительным, так как от этого зависит престиж полиции в глазах общественного мнения» [1, с. 57].

На стражу прав человека от полицейского произвола было поставлено так называемое «правило

Миранды», согласно которому сотрудник полиции перед началом опроса должен разъяснить задержанному его права: хранить молчание; все, что он сообщит, может быть использовано в качестве доказательства против него; присутствие защитника до и во время опроса. Принимая такое решение, Верховный суд США считал, что этим ограничиваются трюки полиции, допросы «третьей степени» и другие негативные явления. На полицию как бы надевается «смирительная рубашка» [2].

Необходимо отметить, что, несмотря на разъяснение арестованным их прав, полиция применяет различные агрессивные тактические приемы опроса, которые помогают добиться нужной информации о совершенном преступлении.

В. Н. Махов, М. А. Пешков называют следующие тактические приемы, которые рекомендуют применять полицейские инструкции: «длительная изоляция лица, выражение ложной симпатии или, наоборот, убежденности в его виновности, чередование хорошего отношения и враждебности, использование самых разнообразных способов обмана и откровенного надувательства» [3, с. 79].

Тактика опроса строится, прежде всего, на учете психологического и эмоционального настроения лица с целью подавления его воли и подчинения требованиям сотрудника полиции. Для этого применяются любые методы, вплоть до морального оправдания его поступка и апеллирования к его низменным чувствам [1, с. 61].

В связи с этим можно привести пример по делу *Brewer v. Williams*, в котором присутствовало «умышленное выпытывание» уличающих сведений с обвиняемого. Лицо, обвиняемое в убийстве девочки, перевозили из одной тюрьмы в другую. Адвокат указал сотрудникам полиции на

Марина Елена Александровна, соискатель кафедры уголовного процесса и криминалистики юридического факультета Оренбургского государственного университета, e-mail: marina250610@mail.ru

© Марина Е.А., 2016

Статья получена 24.03.2016

запрет опроса его подзащитного. Один из них завел разговор о жертве и высказал жалость, что её родители не имеют возможности её похоронить, т.к. до сих пор не знают место, где она находится, а скоро зима и снег покроет тело. Обвиняемый в эмоциональном порыве сообщил полицейским, куда он спрятал девочку [4].

Низкий интеллектуальный уровень опрашиваемого дает возможность применять приемы запугивания, создания представления у опрашиваемого о том, что он совершил более тяжкое преступление, чем есть на самом деле. Опрашиваемый может при этом пойти на компромисс с сотрудником полиции и признать себя виновным в менее тяжком преступлении.

Добиваясь признания вины, сотрудники полиции в качестве тактических приемов психологического воздействия используют ложное опознание; запрет на курение; яркий свет, направленный в глаза опрашиваемого; длительный опрос сотрудниками, сменяющими друг друга и т.д.

Как показывает практика, американские суды допускают такие «формы обмана, как сообщение полицейскими подозреваемому, что его отпечатки пальцев найдены на месте совершения преступления или что сообщник подозреваемого уже во всем сознался и дал против этого подозреваемого показания» [5, с. 493].

Инструкции органам полиции США рекомендуют сотрудникам перед началом опроса, ведущего к добровольному признанию вины или факта лжи, руководствоваться определенной стандартной схемой, которая, в том числе, содержит следующие элементы:

- необходимость диагностики типа личности опрашиваемого;
- собирание информации об эмоциональных и интеллектуальных состояниях опрашиваемого;
- использование данных интервью и опросов для анализа вербальной и невербальной информации.

Проводя интервью, сотрудник полиции США должен учитывать, что это процесс, требующий высокой концентрации и вся полученная при этом информация должна восприниматься критически. Если лицо не признаётся в совершении преступления, уклоняется от правдивых показаний, он может высказать следующие реакции: гнев, депрессию, отрицание.

Существуют специальные методические разработки, созданные в целях более эффективного выбора и применения тактических приемов опросов.

Например, метод Рейда, который призван использовать основные психологические принципы опроса личности, и включает в себя три компонента:

- анализ собранных фактов по делу;

- интервью опрашиваемого;
- собственно опрос.

Хотя они и представляют собой отдельные процессы, но связаны одной темой – фактическими данными, имеющимися у полиции по поводу события преступления. Такой компонент, как интервью, необходим для использования различных инструментов поведенческого анализа личности опрашиваемого и включает несколько ступеней, которые должны привести к признанию вины допрашиваемого. Этот метод направлен на выявление обмана при помощи анализа речи и языка жестов и интерпретации вербальной и невербальной информации.

Другим методом, имеющим значение для тактики проведения опроса подозреваемых лиц, является познавательный метод, направленный на активизацию памяти допрашиваемого. Данный метод был разработан американскими психологами Эдом Гейсельманом и Роном Фишером и включен в курс подготовки сотрудников полиции в качестве основных начал подготовки и проведения опроса.

В соответствии с этим методом допрашиваемый должен получить в процессе допроса четыре инструкции:

- 1) рассказать все, что ему известно по делу, даже если он считает какие-то сведения несущественными;
- 2) провести мысленную реконструкцию контекста события с учетом различных условий и участников;
- 3) восстановить событие в различных последовательностях (с начала до конца, с какого-либо эпизода и т.д.);
- 4) изменить позицию рассмотрения (например, с позиции другого свидетеля или жертвы).

При этом сотрудник полиции помогает восстановить детали и события, не применяя приемы, направленные на воспроизведение картины в целом. Ему полезно использовать так называемый мысленный «бег трусой».

Описываемый метод полезен в случае недавнего по времени события и в отношении жертвы и лица, которое идет на сотрудничество с органами полиции.

Другой метод SUE (strategic use of information – стратегическое использование информации) предполагает использование тактических приемов, направленных на использование по делу всей имеющейся информации.

Он основан на следующих инструкциях сотруднику полиции, производящему опрос:

- планирование опроса с учетом потенциально инкриминирующей информации;
- включение в опрос элемента свободного воспроизведения имеющейся у опрашиваемого ин-

формации, при поощрении его к предоставлению значимой;

- фаза задавания вопросов опрашиваемому таким образом, чтобы не раскрыть ту информацию, которая есть у сотрудника полиции;

- выявление противоречий и несоответствий в полученной информации и предложение опрашиваемому прокомментировать эту ситуацию.

Свободное воспроизведение информации как тактический прием используется полицией США с 1990 г. Этот тактический прием пришел на смену тактическому приему, при котором свидетелю представлялась возможность рассказать все известные ему сведения о событии без прерывания сотрудником полиции. Более ранний метод, предполагающий предоставление свидетелю возможности без прерывания рассказывать его воспоминания о событиях с последующим задаванием прямых вопросов, приводил, как считалось, к получению зачастую неполной информации.

Существуют и другие тактические приемы, которые успешно используются полицией для получения признательных показаний от подозреваемого либо показаний свидетеля. Среди них можно назвать такой прием, как «активное слушание». Он заключается в том, что сотрудник полиции показывает, что он внимательно, заинтересованно и сопереживательно слушает опрашиваемого. При этом сотрудник:

1) делает вывод из всего сказанного опрашиваемым, но в других выражениях, показывает, что он оценивает и стремится понять, например, его действия в момент события либо сразу после него;

2) задает вопросы опрашиваемому в тех же выражениях, с использованием тех же речевых оборотов, что и опрашиваемый, выясняет подробности и детали (принцип эха);

3) переспрашивает, т.е. повторяет слова либо предложения опрашиваемого с целью прояснения, что имеет в виду опрашиваемый.

Нужно сказать, что при применении тактических приемов опроса, основанных на вербальной и невербальной информации, нужно учитывать, что у людей существуют индивидуальные или культурные различия и что выделенные психологией типы поведения людей (волнение, отвод глаз и др.) обя-

зательно говорят о неправдивости их показаний. Тем не менее, большинство американских ученых считают, что, если наблюдатель знаком со «словарем» языка тела, он всегда будет знать, что оно будет делать в процессе любого разговора, более того, по жестам собеседников можно рассказать о содержании разговора (например, доктор Ray L. Birdwhitsell из университета Луисвилля).

В специальной литературе [6] выделяются группы тактических приемов, которые основаны на таких познавательных методах, как:

- восстановление обстоятельств;

- сообщение всех фактов;

- восстановление событий в обратной последовательности;

- изменение перспектив.

Особое место занимают такие тактические приемы, которые основаны на применении научных методов применения психологических тестов, к которым относятся так называемые «нетрадиционные методы» опроса. Самыми распространёнными из них являются полиграф, «определитель стресса», «сыворотка правды», гипноз.

Судебная психология получила статус в судебной системе США в 1962 г. по делу «Дженкинс против Соединенных Штатов» (Jenkins v. United States), когда Апелляционный Суд США постановил, что «некоторым психологам предоставляется право свидетельствовать в качестве эксперта в области психических расстройств».

В США имеются профессиональные организации, занимающиеся проблемами применения психологических знаний при расследовании преступлений: Американская ассоциация коррекционной психологии (American Association of Correctional Psychology), Американское общество психологии и права (American Psychology-Law Society), Американская коллегия судебной психологии (American Board of Forensic Psychology) и другие.

Анализ тактических методов, применяемых в современном уголовном процессе США на стадии досудебного производства, позволяет сделать вывод, что многие из них выработаны такой наукой, как судебная психология, которая изучает, в том числе, и методы психологического воздействия на лиц, опрашиваемых сотрудниками полиции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Николайчик В.М. Уголовный процесс США. М.: Наука, 1981. 224 с.
2. U.S. Supreme Court. *Miranda v. Arizona*, 384 U.S. 436 (1966).
3. Махов В.Н., Пешков М.А. Уголовный процесс США (досудебные стадии): учебное пособие. М.: Интел-Синтез, 1998. 208 с.
4. *Brewer v. Williams*, 430 U. S. 387 (1977).
5. Бернам У. Правовая система США. М.: «Новая юстиция», 2006. 1216 с.
6. Новый метод познавательного опроса, применяемый полицией США (Калифорния). Экспресс-информация. Зарубежный опыт. Вып.19. М.: МВД СССР, 1991.

УДК 340.115.7

З. И. Тагиров

ЕВРОПЕЙСКАЯ МОДЕЛЬ
СЕТЕВОЙ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ:
ПЕРСПЕКТИВЫ ПРИМЕНЕНИЯ В РОССИИ

В статье представлен обзор современного зарубежного видения организованной преступности и терроризма исходя из понимания сетевого характера межсубъектных связей людей. Внедрение сетевых правовых и организационных механизмов борьбы с наиболее опасными проявлениями преступности – в первую очередь с проявлениями терроризма, по мнению автора, – актуальная потребность практической правоохранительной деятельности в Российской Федерации.

Ключевые слова: правоохранительные органы, сетевая правоохранительная деятельность, моделирование, правоохранительное сотрудничество, Европейский союз, зарубежный опыт.

Изучение политико-правовых явлений в современных условиях невозможно вне контекста глобальных и региональных интеграционных процессов, межгосударственные объединения стали неотъемлемым элементом современной международной жизни. Наиболее последовательную межгосударственную интеграцию, в том числе в сфере совместной борьбы с преступностью, сегодня демонстрируют страны Европейского союза (далее – ЕС, Евросоюз). Изучение опыта данного альянса особенно актуально в связи с тем, что в отдельных направлениях международного правоохранительного сотрудничества Европейский союз демонстрирует прямую интеграцию с правовыми и организационными механизмами борьбы с преступностью таких стран, как США, Канада и Австралия, формирующими собственный экономический союз. Прослеживаются признаки формирования данными странами глобальной правоохранительной кооперации со значительным потенциалом сил и средств противодействия преступности.

По оценкам Европола [1], значительную угрозу для внутренней безопасности ЕС представляют крупномасштабные преступные и террористические сети. Под «сетями» общепринято понимаются самоорганизующиеся информационные коммуникации людей на основе общих ценностей без формального членства в какой-либо организации [2, с. 80]. В связи с этим правоохранительные органы стран Европейского союза расширяют меры противодействия преступности на основе правоохранительной кооперации и новых

информационных коммуникаций. В основе генезиса форм и методов коммуникаций и коопераций между государственными правоохранительными органами стран Евросоюза лежит общая заинтересованность в борьбе с терроризмом и «серьезными» преступлениями (serious crimes). Исходя из понимания криминальной угрозы как результата сетевого взаимодействия людей, соответствующим образом выстраивается современная европейская модель сетевой правоохранительной деятельности. Зарождаясь как форма антитеррористического сотрудничества, такая модель стала подсистемой управления правоохранительной деятельностью в Европейском союзе.

Под сетевой правоохранительной деятельностью нами понимаются совместные действия нескольких субъектов государственного управления в среде правоохранительной коммуникации, направленные на получение общего результата. В процессе сетевой правоохранительной деятельности создается, дополняется и используется общая для всех субъектов значимая информация, используются общие стандарты (правила) деятельности, совершаются общественно значимые действия. Участники сетевой правоохранительной деятельности объединены общими объектами информации, в отношении которых они совершают свои действия.

Классические примеры сетевых правоохранительных институтов Европейского союза – агентства Европол, Евроюст, ОЛАФ и другие службы [3, с.88]. Сетевые информационно-правоохранительные коммуникации в Евросоюзе мож-

Тагиров Зуфар Ильдарович, адъюнкт Академии управления МВД России, e-mail: 7977805331@mail.ru

©Тагиров З.И., 2016

Статья получена 14.06.2016

но условно разделить на общие и специальные. К общим сетевым коммуникациям могут быть отнесены традиционные коммуникации Европола, такие как SIENA (Secure Information Exchange Network Application) – сетевое приложение по безопасному обмену информацией и EIS (Europol Information System) – информационная система Европола. Данные сети и системы организованы в электронных формах, и к ним имеют доступы все правоохранительные органы всех стран ЕС.

Специальные информационно-правоохранительные коммуникации сетевой правоохранительной деятельности разнообразны. Кратко перечислим некоторые из них:

сотрудничество по исполнению европейского ордера на арест подозреваемых в «серьезных» преступлениях (the European Arrest Warrant, EAW);

деятельность совместных межгосударственных следственно-оперативных групп Европола;

механизм формирования и использования общих для всех государств ЕС списков разыскиваемых лиц и террористических организаций;

сотрудничество в рамках совместного мониторинга, ареста (замораживания) и конфискации имущества и финансов, используемых в преступных целях;

совместное слежение за внутренними перемещениями физических лиц (программа the Passenger Name Records, PNR);

финансовая разведка на основе интеграции информационных баз данных Европола с ранее децентрализованной информационной сетью Fiu.Net;

совместная активная контрпропаганда идей терроризма, радикализма и экстремизма в обществе, в т.ч. в сети Интернет;

сотрудничество под эгидой Европейского контртеррористического центра Европола (the European Counter Terrorism Centre, ECTC).

В рамках сетевого подхода к борьбе с организованной преступностью в Европейском союзе создаются профессиональные правоохранительные сети – это неформальные объединения специалистов. Как правило, из каждой страны выбирается 2 самых компетентных представителя правоохранительных органов в сфере противодействия определенному виду преступности. Эти специалисты собираются на профессиональные встречи, совместно обсуждают проблемы борьбы с преступностью, участвуют в совместных межгосударственных расследованиях. Такие профессиональные сети координируют работу правоохранительных органов стран ЕС, минуя бюрократические процедуры администрирования. В случае обострения оперативной обстановки по определенному виду преступности (например, при совершении серии терактов в одной из стран),

специалисты профессиональных правоохранительных сетей могут экстренно прибывать в любую точку ЕС для координации совместных действий и консультаций по расследованию. В этом смысле такие профессиональные сети по праву могут называться сетями «первичного реагирования» (The First Response Network, FRN) [4, с.5].

В европейской сетевой модели организации правоохранительной деятельности ключевые показатели эффективности (Key Performance Indicators, KPI) связаны с информационно-правоохранительными коммуникациями: полиция оценивает эффективность своей работы по количеству сделанных разведывательных (оперативно-розыскных) выводов, количеству выявленных подозрительных финансовых операций, количеству выданных европейских ордеров на арест, объему занесенной информации в интегрированные банки данных.

Сетевая модель организации правоохранительной деятельности в европейских странах является адаптивным механизмом борьбы с преступностью и дополняет традиционную субординационную модель управления правоохранительной деятельностью. В настоящее время такая сетевая модель рекомендована к развитию в рамках межгосударственного сотрудничества Европейского комитета по проблемам преступности Совета Европы [5, с. 6], сетевые формы полицейского сотрудничества положительно оценены учеными-правоведами [6, с. 12].

Считаем актуальным дальнейшее изучение сетевых форм правоохранительной деятельности в Российской Федерации и разработке комплексной сетевой модели такой деятельности. Целесообразным считаем развивать отечественный опыт организации защищенного межведомственного электронного сетевого информационного обмена в среде правоохранительной коммуникации, организовывать межведомственные правоохранительные базы данных информации под эгидой «единого информационного центра». Создание и функционирование таких единых банков данных, проблема передачи и распределения доступа к ним стала особенно актуальной в связи с реформой правоохранительной системы, созданием Федеральной службы войск национальной гвардии, перераспределением правоохранительных компетенций и информационных ресурсов между государственными органами.

Необходимо понимать, что отечественная уголовная субкультурная среда, образующая собой криминальную сеть, зачастую не привязана к территориальной деятельности полиции. Поэтому на современном этапе считаем целесообразным активнее формировать отечественные

профессиональные правоохранные сети. Для этого целесообразно перераспределить правоохранные компетенции: при сокращении линейно-территориальных (зональных) правоохранных компетенций развивать линейные (отраслевые, целенаправленные, в т.ч. точечные) направления противодействия преступности.

Российской Федерации в целях противодействия террористическим сетям необходимо развивать собственную правоохранный кооперацию на принципах сетевого партнерства, интегрировать на сетевых началах деятельность всех органов государственной власти, участвующих в противодействии терроризму.

В качестве варианта организации совместного сбора, обработки и использования значимой правоохранный информации предлагаем изучить вопрос о дополнении архитектуры отечественной системы правоохранных органов – правоохранными организациями с само-

стоятельными (вспомогательными, информационными) компетенциями.

Безусловно, проекция европейского опыта противодействия терроризму в правоохранный деятельность Российской Федерации требует проведения глубокого научного исследования и спланированного концептуального подхода. Зарубежный опыт в одной из сфер общественной жизни не может быть механически перенесен и адаптирован в иных социально-экономических реалиях. Между тем рассмотренные нами вопросы позволяют развить дальнейшую научную дискуссию о допустимости использования европейской модели сетевой правоохранный деятельности при формировании отечественных правоохранных структур в рамках реформы системы государственного управления [7], предложенной Председателем Правительства Российской Федерации Д. А. Медведевым.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Европол / Основная информация // Сайт Европейской полицейской организации (Европол) в сети Интернет. Доступ по URL [свободный]: <https://www.europol.europa.eu/content/page/about-us> (дата обращения 11.03.2016).
2. Соловьев Э.Г. Сетевые организации транснационального терроризма // Международные процессы. – 2004. №2 (5). Том 2. С.71-83.
3. Шагапсоев З.Л., Канунникова Н.Г. О некоторых направлениях антитеррористической политики Евросоюза // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2015. № 3 (21). С.88-92.
4. Changes in modus operandi of IS in terrorist attacks (Изменения в методах террористических атак Исламского государства) : публичный доклад Европейской полицейской организации. - Гаага: Европол, 18 января 2016 года. 8 с. / Оригинал документа расположен в сети Интернет [режим доступа: свободный] по URL: https://www.europol.europa.eu/sites/default/files/publications/changes_in_modus_operandi_of_is_in_terrorist_attacks.pdf (дата обращения: 27.01.2016).
5. Шалягин Д.Д. Участие Российской Федерации в конвенциях Совета Европы о сотрудничестве по уголовным делам // Совет Европы и актуальные проблемы противодействия преступности: сборник материалов Международной научно-практической конференции (23 марта 2016 г.). М.: Московский университет МВД России, 2016. С.6.
6. Волеводз А.Г. Юридические сети в сфере судебного и полицейского сотрудничества Европейского союза // Международное уголовное право и международная юстиция. 2012. № 2. С.9-12.
7. Стеркин Ф., Мереминская Е., Прокопенко А. Владимир Путин согласен на комиссию // Ведомости. 2015. 22 апреля. № 4061. С.1.

УДК 343.1

Д. И. Ураков

О ПРОБЛЕМАХ ОПТИМАЛЬНОЙ ПРАВОВОЙ ОРГАНИЗАЦИИ РАССЛЕДОВАНИЯ КРИМИНАЛЬНОГО МОШЕННИЧЕСТВА В СФЕРЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В данной статье рассматриваются проблемы, связанные с проведением расследования преступлений, связанных с мошенничеством в сфере экономической деятельности. Акцент сделан на характерных проблемах, которые возникают при этом. Автор предлагает решение этих проблем через реформу правовой организации досудебного уголовного расследования и аргументирует свою позицию необходимостью повышения эффективности противодействия такого рода преступлениям.

Ключевые слова: мошенничество, предварительное расследование, оперативно-разыскная деятельность.

Высокий уровень латентности мошенничества в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, а также распространенность этого вида преступлений и значительность имущественного вреда, причиняемого им физическим, юридическим лицам, муниципальным и государственным образованиям, определяет его социальную опасность.

Доля мошенничества в общей экономической преступности достаточно высока.

По статистике за 2015 год всего зарегистрировано 2 352 098 преступлений, из них 1 254 706 преступлений раскрыто. Количество преступлений против собственности в 2015 году составило 1 370 582, из них 542 297 преступлений раскрыто, количество совершенных мошенничеств, предусмотренных ст. ст. 159-159.6 УК РФ, составило 198 507, из них 59 683 раскрыто [1]. При этом, согласно отчету о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел первой инстанции, за 12 месяцев 2015 года всего поступило 966 416 уголовных дел в суды первой инстанции, по ст.159-159.6 УК РФ поступило в отчетном периоде 29 215 дел, осуждено по ч. 1 ст. 159-159.6 – 6 189 чел., по ч. 2 ст. 159-159.6 – 6 476 чел., по ч. 3, 4 ст. 159-159.6 – 9 521 чел. [2]. Анализируя статистические данные, видим, что раскрывается лишь половина всех преступлений, мошенничеств раскрывается 1/3 часть от зарегистрированных, а в суд отправляется в два раза меньше уголовных дел. Это говорит о недостаточной эффективности деятельности правоохранительных органов по проти-

водействию данному виду преступлений.

Осознавая наличие этой проблемы, законодатель предпринимает определенные меры по ее решению. Не будем обсуждать изменения уголовного законодательства в этой сфере, которые уже стали предметом исследования наших коллег [3, с. 54-62; 4, с. 32-35]. Остановимся на новшествах в УПК РФ, изменивших уголовно-процессуальную форму применения норм, содержащихся в статьях 159-159.6 УПК РФ. Речь идет, прежде всего, о Федеральном законе от 29.11.2012 № 207-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» [5]. Этот закон, очевидно, имел целью кардинально изменить правовые условия деятельности органов предварительного расследования по раскрытию и расследованию случаев криминального мошенничества в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности.

Уголовные дела о мошенничестве, предусмотренные ст. 159-159.6 УК РФ, в соответствии с частью 3 ст. 20 УПК РФ отнесены к уголовным делам частного-публичного обвинения. Причем эта новая разновидность дел частного-публичного уголовного преследования, по сравнению с существовавшей ранее, имеет ряд характерных отличий. Как отмечают комментаторы, возбуждение уголовного дела в частно-публичном порядке, в том числе по признакам преступлений, предусмотренных статьями 159-159.6 УК РФ, возможно при наличии следующих условий: 1) если преступление (преступления) совершено индивидуальным предпринимателем

Ураков Дмитрий Игоревич, преподаватель кафедры огневой подготовки Нижегородской академии МВД России
e-mail: uradis543@mail.ru

©Ураков Д.И., 2016

Статья получена 02.06.2016

в связи с осуществлением им предпринимательской деятельности и (или) в связи с управлением принадлежащим ему имуществом, используемым в целях предпринимательской деятельности; 2) если эти преступления совершены членом органа управления коммерческой организации в связи с осуществлением им полномочий по управлению организацией; 3) если эти преступления совершены членом органа управления коммерческой организацией в связи с осуществлением коммерческой организацией предпринимательской деятельности или иной экономической деятельности [6].

Во всех этих случаях деятельность органов публичного уголовного преследования не может осуществляться без инициативы со стороны лица, ставшего жертвой преступления. По принципу «нет заявления – нет преступления». Противодействие мошенничеству в сфере экономики поставлено в зависимость от воли частных лиц. Потерпевший должен четко выразить свое желание привлечь к уголовной ответственности то лицо, которое совершило в отношении него преступление. Это обстоятельство должно быть отражено в заявлении, иначе в последующем может возникнуть вопрос о прекращении уголовного дела по основанию, предусмотренному п. 5 ч. 1 ст. 24 УПК РФ [7, с. 101-107].

Нормы, содержащиеся в части 3 статьи 20 УПК РФ, позволяют сделать вывод о том, что они направлены на то, чтобы минимизировать риск от незаконного вмешательства органов уголовной юстиции в гражданско-правовые споры субъектов предпринимательской деятельности. Такова суть новой уголовной политики противодействия преступности в сфере экономической деятельности.

Возникает вопрос: достиг ли законодатель своей цели? Сказывается ли новая правовая форма на деятельности по выявлению, раскрытию и расследованию преступного мошенничества?

По результатам изучения правоприменительной практики мы склонны дать отрицательный ответ на данный вопрос. По крайней мере, это касается расследования преступлений, предусмотренных статьей 159.2 УК РФ.

Анализ материалов уголовных дел и обвинительных заключений показывает, что большая часть преступлений этой категории совершаются в социальной сфере (получение субсидий на оплату коммунальных услуг, при получении материнского капитала, детских пособий), в сфере трудовой занятости населения (выплаты на возмещение затрат по созданию дополнительных рабочих мест для граждан, находящихся под угрозой увольнения) в рамках действия федеральных законов, федеральных и региональных целевых программ, постановлений Правительства РФ и органов местного

самоуправления.

Одним из наиболее распространенных видов мошенничества при получении выплат является обналичивание материнского капитала, что согласно действующему законодательству запрещено [8]. Эта деятельность стала предметом «предпринимательской» деятельности мошенников в целом ряде регионов России. В частности, привлекался к уголовному преследованию за этого рода деятельность и один из инициаторов создания особого правового режима расследования преступлений в сфере экономической деятельности – сопредседатель «Опоры России» – Павел Сигал [9].

Изучение опыта расследования этих преступлений позволило нам выявить ряд особенностей. Во-первых, в расследовании мошенничества при получении выплат затруднительно установить истинный умысел на совершение данного преступления, так как злоумышленники практически всегда стремятся замаскировать его. С целью противоправного и безвозмездного обогащения в свою пользу преступники фальсифицируют либо обманом получают документы, дающие право на определенные законом выплаты. Выявить данные мошеннические действия в общей массе законных выплат – весьма сложная задача для всех государственных органов, которые должны взаимодействовать между собой. Так что сотрудникам ЭБиПК МВД России важно плотно сотрудничать с органами социального обеспечения и иными органами, которые уполномочены на предоставление соответствующих выплат, иметь там надежные источники оперативной информации.

Однако самое главное состоит в том, что потерпевшим по такого рода преступлениям является государство, так как предметом преступления являются бюджетные средства, выделяемые на социальные выплаты. Они и расхищаются мошенниками.

Поэтому поводом для возбуждения уголовных дел выступают заявления представителей государственных органов. Так, например, уголовное дело № 03/1161 было возбуждено по признакам преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 159.2 УК РФ, в отношении неустановленного лица по заявлению первого заместителя Министра сельского хозяйства и продовольствия Удмуртской Республики У.[10].

Многие дела о такого рода преступлениях возбуждаются по рапорту сотрудников подразделений ЭБиПК. Так, уголовное дело № 42168 было возбуждено 30.06.2014 г. по признакам преступления, предусмотренного ст. 159.2 ч. 3 УК РФ, в отношении Т. по рапорту старшего оперуполномоченного ЭБиПКМОМВДРФ «Усть-Канский» [11]. Согласно рапорту в ходе проведения оперативно-разыскных мероприятий, направленных на выявление фактов

хищения денежных средств МЦП «Развитие малого и среднего предпринимательства МО «Усть-Канский район», выявлен факт незаконного получения субсидии в размере 300 000 рублей по указанной программе в сфере организации сельского туризма индивидуальным предпринимателем Т. в ноябре 2012 года путем предоставления в отдел экономики и туризма администрации МО «Усть-Канский район» пакета подложных документов.

Уголовное дело № 4188 в отношении заместителя директора филиала № 1 (Ижевский) ГУ – региональное отделение фонда социального страхования РФ по УР гр.К. было возбуждено по рапорту об обнаружении признаков преступления оперуполномоченного отделения по Первомайскому району ОЭБ и ПК УМВД России по г. Ижевску [12].

Значительное число уголовных дел о преступлениях данного вида возбуждаются по материалам прокурорских проверок. Так, уголовное дело № 03/1143 по признакам преступления, предусмотренного статьей 159 УК РФ, было возбуждено в отношении гр.Б. по постановлению прокурора о направлении материалов проверки в орган предварительного расследования. В ходе расследования ему было предъявлено обвинение в совершении преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 159.2 УК РФ, ч. 3 ст. 159.2 УК РФ.

Уголовное дело № 80105 было возбуждено 30.01.2013 года в отношении гр. Б. по признакам состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 159 УК РФ, на основании материалов проверки, поступивших от прокурора г. Горно-Алтайска. Материалы проверки содержали сведения о совершении гр. Б. преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 159 УК РФ, для организации проведения проверки в порядке ст. ст. 144, 145 УПК РФ и решения вопроса об уголовном преступлении [13]. В ходе проведенного расследования действия обвиняемого были квалифицированы по ч. 2 ст. 159.2 УК РФ.

Таким образом, преступления, предусмотренные статьей 159.2 УК РФ, которые совершаются в сфере экономической деятельности, выявляются, расследуются и раскрываются публичными органами уголовного преследования, то есть органами дознания, предварительного следствия и прокурорами. Роль потерпевших – субъектов предпринимательской деятельности в правовом механизме уголовного преследования невелика и практически не сказывается на его деятельности. В ходе изучения следственной практики по делам о преступлениях данной категории нам не встретилось ни одного случая обращения с заявлением в правоохранительные органы субъекта предпринимательской деятельно-

сти или иного потерпевшего – частного лица.

В связи с вышеизложенным в принципе ошибочным видится решение законодателя о переводе уголовных дел о преступлениях мошеннической направленности, в первую очередь преступления, предусмотренного ст. 159.2 УК РФ, в дела частного-публичного обвинения. По нашему мнению, наоборот, следует усиливать полномочия сотрудников оперативного аппарата для получения доказательственной информации и раскрытия совершенных или подготавливаемых подобных преступлений. Такого рода информация должна быть основой доказывания и выдвижения обвинения против виновных в мошенничестве. Как показывает судебная практика исключительное значение для изобличения мошенников и доказывания умысла на совершение мошенничеств имела информация о содержании их неформальных разговоров между собой, полученная оперативным путем. На основании одних документов отграничить «ошибку», «добросовестное заблуждение» от мошенничества бывает затруднительно.

Мы разделяем мнение наших коллег, критикующих данное решение законодателя, ввиду того, что оно не отвечает интересам защиты интересов общества от преступных действий мошенников в сфере экономической деятельности [14, с. 88-92; 15, с. 137-142]. Стоит согласиться с Ю. К. Якимовичем, который утверждает, что расширение прав потерпевшего в уголовном преследовании по делам частного-публичного и публичного обвинения ни к чему не приведет, поскольку потерпевший не будет ими пользоваться, а насильно заставлять его участвовать в уголовном преследовании не только не этично, но и противоправно. Реализация принципа публичности в уголовном судопроизводстве в том и заключается, что обязанность уголовного преследования по делам частного-публичного и публичного, а отчасти и по делам частного обвинения, лежит именно на специально для этого учрежденных органах предварительного расследования и прокуратуры [16, с. 17-20].

Конечно, уголовная политика противодействия преступлениям, в том числе мошенничеству в сфере экономической, предпринимательской деятельности, нуждается в существенной модернизации. Однако не теми средствами, которые избрал законодатель. Уголовное преследование мошеннических действий в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, прежде всего, деяний, предусмотренных статьей 159.2 УК РФ, должно осуществляться в публично-правовом порядке.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. URL: // https://mvd.ru/upload/site1/document_file/sb_1512.pdf (дата обращения 27.04.2016).
2. URL: // <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=3417> (дата обращения 27.04.2016).
3. Александрова И. А. Новое законодательство о мошенничестве // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2013. № 21. С. 54-62.
4. Александрова И. А. Новое законодательство о мошенничестве в свете разъяснений Президиума Верховного Суда РФ. Статья 1. Новейшая практика применения ст. 159, ст. 159.1-159.6 УК РФ // Российский следователь. 2014. № 4. С. 32-35.
5. Российская газета. 2012. 3 декабря.
6. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / научн. ред. В. Т. Томин, М. П. Поляков. 7-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2014. С. 118.
7. Александров А. С., Грачев С. А. Стадия возбуждения уголовного дела: ликвидировать нельзя оставить // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2015. № 1 (31). С. 101-107.
8. Федеральный закон от 29 декабря 2006 г. № 256-ФЗ (ред. от 21.07.2014) «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» // Собрание законодательства РФ. 2007. № 1 (ч. 1), ст. 19 / СПС «Консультант Плюс» (дата обращения 28.04.2016).
9. Материнский капитал выводили по всей стране // Известия.Ру. 2014. 19 мая. URL: <http://izvestia.ru/news/570929>
10. Уголовное дело № 03/1161 по обвинению в совершении преступления, предусмотренного частью 3 ст. 159.2 УК РФ // Отдел СЧ СУ МВД по Удмуртской Республике.
11. Уголовное дело № 42168 по обвинению А.И. Такысовой в совершении преступления, предусмотренного ст.159.2 ч.3 УК РФ // СО МО МВД РФ по Республике Алтай «Усть-Канский».
12. Уголовное дело № 4188 по обвинению А.Ю. Куликовой в совершении преступления, предусмотренного частью 2 статьи 159.2 УК РФ // СЧ СУ МВД по Удмуртской Республике.
13. Уголовное дело № 80105 по обвинению Д.Б. Байгонусовой в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 159.2 УК РФ // СО МО МВД РФ по Республике Алтай «Усть-Канский».
14. Александров А., Александрова И. О некоторых последствиях отнесения дел о мошенничестве к категории дел частного-публичного обвинения: имеет ли обратную силу уголовно-процессуальный закон? // Уголовное право. 2014. № 1. С. 88-92.
15. Власова С. В. Хмельницкая Т. В. О доктринальной модели формирования уголовно-процессуальных доказательств в состязательном уголовном судопроизводстве // Общество и право. 2016. № 1 (55). С. 137-142.
16. Якимович Ю. К. Участие потерпевшего в уголовном преследовании // Уголовное судопроизводство. 2014. № 4. С. 17-20.

УДК 37.022

Н. Н. Хакимов**ФОРМЫ И МЕТОДЫ ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ МВД
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ:
СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ОСНОВНЫХ ПОДХОДОВ**

Статья посвящена исследованию основных форм и методов воспитательной деятельности в образовательных организациях МВД Российской Федерации посредством сравнительного анализа ведущих, выдвигаемых в литературе подходов.

Ключевые слова: формы и методы воспитательной деятельности, особенности воспитания в образовательных организациях МВД Российской Федерации, сравнительный анализ основных подходов.

Важной методической проблемой организации эффективного воспитательного процесса в системе любой педагогической технологии являются, как известно, применяемые в ней **методы и формы**. В теоретической педагогической науке этот вопрос разработан достаточно основательно. Например, во всех новейших педагогических энциклопедиях и словарях существуют обширные статьи, подробно описывающие методы и формы воспитания, применяемые в различных возрастных группах и педагогических средах [1; 2]. Формы и методы воспитательной деятельности основательно прописаны и в большинстве современных отечественных вузовских учебников и учебных пособий по педагогике [3; 4].

Видимо, подобная научно-образовательная ситуация привела к тому, что в методическом плане используемые в конкретной педагогической практике формы и методы воспитания, в том числе – применительно к образовательным организациям системы МВД России, приводятся в соответствующих директивных документах систематически и довольно подробно. Как отмечают некоторые специалисты, в области организации и проведения воспитательной работы в органах внутренних дел принят целый ряд ведомственных нормативных правовых актов [5]. При этом наиболее широкий и обоснованный набор основных методов и форм воспитательной работы с сотрудниками органов внутренних дел представлен в «Руководстве по морально-психологическому обеспечению оперативно-служебной деятельности органов внутренних дел Российской Федерации», утвержденном приказом Министерства внутренних дел Россий-

ской Федерации N 80 от 11 февраля 2010 года «О морально-но-психологическом обеспечении оперативно-служебной деятельности органов внутренних дел Российской Федерации» [6].

Вместе с тем, как показывает проведенный нами анализ опубликованной литературы, диссертаций (нами были изучены около пятидесяти работ, защищенных в течение последнего десятилетия) и материалов Интернета, в последние годы сформировалось несколько оригинальных подходов, в которых по-разному описываются содержание и структурные элементы форм и методов воспитательной деятельности. Это, с одной стороны, способствует расширению исследовательского поля применительно к данной проблеме, но, с другой стороны, создает ситуацию теоретической разногласия, что препятствует качественному методическому обеспечению конкретной педагогической деятельности.

Исходя из вышеизложенного, в настоящей статье мы предприняли попытку систематизации имеющихся подходов в определении форм и методов воспитательной деятельности, с определением их достоинств и недостатков. В связи с тем, что во многих авторских работах (диссертациях) в качестве объекта исследования определено воспитание, осуществляемое в различных силовых ведомствах, мы включили в свой анализ работы, посвященные образовательным организациям системы МВД и военным вузам России. Одновременно, по причине того, что проанализированные нами работы (особенно – диссертации) в качестве непосредственного предмета исследования определяли различные проблемы (например,

Хакимов Назим Назипович, преподаватель кафедры специальной подготовки Уфимского юридического института МВД России, e-mail: hakimov.nazim.1979@mail.ru

©Хакимов Н.Н., 2016

Статья получена 18.04.2016

патриотическое, нравственное или поликультурное воспитание), мы попытались изучить именно предлагаемый авторами оригинальный набор методов и форм воспитания, абстрагируясь от разрабатываемой ими конкретной проблемы.

Итак, в вышеуказанном «Руководстве по морально-психологическому обеспечению оперативно-служебной деятельности органов внутренних дел Российской Федерации» определено, что **«основными методами** воспитания являются: **убеждение, пример, соревнование, упражнение, поощрение, принуждение, критика действий и поступков»**. При этом отмечается, что основными средствами реализации задач воспитания являются такие направления воспитательной деятельности, как: индивидуальная воспитательная работа; информационно-пропагандистская работа; работа актива служебных коллективов органов (учреждений). Особое внимание в указанном руководстве обращено **на роль ритуалов** в организации воспитательного процесса [6]. Наконец, в качестве **основных форм воспитательной работы** с сотрудниками в данном документе названы, наряду с такими обще-признанными способами преподавания, как лекция, доклад и беседа (в том числе - групповая или индивидуальная), и специфические методы педагогического воздействия, к которым отнесены: общее собрание сотрудников по категориям; служебное совещание; инструктивное занятие; митинг личного состава. В особую группу форм воспитательной работы отнесены т.н. «вечера», в том числе: вечер-чествование лучших сотрудников; вечер-портрет; вечер вопросов и ответов; тематический вечер; встреча с ветеранами, с деятелями культуры и искусства, с представителями традиционных религиозных конфессий и т.д. Одновременно в качестве эксклюзивных форм воспитательной деятельности определены такие разноуровневые педагогические методы, как читательская научно-практическая конференция, устный журнал, викторина, экскурсия, а также – диспут и дискуссия.

В основном и в целом придерживаются выше-названной концепции типологизации форм и методов воспитательной деятельности в вузах МВД России некоторые авторы специальных исследований по данной проблеме [7, с.157-158].

Однако, в других научных исследованиях (в основном – диссертационного характера), посвященных воспитательной деятельности в вузах силовых министерств России, вышеприведенный список основных форм воспитательной работы расширяется. Например, О.А.Тимофеева, рассматривая процесс формирования общечеловеческих культурных ценностей у курсантов вуза МВД России в ходе профессиональной подготовки, считает, что

главную роль должны сыграть **такие организационные формы**, как: лекции; интернет-лекции; практические и семинарские занятия; ролевые и деловые игры; беседы; тематические вечера; кино-просмотры; встречи; экскурсии; рассказы, концерты. Кроме того, автор предлагает расширить набор организационных форм воспитания за счет более активных и тренинговых методик: защиты проектов; составления портфолио; организации викторин и дискуссий, проведения эстафет, подготовки и проведения занятий-фантазий, дебатов, круглых столов, моделирования, тренингов, театрализованных представлений и т.д. [8, с.14].

В.А.Козлов, анализируя формирование у курсантов вузов МВД России нравственного отношения к сослуживцам, подчеркивает, что спецификой обучения курсантов является их постоянное нахождение в стенах вуза. При этом, отмечает он, **основными методами воспитания** являются такие контрольно-показательные методики, как личный пример командиров подразделений курсантов и преподавателей, непосредственно проводящих учебные занятия с курсантами; убеждение-разъяснение по вопросам нравственного самоопределения в различных ситуациях жизнедеятельности; наблюдение за работой курсантов во время занятий и самостоятельной работы; предъявление требований к курсантам, нарушающим нормы и стандарты нравственного поведения военнослужащих и др. При этом наиболее **результативными формами** достижения нравственного отношения к сослуживцам у курсантов, по мнению В.И.Козлова, являются различные индивидуальные воспитательные беседы (в том числе -ознакомительная, поддерживающая, корректирующая и предупредительная); групповые беседы, которые направлены на разъяснение военнослужащим необходимости нравственного поведения; деятельность организаций войсковой общественности; доведение до курсантов приказов о поощрении личного состава за добросовестное выполнение служебных обязанностей; единые дни информационно-воспитательной работы и профилактики правонарушений; ежедневная постановка сержантскому составу конкретных задач по сплочению коллективов курсантов и укреплению воинской дисциплины; учебные занятия; заслушивание курсантов о личной примерности, прилежности и учебной успеваемости; издание приказов и иных нормативных актов, направленных на предупреждение негативных явлений и укрепление воинской дисциплины в подразделениях курсантов; информирование курсантов с целью социального ориентирования; мониторинг количественных и качественных показателей выполнения курсантами распорядка дня; обсуждение

вопросов нравственности на собраниях курсантов и собраниях организаций войсковой общности; осуществление расследований по дисциплинарным проступкам курсантов; сбор, анализ, обобщение и распространение опыта командиров подразделений, добившихся лучших результатов в искоренении негативных явлений во взаимоотношениях курсантов и др. [9, с.15]. Таким образом, предлагаемая В.И. Козловым методика воспитательной деятельности ориентирована преимущественно на тотальный контроль и постоянное жесткое регулирование всех форм жизнедеятельности курсантов, на использование преимущественно назидательных и нотационных способов обеспечения формирования у курсантов вузов МВД России нравственного отношения к сослуживцам.

Так же, как и предыдущий автор, делая акцент на том, что воспитание курсантов осуществляется постоянно и непрерывно, а его конечные результаты зависят не только от воспитательной работы, а от всего уклада воинской службы, рассматривая формирование опыта межкультурного взаимодействия у курсантов военного вуза Е.В.Лигновская считает, что основу содержания воспитания составляет **комплекс мероприятий**, состоящий из шести основных их групп. В числе этих направлений автор выделяет: **1. Мероприятия по мобилизации личного состава на поддержание постоянной боеготовности, на освоение вооружения и военной техники**, а именно: разъяснение задач боевой учебы, требований программы боевой подготовки, наставлений и курсов стрельб, приказов Министра обороны РФ; пропаганда военно-технических знаний; **2. Мероприятия информационно-воспитательной работы**, в том числе: доведение до личного состава официальных решений органов государственной власти по вопросам общественно-политической и экономической жизни страны; **3. Мероприятия по укреплению воинской дисциплины**, наиболее актуальными среди которых выступают: обеспечение безопасных условий военной службы, профилактика правонарушений, сплочение воинского коллектива; **4. Мероприятия по реализации военно-социальной работы**: доведение и разъяснение личному составу нормативных актов о социальной защите военнослужащих, обеспечение выполнения для них социальных льгот и гарантий; **5. Мероприятия психологической работы**, в особенности - всестороннее изучение психологических качеств военнослужащих, выявление лиц, предрасположенных к немотивированным проступкам; **6. Мероприятия культурно-досуговой работы**, среди которых имеют наибольшее значение: осуществление досуга личного состава, организация художествен-

ной самодеятельности, наглядно-художественное оформление помещений подразделения, выпуск стенной печати и т.д. [10, с.14]

Анализ работ о воспитательной деятельности показывает, что в некоторых авторских подходах явно преувеличивается роль образовательной составляющей в эффективной воспитательной деятельности. Например, Е.М.Щеглова считает, что непосредственная работа по развитию поликультурной компетентности должна проводиться **на основе системы взаимосвязанных занятий**, в которую, например, входят: **работа на занятиях по иностранному языку по специально разработанной хрестоматии**, которая включает: и аутентичные тексты о культуре различных народов, и комплекс заданий, вопросов для обсуждения, и ролевые игры (ситуационные задачи), направленные на развитие поликультурной компетентности; **лекции и семинары** спецкурса «Человек в поликультурном мире»; **проведение тренинга** «Межкультурное взаимодействие» на практических занятиях по «Психологии в деятельности сотрудника ОВД», а также - **заседания «Клуба любознательных»** по тематике культуры стран изучаемого языка. Темы спецкурса параллельно изучаются на практических занятиях по иностранному языку и в процессе обсуждения текстов внеаудиторного чтения [11, с.14].

Схожую методическую позицию, преувеличивающую значение образовательной направленности воспитания, но с признанием необходимости организации дополнительных занятий-тренингов, занимает О.А.Кононова, которая утверждает: **«Совокупность эффективных средств социально-педагогического сопровождения межнационального общения курсантов – это, прежде всего система специальных учебных занятий**, организация совместной деятельности курсантов, связанная с необходимостью выполнения профессиональных обязанностей во взаимодействии с курсантами различных национальностей, организация и проведение тренингов, упражнений, ситуационно-ролевых игр, игровых ситуаций, консультирования» [12, с.12]. В то же время данный автор признает и необходимость широкого использования таких внеучебных мероприятий, как викторины, диспуты, дебаты, просмотр и обсуждение кинофильмов, вечера-портреты национальностей, встречи с представителями диаспор.

Сделать основной упор в педагогической работе с курсантами на тренинги, выполнение специальных упражнений, с целью выработки навыков соответствующего поведения предлагает Е. А. Сергеева, которая считает необходимым при разработке и внедрении в практику профессиональной подготовки будущих офицеров внедре-

ние комплексной программы по формированию этнической толерантности, включающей информационные блоки, элементы **социально-психологического тренинга, игры, упражнения, задания**, способствующие овладению техникой этнотолерантного взаимодействия, конструктивного поведения в конфликтных ситуациях, организации совместной деятельности курсантов как представителей различных этносов в условиях военного вуза [13, с.13-14].

Таким образом, проведенное сравнительное исследование основных форм и методов воспитательной деятельности, предлагаемых для реализации в образовательных организациях силовых ведомств Российской Федерации (в том числе – в образовательных организациях МВД России), позволило выделить в ходе компаративного анализа, несколько ведущих выдвигаемых в литературе в этом смысле подходов.

Во-первых, некоторые авторы ограничиваются приведением только набора форм и методов воспитания, сформулированных в директивных документах (приказах, руководствах, инструкциях и т.д.), практически не привнося в этот список ничего оригинального. Во-вторых, в некоторых отечественных публикациях и диссертациях предлагаются несколько другие методические ин-

струменты воспитательной деятельности, делается акцент на реализации не только традиционных средств социально-педагогического сопровождения, но и на усилении компетентностных и тренинговых технологий педагогической деятельности. В-третьих, сами авторские подходы существенно различаются, с точки зрения предлагаемых преимущественных способов воспитательного воздействия: одни требуют организации тотального контроля и жесткого регулирования всей жизнедеятельности обучаемых, другие не столь категоричны в этом вопросе; отдельные авторы предлагают сосредоточиться на организации образовательного процесса, а их невольные оппоненты – педалируют доминирующую роль внеучебных мероприятий. В-четвертых, в особую группу авторских подходов выделяются те работы, в которых набор основных форм и методов воспитательной деятельности расширяется из-за того, что в качестве предмета исследования выбирается конкретное направление воспитательной деятельности (патриотическое, нравственное, поликультурное и т.д.). Именно последний подход остается на сегодняшний день наименее изученным и нуждается в дальнейшей научно-методической разработке.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Педагогика. Современная энциклопедия. М.: Современная школа, 2010. 720 с.
2. Новиков А.М. Педагогика: словарь системы основных понятий. М.: ИЭТ, 2013. 268 с.
3. Педагогика: учебное пособие для студентов вузов. М.: Академия, 2012. 576 с.
4. Современная педагогика (с элементами педагогической психологии): учебное пособие для вузов. М., 2015. 624 с.
5. Бялт В.С. Особенности воспитательной работы с курсантами и слушателями образовательных учреждений системы МВД России // Доступ: http://law-journal.ru/files/pdf/201301/201301_37.pdf (дата обращения 12.03.2016.)
6. Приказ Министерства внутренних дел Российской Федерации N 80 от 11 февраля 2010 года «О морально-психологическом обеспечении оперативно-служебной деятельности органов внутренних дел Российской Федерации». Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/902252453> (дата обращения 15.02.2016.)
7. Бялт В.С., Трипутин С.Н. К вопросу об институте кураторства в образовательных учреждениях системы МВД России // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2013. №4.
8. Тимофеева О.А. Формирование общечеловеческих культурных ценностей у курсантов вуза МВД России в ходе профессиональной подготовки: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Йошкар-Ола, 2013. 23 с.
9. Козлов В.А. Формирование у курсантов вузов МВД России нравственного отношения к сослуживцам: автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 2013. 24 с.
10. Лигновская Е.В. Формирование опыта межкультурного взаимодействия у курсантов военного вуза: дис. ... канд. пед. наук. Кострома, 2005. 176 с.
11. Щеглова Е.М. Развитие поликультурной компетентности будущих специалистов: на примере курсантов академии МВД: дис. ... канд. пед. наук. Омск, 2005. 189 с.
12. Кононова О.А. Социально-педагогическое сопровождение межнационального общения курсантов в военном вузе: дис. ... канд. пед. наук. Ярославль, 2008. 179 с.
13. Сергеева Е.А. Организационно-педагогические условия формирования этнической толерантности курсантов военного вуза: дис. ... канд. пед. наук. Ульяновск, 2009. 186 с.

УДК 343.61

З. Э. Эргашева

К ВОПРОСУ О ДЕКРИМИНАЛИЗАЦИИ ПОБОЕВ

В статье анализируются основания декриминализации побоев, инициированной Верховным Судом Российской Федерации. Предпринимается попытка освещения проблемы несоразмерности уголовной ответственности существу деяния, предусмотренного частью 1 статьи 116 Уголовного кодекса Российской Федерации. Формулируется вывод о закономерности процесса декриминализации лишь однократного причинения физической боли.

Ключевые слова: побои, правонарушение, преступление, декриминализация, уголовная ответственность, административная преюдиция.

Конституция Российской Федерации провозглашает признание и гарантию прав и свобод человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права. В соответствии со ст. 21 и 22 Основного Закона государства каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность, никто не должен подвергаться пыткам, насилию, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению или наказанию.

Вместе с тем установление уголовной ответственности за минимальное посягательство на телесную неприкосновенность не свидетельствует о необходимости применения уголовно-правовых репрессий и, кроме того, может повлечь ущемление прав потерпевших, зачастую не заинтересованных в том, чтобы виновные были привлечены к уголовной ответственности.

31 июля 2015 года Верховным Судом Российской Федерации предложено декриминализировать побои (ч. 1 ст. 116 УК РФ) и установить административную ответственность за данное деяние [1].

Полагаем, что данное предложение Верховного Суда России не лишено оснований, однако требует, на наш взгляд, существенного уточнения. Необходимо четко определить, какие именно действия подлежат декриминализации и что лежит в основе такого решения.

Впервые норма об уголовной наказуемости умышленных ударов и иных насильственных действий над личностью, не повлекших расстройства здоровья, появилась в Уголовном уложении 1903

года (ст. 475). В советском уголовном праве побои признавались преступлением и в УК РСФСР 1922 года (ст. 157), и в УК РСФСР 1926 года (ст. 146), и в УК РСФСР 1960 года (ст. 112).

В диспозиции ч. 1 ст. 116 действующего УК РФ объективная сторона побоев описывается следующим образом: «Нанесение побоев или совершение иных насильственных действий, причинивших физическую боль, но не повлекших последствий, указанных в статье 115 настоящего Кодекса».

История отечественного уголовного законодательства показывает, что законодатель ни ранее, ни на современном этапе его развития не дает определения побоев и иных насильственных действий, что вызывает неоднозначную их трактовку в научной и учебной литературе, а также на практике.

Так, продолжает оставаться спорным вопрос о характере вреда, причиняемого побоями: причиняется ли преступлением вред здоровью человека или урон наносится только общественным отношениям, связанным с телесной неприкосновенностью? Учитывая, что побои связаны с причинением физической боли, что судебной медициной относится к функциональным нарушениям работы организма [2, с. 244], полагаем, что предпочтительной является первая точка зрения.

Также не вполне ясно, какое минимальное количество насильственных действий в отношении потерпевшего (одно, два, три и т.д.) позволяет квалифицировать их как побои.

Полагаем, что и при однократном физическом воздействии виновного на потерпевшего имеют-

Эргашева Зарина Эркиновна, аспирант кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, e-mail: zarina_19_92@mail.ru

©Эргашева З.Э., 2016

Статья получена 19.04.2016

ся все признаки состава преступления, предусмотренного ст. 116 УК РФ, что также утверждают П.Н. Кабанов [3] и другие ученые. Исходя из данного подхода, можно сделать вывод о том, что один удар, равно как и множество ударов, характеризуются одинаковой степенью общественной опасности. Но так ли это на самом деле?

Представляется, что множество насильственных действий по сравнению с одним таким действием причиняют больший вред общественным отношениям, складывающимся в связи с охраной здоровья и обеспечением телесной неприкосновенности, а значит, и вид юридической ответственности за совершение действий, подпадающих под признаки преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 116 УК РФ, должен быть соразмерным.

Считаем, что такой инструмент юридико-правовой техники, как декриминализация, при обоснованном его применении может стать эффективным при решении вышеуказанной проблемы.

Декриминализация – это процесс исключения преступлений из Уголовного кодекса Российской Федерации, в отношении оснований которого в науке уголовного права сложились различные подходы.

Так, некоторые ученые считают, что декриминализация определяется полным исчезновением общественной опасности деяний и ликвидацией их уголовной наказуемости. Представляется, что такое категоричное утверждение об исчезновении общественной опасности является не совсем верным.

Следует скорее согласиться с мнениями ученых, которые связывают процесс декриминализации с существенным снижением степени общественной опасности деяния. Действительно, общественная опасность – материальный признак, характерный как для преступлений, так и для административных правонарушений.

Можем ли мы говорить о наметившейся тенденции снижения степени общественной опасности побоев? Представляется, что основания для подобных утверждений отсутствуют. Особенно это касается умышленного нанесения многократных ударов, избития потерпевшего. Считаем, что ввиду повышенной степени общественной опасности таких деяний следует все же сохранить уголовную ответственность за их совершение.

Действительно, одновременное многократное совершение посягательств на телесную неприкосновенность человека (не менее двух раз) свидетельствует о стремлении лица причинить более сильную физическую боль, а значит, является более опасным поведением, что должно получить соответствующую оценку в действующем законодательстве.

Однако декриминализация деяний допустима, если существует возможность и целесообразность

реагирования на подобные акты не в форме уголовного наказания, а путем применения альтернативных видов социального (государственного и общественного) реагирования. Как справедливо утверждает академик В. Н. Кудрявцев, решая вопрос о криминализации деяния либо о его декриминализации, необходимо принимать во внимание наиболее полный «набор» тех методов социального реагирования, которыми можно заменить уголовное наказание. К их числу целесообразно отнести административную и гражданско-правовую ответственность, организационные, лечебные, воспитательные, просветительные и иные меры [4, с. 183].

М. А. Любавина, рассматривая вопрос о криминализации потребления наркотических средств и психотропных веществ без назначения врача, справедливо указала также на необходимость соблюдения конституционного принципа соразмерности ответственности [5, с.87-89].

В Определении от 10 июля 2003 г. № 270-О Конституционный Суд Российской Федерации подчеркнул, что уголовный закон, будучи в силу своей правовой природы крайним средством, с помощью которого государство осуществляет реагирование на факты правонарушающего поведения, распространяет свое действие лишь на те сферы общественных отношений, регулирование которых с помощью правовых норм иной отраслевой принадлежности, в том числе норм, устанавливающих административную ответственность, оказывается недостаточным [6].

Уголовно-правовой запрет в этом смысле представляет собой так называемый последний довод (*ultimaratio*) в инструментарии законодателя [7, с.159-176]. Был ли соблюден принцип соразмерности при установлении уголовной ответственности за совершение побоев, в частности, однократного причинения физической боли? Использовал ли законодатель все возможные меры, прежде чем криминализировать данное деяние? История уголовно-правового запрета нанесения побоев, рассмотренная нами выше, свидетельствует, что нет. Следовательно, инициатива декриминализации однократного причинения физической боли имеет право на существование.

Более того, анализ судебной статистики свидетельствует о том, что практически каждое второе судимое лицо в стране осуждается за преступление небольшой тяжести, в связи с чем государство расходует несопоставимо огромные кадровые, материальные, технические ресурсы. При этом на протяжении многих лет суды ежегодно прекращают по различным реабилитирующим основаниям более 200 тыс. уголовных дел о преступлениях небольшой и средней тяжести. Например, в 2014

году суды прекратили уголовные дела в отношении 215 418 лиц [8]. Большую часть среди них занимают преступления, запрещенные ст. 116 УК РФ. В частности, публикация соответствующей судебной практики Михайловским районным судом Волгоградской области за 2014 г. позволяет проанализировать следующие примеры.

Так, в обозначенный период мировыми судьями было рассмотрено 76 уголовных дел частного обвинения (по ч. 1 ст. 116 УК РФ – 64 уголовных дела). Из них прекращено в связи с примирением сторон – 29, в связи с отказом частного обвинителя от обвинения – 10 дел [9, с.19]. Каждое такое прекращенное уголовное дело влечет безвозвратные финансовые потери, которые вряд ли являются оправданными.

Помимо экономического аспекта предложения Верховного Суда России, заслуживает внимания и его морально-этическое основание. Выступая перед Федеральным Собранием, Президент России Владимир Путин высказался в поддержку инициативы декриминализации ряда преступлений, в том числе побоев, заявив, что закон «должен быть гуманен к тем, кто оступился» [10].

Идея представляется верной, так как только постепенное снижение уголовной репрессии поможет снизить и уровень насилия в обществе.

Однако предложение о декриминализации побоев вызывает у ряда ученых обоснованную критику в связи с тем, что конфликты, драки, избиения, сопровождаемые угрозами убийством, нередко предшествуют бытовым убийствам (когда убийца и потерпевший – члены одной семьи, родственники, знакомые, соседи, поссорившиеся во время совместного распития спиртных напитков и т.д.).

Так, например, Б. А. Швырев, О. В. Кудряшов, И. В. Выдрин отмечают, что декриминализация побоев может способствовать формированию правового нигилизма, атмосферы безнаказанности, что противоречит интересам борьбы с преступностью [11, с.3].

Однако парадоксально то обстоятельство, что пока побои остаются уголовно наказуемым деянием, характеризующимся высокой степенью латентности, их выявление с целью предотвращения более тяжких преступлений, таких как убийство, причинение тяжкого вреда здоровью, еще более затруднено.

Так, статистические данные Информационного центра ГУ МВД России по Красноярскому краю показывают, что снижение количества зарегистрированных преступлений, предусмотренных ст. 116 УК РФ (побои), с 2223 до 2047, равно как и увеличение количества преступлений, уголовная ответственность за совершение которых предусмотрена ст. 115 УК РФ (умышленное причинение легкого

вреда здоровью), с 526 до 961, существенно не повлияли на количество совершенных в 2015 году тяжких преступлений. В 2015 году совершено 1077 преступлений, запрещенных ст. 111 УК РФ (умышленное причинение тяжкого вреда здоровью), и 316 убийств, в то время как в 2014 году количество тяжких преступлений, квалифицированных по ст. 111 УК РФ, достигало 1108, а количество убийств – 320 [12].

Нежелание потерпевших придавать огласке факты насилия, имеющие место в семье, связано как с морально-этическими нормами и со спецификой родственных отношений, основанных на чувстве любви, жалости, привязанности к близкому человеку, так и с боязнью последствий в виде привлечения нанесшего побои к уголовной ответственности и, как следствие, появления у него судимости.

Повторимся, что декриминализация многократного причинения боли, избиения потерпевшего ввиду повышенной общественной опасности таких деяний невозможна, однако допустимо применение иных мер реагирования по отношению к однократному причинению боли.

Считаем, что установление административной ответственности за однократное причинение физической боли, охваченное в настоящее время ч. 1 ст. 116 УК РФ, позволит решить сразу две проблемы: 1) разграничить однократное и многократное причинение физической боли; 2) понизить степень латентности побоев и своевременно выявить лиц, склонных к бытовому насилию.

Вместе с тем следует учесть, что повторное однократное причинение физической боли имеет повышенную степень общественной опасности, поэтому требует введения административной преюдиции, то есть установления уголовной ответственности за совершение указанных действий лицом, ранее подвергнутым административному наказанию за аналогичные действия, что также предлагается законопроектом Верховного Суда России.

В данном случае применение мер административного наказания окажет соответствующее предупредительно-воспитательное воздействие на правонарушителя, который будет осознавать, что совершение повторных аналогичных противоправных действий обернется для него более серьезными последствиями.

Также полагаем, что подобные законодательные закрепления позволят осуществить дифференциацию уголовной ответственности за различные по характеру и степени общественной опасности деяния, а также снизить уровень судимости населения и рецидива.

Таким образом, отмечая положительную роль административной преюдиции, а также несораз-

мерность уголовно-правового запрета существу однократного причинения физической боли, полагаем, что процесс частичной декриминализации побоев в настоящее время является закономерным

и небезосновательным. Полная же декриминализация деяния, охваченного ч. 1 ст. 116 УК РФ, представляется несколько поспешным решением.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проектов федеральных законов «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности»: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 37 от 31.07.2015 // КонсультантПлюс. ВерсияПроф [Электронный ресурс].
2. Гурочкин Ю.Д., Витер В.И. Судебная медицина: курс лекций. М.: Право и закон, 2003.
3. Кабанов П.Н. Уголовная ответственность за побои и истязание: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 25 с.
4. Кудрявцев В.Н. Основания уголовно-правового запрета (криминализация и декриминализация). М.: Наука, 1982.
5. Любавина М.А. К вопросу о криминализации немедицинского потребления наркотических средств и психотропных веществ // Криминалистика. 2013. № 2 (13).
6. Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Курганского городского суда Курганской области о проверке конституционности части первой статьи 3, статьи 10 Уголовного кодекса Российской Федерации и пункта 13 статьи 397 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда Российской Федерации от 10 июля 2003 г. №270-О // КонсультантПлюс. Версия Проф [Электронный ресурс].
7. Елинский А. В. Конституционное измерение уголовного права // Сравнительное конституционное обозрение. 2012. № 3.
8. Давыдов В.А. Реформирование институтов Уголовного кодекса РФ: предложения Верховного Суда РФ // Уголовный процесс. 2015. № 9.
9. Обобщение практики рассмотрения мировыми судьями судебных участков Михайловского района Волгоградской области уголовных дел о преступлениях, предусмотренных ст. 116 ч.1 и 115 ч. 1 УК РФ за 2014 год // Документы Михайловского районного суда Волгоградской области. URL : http://mihal.vol.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=670 (дата обращения: 04.03.2016).
10. Послание Путина Федеральному Собранию // Новая газета. 2015. № 03/12/2015. URL : <http://www.povayagazeta.ru/news/1698420.html/> (дата обращения: 25.02.2016).
11. Швырев Б.А., Кудряшов О.В., Выдрин И.В. Проблема декриминализации побоев // На пути к гражданскому обществу. 2015. № 3.
12. Статистические данные Информационного центра ГУ МВД России по Красноярскому краю о количестве выявленных преступлений в 2014 и 2015 гг. от 20.01.2016 / Красноярск: Главное Управление МВД России по Красноярскому краю, 2016.

ABSTRACTS AND KEY WORDS**Nevirko D. D. Features of influence of social practice on development of the drug situation in the Russian society**

The article is devoted to the analysis of social practices, which depending on their content and focus, have both positive and negative consequences for the society. The author suggests the main directions of the weakening of social practices aimed at illicit drug production and trafficking, and the strengthening of those ones aimed at prevention of non-medical drug use and promoting a healthy lifestyle.

Keywords: social practice, drug situation monitoring, narcotization of the society, narcotic drugs, psychotropic substances, illicit drug trafficking, drug use prevention.

Shinkevich V. Y. Youth's extremism as a factor of development of terrorist threats in the society: social and philosophic aspect

The article is devoted to the social and philosophic comprehension of the problem of youth's extremism. The authors draw attention to the fact that extremism presents a great threat not only for Russia but for the entire world community in general causing harm to the established social human values, having a significant negative impact on the "feeling of person's safety", undermining society and state security. Some measures for counteracting youth's extremism as a factor of manifestation of terrorist threats are proposed.

Keywords: extremism, youth's extremism, terrorism, types of terrorism, counteraction to the extremism in youth's environment.

Iglin A. V. Tax law of the European union

It is considered in the article that in the European tax law there was a complex of the norms aimed at providing realization of a uniform tax policy of the European Union countries today. The author shows that norms of the tax law of the EU pay attention to the relations in the sphere of the taxation, rapprochement of tax rates, harmonization and unification of tax designs for creation of a commodity market, uniform for the EU, services, the capital and labor. The conclusion that the tax law of the EU - branch of international law which makes set of law norms having the international origin and governing the public relations concerning use of tax harmonization is drawn.

Keywords: European Union, taxes, European law, tax harmonization.

Kashkarov A. A., Zabroda D. G. Local law-making as a means of formation and enforcement of corporate anti-corruption policy

The article is devoted to the question of forming of corporate anti-corruption policy by means of local rule-making of economic entities. It is summarized the views of legal theorists about corporative local normative acts content and is made content-analysis of several local normative acts of countering corruption in business entities.

Keywords: corruption, law-making, local normative acts, anti-corruption policy.

Saltykov K. G. Especially the use of the term «contract» in legal language and text

The article discusses the features of the distribution of the term «contract» in a legal text. The contract is understood as a fundamental legal institution and as a algorithm of inter-related activities. Fixed terminologically lexeme «contract» accumulates the common language and specific information, being a unit of language and professional scientific knowledge.

Keywords: the term, distribution, legal language, legislation, contract.

Yakovleva E. A., Seletskaja S. B. Features of legal status of married couples and their interdisciplinary nature

In this article the author attempted to reveal interdisciplinary character of legal nature of status of married couples as a subject, who dispense private non-property justice in family. The author attempts to prove that the norms regulating the legal status of married couples has interdisciplinary nature and needs to be reflected in a special law on the federal level. The findings and suggestions made in the article can be used in the educational process in the course of Family Law of the Russian Federation, in the process of reformation of the Family Law, and, in law enforcement practice.

Keywords: legal status of married couples, legal situation of married couples, family and civil law, interdisciplinary nature of the legal status of married couples, interdisciplinary nature.

Artyushina O. V., Usmanova N. M. The object of illicit trafficking of new potentially dangerous substance

The article analyses features that characterise the object as an element of the offense under Art. 234.1 of the Criminal Code, introduced by the Federal Law on February 3, 2015 № 7-FZ. The authors have formulated common, generic, specific objects of crime, justified the classification of direct object, and also made a proposal on the improvement of combating crimes related to the illicit trafficking of new psychoactive substances.

Keywords: criminal law, protection of public health, object and subject of crime, potentially dangerous new psychoactive substances.

Krylova E. S. Possibility of application of punishment in the form of deprivation of the right to occupy certain positions or engage in certain activities taking into account the recommendations of the Resolution of Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation from 22.12.2015 No. 58

The article provides the analysis of clarifications of Resolution of the Plenum of the Supreme Court N 58 22.12.2015 «Practice of appointment by courts of the Russian Federation of criminal punishment» for application of the penalty of deprivation of the right to occupy certain positions or engage in certain activities, examines current approaches to the use of resources of the given type of punishment; gives proposals in its formulation.

Keywords: deprivation of the right to occupy certain positions or engage in certain activities, punishment, infliction of punishment.

Kursaev A. V., Terehov A. Y. Legal assessment of the censorship

The article describes the concept and features of censorship, examines the Foundation of the criminalization of censorship. There are cases in which censorship is allowed. A distinction is made between the limitation of certain types of information and censorship. It refers to the rules of the qualification of acts having signs of censorship.

Keywords: criminal responsibility, qualification of crimes, censorship.

Timofeeva E. A., Yavorsky M. A. Analysis of research activity in the sphere of combating extremism and religious radicalism in penal institutions of foreign countries

The authors analyzed foreign open sources and made a research on combating the radicalization of prisoners in foreign prisons. The article summarizes the reasons for the spread of radical ideologies in prison environment, a brief description of de-radicalization programs of prisoners in prisons abroad is given.

Keywords: extremism, the spread of radical ideas, de-radicalization in prisons, prison rehabilitation programs.

Shaydullina E. D. The personality of a criminal, engaged in production and trafficking of unmarked goods and products

This article will outline the socio-demographic, moral-psychological characteristics, and criminal factors influencing the personality of a criminal, engaged in the production and trafficking of unmarked goods and products.

Keywords: unmarked goods and products, criminal personality, illegal production and trafficking, The Criminal Code of Russian Federation.

Shalagin A. E. Crime as an object criminological research

The article analyzes the main stages of the evolution of crime, as socially negative, illegal, socially dangerous phenomenon. The definition of crime reflects its symptoms, types and characteristics. Special attention is given to latent crime and the ways of its assessment. Attention is drawn to the methodology of criminological research and the end result of such work. Shows the role of criminological knowledge in the preparation of the bodies of internal Affairs to professional and service activities.

Keywords: crime, latent crime, criminology, criminological research, prevention, suppression, prevention of crimes.

Demidova-Petrova E. V. Criminological importance of information factors in the behavior of minors

This article tells that the detection of criminological characteristics of significant behavior of juveniles should be used method of singling out a factor that has a neutral value of milking the formation of the social environment and the individual.

The author offers his point of view about the value of information factors in minors' behavior.

Shevko N. R., Chitaya Z. I. Problems of definition of the objective side of crimes committed using information technology

The article deals with the problem of the definition of «crimes committed using information technology.»

The authors propose their own interpretation of this definition, as well as the inclusion method cybercrime in the list of aggravating circumstance.

Keywords: information technology, criminal law of the cyber crime, hacking.

Skikula I. R. Theoretical and practical problems of the definition of «helpless state» in the criminal law of Russia

The article reveals the concept «helpless a condition of the victim», features of a criminal and legal assessment of a helpless condition of the victim, problematic issues of qualification of public and dangerous acts concerning the persons which are down and out are analyzed.

Keywords: victim, helpless, protection, crime, juvenile, aged, examination.

Borkov V. N. Differentiation of corruption offenses and corruption crimes committed by members of the Interior

The article examines current problems combination of measures of criminal law and disciplinary responsibility in the implementation of the state policy in the sphere of combating corruption. The author analyzes the related corruption offenses and kriminoobrazuyuschie signs that allow to distinguish the gross violations of discipline, expressed in violation of anti-corruption restrictions and prohibitions from socially dangerous encroachments.

Keywords: corruption misconduct, corruption offense, unlawful remuneration, bribery, use of state property, abuse of office.

Stelmach V. Y. The concept, features, and grounds for suspension of the preliminary investigation

The article systematized signs suspension of the preliminary investigation and analyzes provided by the criminal procedural law, the grounds and conditions of suspension justified by the possibility of suspending the case in connection with the appeal to the Constitutional Court of the Russian Federation only at the trial stage of criminal proceedings, considered proposals for the introduction of additional grounds for suspension of the preliminary investigation.

Keywords: criminal proceedings, the preliminary investigation, the suspension.

Yunusov A. A., Mazina N.N. Types of judgments of appellate instance as an element of an effective appeal process protection

The article, in the context of the novel, as amended by the Federal law No. 433-FZ of December 29, 2010, investigates the problem of decision of the su-house appeal with the Prosecutor withdraws the prosecution in an appeal-tional court; the reconciliation of the parties.

Keywords: court of appeal; the Prosecutor withdraws the prosecution; the appellate decision; termination of criminal proceedings;-Mirena; the verdict; the defendant; the Prosecutor.

Mouzeev A. I. Some measures to improve analytical support operational and investigative police activities for the control of organized crime

Article is based on the results of scientific study of the management of operational and investigative police work to control of organized crime. Measures to improve analytical support in this area are proposed.

Keywords: organized crime, operational and investigative activities, analytical work.

Haidarov A. A. Connection cases: actual problems of theory and practice

The article discusses the problems that arise when connection criminal cases due to non-compliance of procedural status of participants of criminal process in a parallel investigation of these criminal cases. In addition, the issue of a criminal case by the investigators for two or more offences. Thus it is concluded that to initiate criminal proceedings for two or more offences have the right only to head of the investigative body and the prosecutor in accordance with the procedural rules of connection of criminal cases.

Keywords: connection criminal cases, the allocation of criminal cases, the powers of the head of the investigative body, powers of attorney, the legal status of a suspect in a criminal case, a criminal case.

Mikerin A. A. Specific of the historical development of Russia in the concept of cultural history of Milyukov P. N.

In the article various aspects of theoretical and methodological views of P.N. Milyukov: the notion of the historical process and its driving forces in general and the particular historical evolution of the various countries, the ratio of the history of material and spiritual culture are discussed.

The author expresses some criticisms of the historical concept of P.N. Miliukov.

Keywords: historical process, cultural history, specifics of historical development of Russia, material

culture, spiritual culture, civilizational identity

Konoplyova A. A. Actual problems of cross-cultural interaction in the context of law enforcement activity implementation

The article is devoted to specific features of the law enforcement activity implementation in a multicultural society conditions. Special attention is paid to the peculiarities of the activities of law enforcement officers in the multinational Republic of Crimea. Recommendations for the prevention of conflicts on the basis of cross-cultural environment of law enforcement are introduced.

Keywords: law enforcement activity, ethnoprofiling, Republic of Crimea, cross-cultural interaction.

Begishev I. R. Some questions of counteraction to fraud in the sphere of computer information

In the article the provisions of article 1596 of the criminal code and the identified deficiencies in its terminological support are analysed. Issues of improving the provisions on liability for fraud in the sphere of computer information are considered. It is proved that fraudulent software refers to a category of malicious computer programs. Some mechanisms to combat fraud in the sphere of computer information are identified.

Keywords: fraud; information; computer information; digital information; Internet; malicious computer programs; fraudulent software; criminal law; the anti-fraud; crimes; fraud.

Marina E. A. The tactics of the survey used in the criminal procedure of the usa in the pretrial stage

The article is devoted to the analysis of tactics of a survey used by police authorities in the United States. There are specific types of tactics. Special attention is given to special materials, developed for more effective selection and application of tactics surveys.

Keywords: tactics, interrogation, criminology, USA, police, crime, personality.

Tahirov Z. I. European model of law enforcement: prospects of application in Russia

The article presents an overview of contemporary foreign visions of organized crime and terrorism based on the understanding of the network character of intersubjective relations people. The introduction of the network of legal and organizational mechanisms to combat the most dangerous manifestations of crime, primarily with manifestations of terrorism, according to the author, is urgent need of practical law enforcement in the Russian Federation.

Keywords: law enforcement network, law enforcement, simulation, law enforcement cooperation, European Union, foreign experience.

Urakov D. I. About the problems of the optimal legal organization of investigation of criminal fraud in the sphere of economic activity

This article discusses the problems associated with the investigation of crimes related to fraud in the sphere of economic activity. Emphasis is placed on typical problems that arise in this case. The author offers a solution to these problems through a reform of the legal pre-trial criminal investigation and argues his position by the necessity of increase of efficiency of counteraction to such crimes.

Keywords: fraud, preliminary investigation, operational-investigative activity.

Khakimov N. N. Formes and methods of educational activity in educational establishments of Ministry of Interior of the Russian Federation: comparative analyzes of basic trends

In the article the main formes and methods of educational activity in educational establishments of Ministry of Interior of the Russian Federation by means of comparative analyzes of basic trends on subject are researched.

Keywords: forms and methods of educational activities, especially education in educational institutions of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, a comparative analysis of the main approaches.

Ergasheva Z. E. On the issue of battery decriminalization

The article analyzes reasons for battery decriminalization proposed by the Supreme Court of the Russian Federation. An attempt is made to elucidate the problem of an inadequacy of criminal liability to the merits of an act under Part 1 of Article 116 of the Criminal Code of the Russian Federation. The conclusion is drawn on only the consistency of the decriminalization of single infliction of physical pain.

Keywords: battery, offense, crime, decriminalization, criminal liability, administrative prejudice.

Уважаемые коллеги!

Приглашаем ученых, адъюнктов, аспирантов и соискателей, а также сотрудников органов внутренних дел принять участие в опубликовании научных трудов в журнале «Вестник Казанского юридического института МВД России».

Предоставляемые материалы должны быть актуальными, новыми, иметь научную или практическую значимость.

Журнал издается раз в квартал.

Требования, предъявляемые к статьям, направляемым в журнал «Вестник Казанского юридического института МВД России»

1. Статья представляется в редакцию журнала в электронном виде.

2. К статье прилагается цветная фотография автора в цифровом формате (JPEG) с разрешением не менее 1024x768 пикселей (в повседневной форме, без головного убора, на нейтральном фоне).

3. К статье соискателя, адъюнкта, аспиранта должна быть приложена рецензия научного руководителя, рекомендующего данную статью к опубликованию, подпись рецензента должна быть заверена кадровым аппаратом соответствующей организации.

4. Элементы издательского оформления включают:

- сведения об авторе (ах) (не более двух соавторов): фамилия, имя, отчество (полностью), ученое звание, ученая степень, должность или профессия, место работы (наименование учреждения или организации, населенного пункта), контактная информация (e-mail, телефон);

- заглавие публикуемого материала; индекс УДК;

- аннотацию текста публикуемого материала (не более четырех предложений) и ключевые слова (на русском и английском языке). Аннотация в целом и любая ее часть не должны быть перифразом заглавия статьи. Ключевые слова (не более семи речевых единиц) (на русском и английском языке) должны отражать суть работы, научную новизну.

5. Объем статьи – от 5 до 10 страниц текста, набранного в соответствии с указанными ниже требованиями.

6. Технические требования:

- текстовый редактор Microsoft Word, шрифт Times New Roman, кегль 14 пунктов, междустрочный интервал 1,5;

- параметры страницы: поля верхнее, нижнее – 2 см, правое – 2,5 см, левое – 1,5 см;

- абзацный отступ 1,25 см, выравнивание по ширине;

- ссылки на источник даются по тексту – в скобках, в виде списка литературы в конце рукописи, оформленные по ГОСТ 7.0.5-2008.

7. Статья должна быть подписана автором, а также в свободной форме дается разрешение на публикацию в Интернете, например: «Против размещения полнотекстовой версии статьи в открытом доступе в сети Интернет не возражаю»

Редакция оставляет за собой право на редактирование статей, без изменения их научного содержания. Статьи, соответствующие данным требованиям, проверяются программой «Антиплагиат». Не принимаются статьи, имеющие менее 70% оригинального текста.

С каждым автором заключается лицензионный договор о передаче Институту прав на использование представленных им материалов.

Редакционная коллегия оставляет за собой право направлять на рецензирование, дополнительное рецензирование или отклонять предлагаемые к публикации работы.

Авторы полностью несут ответственность за подбор и достоверность излагаемых фактов, цитат, а также отсутствие сведений, не подлежащих опубликованию в открытой печати.

Экземпляры журнала с опубликованными статьями можно получить путем подписки.

Опубликованные в журнале статьи, согласно требованиям ВАК РФ, размещаются в полнотекстовом виде в электронной библиотеке Российского индекса научного цитирования, а также на сайте Казанского юридического института МВД России.

Рукописи принимаются ответственным секретарем редколлегии Хрустальной Ольгой Николаевной (тел. (843) 537-62-13, электронный адрес vestnikkui@mail.ru).